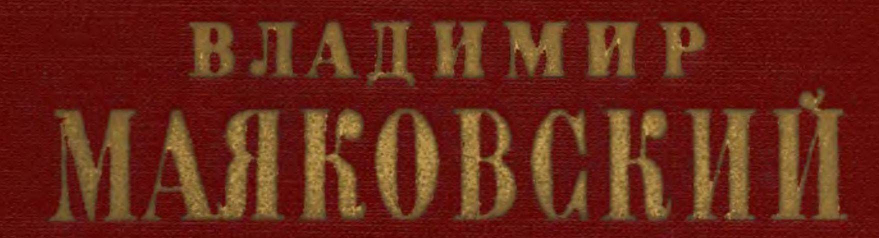

В. МАЯКОВСКИЙ

9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

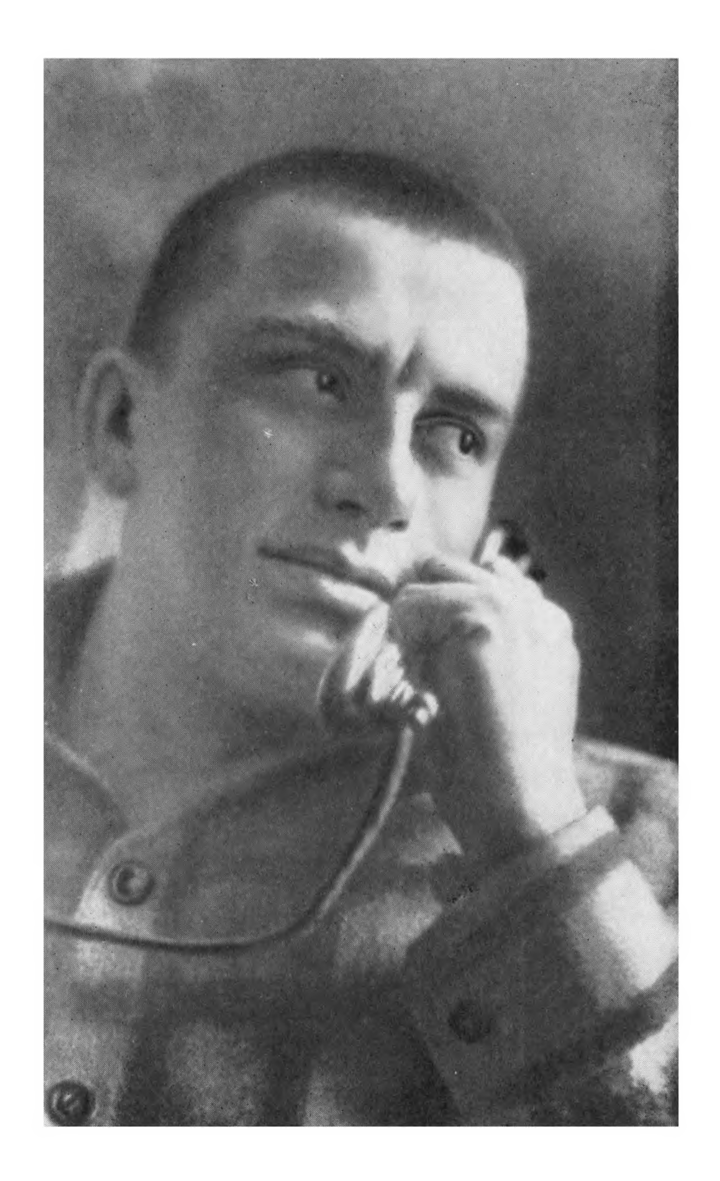
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

1928

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

Подготовка текста и примечания
В. А. АРУТЧЕВОЙ

В. МАЯКОВСКИЙ
Фото. 1928 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1928)

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

На эфирном океане,
там,
    где тучи-борода,
громко плавает в тумане
радио-белиберда.
Утро.
    На столике стоит труба.
И вдруг
    как будто
        трубу прорвалó,
в перепонку
    в барабанную
        забубнила, груба:
«Алло!
    Алло!!
        Алло!!!
            Алло!!!!»
А затем —
    тенорок
        (держись, начинается!):
«Товарищи,
    слушайте
        очередной урок,
как сохранить
    и полировать яйца».
Задумался,
    заволновался,
        бросил кровать,

в мозгах
темно,
как на дне штолен.
— К чему ж мне
яйца полировать?
К пасхе,
што ли?! —
Настраиваю
приемник
на новый лад.
Не захочет ли
новая волна порадовать?
А из трубы —
замогильный доклад,
какая-то
ведомственная
чушь аппаратова.
Докладец
полтора часа прослушав,
стал упадочником
и затосковал.
И вдруг...
встрепенулись
восторженные уши:
«Алло!
Последние новости!
Москва».
Но то́тчас
в уши
писк и фырк.
Звуки заскакали,
заиграли в прятки —
это
широковещательная Уфы
дует
в хвост
широковещательную Вятки.
Наконец
из терпения
вывели и меня.

Трубку
душу́,
за горло взявши,
а на меня
посыпались имена:
Зины,
Егора,
Миши,
Лели,
Яши!
День
промучившись
в этом роде,
ложусь,
а радио
бубнит под одеяло:
«Во саду аль в огороде
девица гуляла».
Не заснешь,
хоть так ложись,
хоть ина́че.
С громом
во всем теле
крою
дедушку радиопередачи
и бабушку
радиопочте́лей.
Дремлют штаты в склепах зданий.
Им не радость,
не печаль,
им
в грядущем нет желаний,
им...
— семь с половиной миллионов! —
не жаль!

[1928]

ДАЕШЬ ХЛЕБ!

Труд рабочего,
хлеб крестьян —
на этих
двух осях
катится
время
на всех скоростях,
и вертится
жизнь вся.
И если
вдоволь
муку меля
советская
вертится мельница,
тебя—
свобода,
тебя —
земля,
никто
отобрать не посмелится.
Набег
дворянства
не раз повторен:
отбито
и сожжено —
лишь потому,
что в сумках
патрон

с краюхой лежал,
с аржаной.
Деревня
пошла
ходить в сапогах.
(Не лаптем же —
слякоть хлебать!).
Есть сапоги.
Но есть...
пока
рабочему
есть хлеба́.
Добреет крестьянство
и дом его,
и засухой
хлеб
не покаран.
Так в чем же заминка?
И отчего
хвосты
у наших пекарен?
Спокойствие.
Солнце
встает на заре,
а к ночи
садится на домики,
и глядя
на тишь,
ковыряют в ноздре
некоторые
губ-комики.
Зерно
не посыпется в рот само,
гляди,
чтоб леность
начисто смёл —
и голос надобен вкрадчивый.
Работу
удвой
на селе,
комсомол!

Буди,
помогай,
раскачивай!
Чтоб каждый понял,
чтоб каждый налег,
чтоб за семь
ближайших суток
пошел
на ссыпные
сельхозналог,
скользнула
по снегу
семссуда.
Несись
по деревне
под все дымки́:
— Снимай,
крестьянин,
с амбаров замки!
Мы—
общей стройки участники.
Хлеб —
государству!
Ни пуда муки
не ссыпем
отныне
у частника!

[*1928*]

ТРИ ТЫСЯЧИ И ТРИ СЕСТРЫ

Помните
раньше
дела провинций?—
Играть в преферанс,
прозябать
и травиться.
Три тысячи три,
до боли скул,
скулили сестры,
впадая в тоску.
В Москву!
В Москву!!
В Москву!!!
В Москву!!!!
Москва белокаменная,
Москва камнекрасная
всегда
была мне
мила и прекрасна.
Но нам ли
столицей одной утолиться?!
Пиджак Москвы
для Союза узок.
И вижу я —
за столицей столица
растет
из безмерной силы Союза.

Где во́роны
вились,
над падалью каркав,
в полотна
железных дорог
забинтованный,
столицей
гудит
украинский Харьков,
живой,
трудовой
и железобетонный.
За горами угля́
и рельс
поезда
не устанут свистать.
Блок про это писал:
«Загорелась
Мне Америки новой звезда!»
Где раньше
су́шу
китов и акул
лизало
безрыбое море,
в дворцах
и бульварах
ласкает Баку —
того,
кто трудом измо́рен.
А здесь,
где афиши
щипала коза,
— «Исполнят
такие-то арии»...—
сказанием
встает Казань,
столица
Красной Татарии.

Москве взгрустнулось.
Старушка, што ты?!
Смотри
и радуйся, простолицая:
вылупливаются,
во все Советские Штаты,
новорожденные столицы!

[*1928*]

ДЯДЯ ЭМЭСПЭО

МСПО предложило вузовцам меню
завтраков по.....3 рубля 50 копеек.

Славлю,
от восторга воя,
дядю
ЭМЭСПЭО я.

Видит дядя:
вузовцы
в голод
знанием грузятся.
На голодных вузов глядя,
вдрызг
расчувствовался дядя.
Говорит,
глаза коряча:
«Вот вам —
завтрак разгорячий.
Черноморских
устриц с писком
заедайте
супом-биском.
Ешьте,
если к дичи падки,
на жаркое
куропатки.
Рыбку ели?
Ах, не ели?

Вот
на третье вам —
форели.
А на сладкое
же
жрите
это бламанже.
Не забудете
века
завтрак
на два червяка!»
Что ж,
я дядю не виню:
он
привык к таким меню.
Только
что-то
вузовцы
не едят,
конфузятся.
«Что приуныли?
Бокалы не пените?!
Жир куропатки
шампанским полей!»
«Добрый дядя,
у нас
стипендий
только всего —
25 рублей!»

Ты расскажи,
ЭМЭСПЭО, нам,
чтобы зажить
с комсомолом в ладах,
много ль
таких
расцветает пионом
в расканцелярских
ваших садах?

Опустили бы,
мечтатели,
головки
с поднебесий
на вонючие столовки.

[1928]

ЕКАТЕРИНБУРГ—СВЕРДЛОВСК

Из снегового,
слепящего лоска,
из перепутанных
сучьев
и хвои —
встает
внезапно
домами Свердловска
новый город:
работник и воин.
Под Екатеринбургом
рыли каратики,
вгрызались
в мерзлые
породы и ру́ды —
чтоб на грудях
коронованной Катьки
переливались
изумруды.
У штолен
в боках
корпели,
пока —
Октябрь
из шахт
на улицы ринул,

и...
разослала
октябрьская ломка
к чертям
орлов Екатерины
и к богу —
Екатерины
потомка.

И грабя
и испепеляя,
орда растакая-то
прошла
по городу,
войну волоча.
Порол Пепеляев.
Свирепствовал Гáйда.
Орлом
клевался
верховный Колчак.

Потухло
знамен
и пожаров пламя,
и лишь,
от него
как будто ожог,
сегодня
горит —
временам на память —
в свердловском небе
красный флажок.

Под ним
с простора
от снега светлого
встает
новорóжденный
город Свéрдлова.

Полунебоскребы
лесами пóднял,
чтоб в электричестве
мыть вечерá,

а рядом —
гриб,
дыра,
преисподняя,
как будто
у города
нету
«сегодня»,
а только —
«завтра»
и «вчера».
В санях
промежду
бирж и трестов
свисти
во весь
широченный проспект.
И...
заколдованное место:
вдруг
проспект
обрывает разбег.
Просыпали
в ночь
расчернее могилы
звезды-табачишко
из неба кисета.
И грудью
топок
дышут Тагилы,
да трубки
заводов
курят в Исети.

У этого
города
нету традиций,
бульвара,
дворца,
фонтана и неги.

У нас
на глазах
городище родится
из воли
Урала,
труда
и энергии!

[*1928*]

РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА О ВСЕЛЕНИИ В НОВУЮ КВАРТИРУ

Я пролетарий.
Объясняться лишне.
Жил,
как мать произвела, родив.
И вот мне
квартиру
дает жилищный,
мой,
рабочий,
кооператив.
Во — ширина!
Высота — во!
Проветрена,
освещена
и согрета.
Все хорошо.
Но больше всего
мне
понравилось —
это:
это
белее лунного света,
удобней,
чем земля обетованная,

это —
да что говорить об этом,
это —
ванная.
Вода в кране —
холодная крайне.
Кран
другой
не тронешь рукой.
Можешь
холодной
мыть хохол,
горячей —
пот пор.
На кране
одном
написано:
«Хол.»,
на кране другом —
«Гор.».
Придешь усталый,
вешаться хочется.
Ни щи не радуют,
ни чая клокотанье.
А чайкой поплещешься —
и мертвый расхохочется
от этого
плещущего щекотания.
Как будто
пришел
к социализму в гости,
от удовольствия —
захватывает дых.
Брюки на крюк,
блузу на гвоздик,
мыло в руку
и...
бултых!
Сядешь
и моешься
долго, долго.

Словом,
сидишь,
пока охота.

Просто
в комнате
лето и Волга —
только что нету
рыб и пароходов.
Хоть грязь
на тебе
десятилетнего стажа,

с тебя
корою с дерева,
чуть не лыком,
сходит сажа,
смывается, стерва.
И уж распаришься,
разжаришься уж!
Тут —
вертай ручки:
и каплет
прохладный
дождик-душ

из дырчатой
железной тучки.
Ну ж и ласковость в этом душе!
Тебя
никакой
не возьмет упадок:
погладит волосы,
потреплет уши

и течет
по желобу
промежду лопаток.

Воду
стираешь
с мокрого тельца
полотенцем,
как зверь, мохнатым.

Чтобы суше пяткам —
пол
стелется,
извиняюсь за выражение,
пробковым матом.
Себя разглядевши
в зеркало вправленное,
в рубаху
в чистую —
влазь.
Влажу и думаю:
— Очень правильная
эта,
наша,
советская власть.

Свердловск
28 января 1928 г.

ИМПЕРАТОР

Помню—
            то ли пасха,
то ли —
          рождество:
вымыто
            и насухо
расчищено торжество.
По Тверской
                  шпалерами
                                 стоят рядовые,
перед рядовыми —
                           пристава.
Приставов
               глазами
                           едят городовые:
— Ваше благородие,
                                 арестовать? —
Крутит
            полицмейстер
                              за уши ус.
Пристав козыряет:
                            — Слушаюсь! —
И вижу —
               катится ландо,
и в этой вот ланде
сидит
         военный молодой
в холеной бороде.

Перед ним,
как чурки,
четыре дочурки.
И на спинах булыжных,
как на наших горбах,
свита
за ним
в орлах и в гербах.
И раззвонившие колокола
расплылись
в дамском писке:
Уррра!
царь-государь Николай,
император
и самодержец всероссийский!

Снег заносит
косые кровельки,
серебрит
телеграфную сеть,
он схватился
за холод проволоки
и остался
на ней
висеть.
На всю Сибирь,
на весь Урал
метельная мура.
За Исетью,
где шахты и кручи,
за Исетью,
где ветер свистел,
приумолк
исполкомовский кучер
и встал
на девятой версте.
Вселенную
снегом заволокло.
Ни зги не видать —
как на зло̀.

И только
следы
от брюха волков
по следу
диких козлов.
Шесть пудов
(для веса ровного!),
будто правит
кедров полком он,
снег хрустит
под Парамоновым.
председателем
исполкома.
Распахнулся весь,
роют
снег
пимы.
— Будто было здесь?!
Нет, не здесь.
Мимо! —
Здесь кедр
топором перетроган,
зарубки
под корень коры,
у корня,
под кедром,
дорога,
а в ней —
император зарыт.
Лишь тучи
флагами плавают,
да в тучах
птичье вранье,
крикливое и одноглавое,
ругается воронье.

Прельщают
многих
короны лучи.

Пожалте,
дворяне и шляхта,
корону
можно
у нас получить,
но только
вместе с шахтой.

Свердловск
[1928]

СЕРДЕЧНАЯ ПРОСЬБА

«Ку-ль-т-у-р-р-рная р-р-р-еволюция!»
И пустились!
Каждый вечер
блещут мысли,
фразы льются,
пухнут диспуты
и речи.
Потрясая истин кладом
(и не глядя
на бумажку),
выступал
вчера
с докладом
сам
товарищ Лукомашко.
Начал
с комплиментов ярых:
распластав
язык
пластом,
пел
о наших юбилярах,
о Шекспире,
о Толстом.
Он трубил
в тонах победных,
напрягая
тихий
рот,

что курить
ужасно вредно,
а читать —
наоборот.
Все, что надо,
увязал он,
превосходен
говор гладкий...
Но...
мелькали,
вон из зала,
несознательные пятки.
Чтоб рассеять
эту мрачность,
лектор
с грацией слоновьей
перешел
легко и смачно —
на Малашкина
с луною.
Заливался голосист.
Мысли
шли,
как книги в ранец.
Кто же я теперь —
марксист
или
вегетарианец?!
Час,
как частникова такса,
час
разросся, как года...
На стене
росла
у Маркса
под Толстого
борода.
Если ты —
не дуб,
не ясень,

то тебе
        и вывод ясен:
— Рыбу
        ножиком
                не есть,
чай
    в гостях
            не пейте с блюдца... —
Это вот оно и есть
куль-т-у-р-р-ная р-р-революция. —
И пока
        гремело эхо
и ладоши
        били в лад,
Лукомашко
        рысью ехал
на шестнадцатый доклад.
С диспута,
        вздыхая бурно,
я вернулся
        к поздней ночи...
Революция культурная,
а докладчики...
        не очень.

Трибуна
        у нас
            не клирос.
Уважаемые
        товарищи няни,
комсомолец
        изрядно вырос
и просит
        взрослых знаний.

[1928]

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ

Дрянь адмиральская,
пан
   и барон
шли
   от шестнадцати
разных сторон.
Пушка —
         французская,
а́нглийский танк.
Белым
      папаша
Антантовый стан.
Билась
      Советская
наша страна,
дни
   грохотали
разрывом гранат.
Не для разбоя
битва зовет —
мы
   защищаем
поля
     и завод.
Шли деревенские,
лезли из шахт,
дрались
       голодные,

в рвани
        и вшах.
Серые шлемы
с красной звездой
белой ораве
крикнули:
            — Стой!—
Били Деникина,
били
    Махно,
так же
        любого
с дороги смахнем.
Хрустнул,
            проломанный,
Крыма хребет.
Красная
        крепла
в громе побед.
С вами
        сливалось,
победу растя,
сердце —
            рабочих,
сердце —
            крестьян.
С первой тревогою
с наших низов
стомиллионные
встанем на зов.
Землю колебля,
в новый поход
двинут
        дивизии
Красных пехот.
Помня
        принятие
красных присяг,
лава
    Буденных

пойдет
на рысях.
Против
буржуевых
новых блокад
красные
птицы
займут облака.
Крепни
и славься
в битвах веков,
Красная
Армия
большевиков!

[1928]

ЛОЗУНГИ-РИФМЫ

Десять лет боевых прошло.
Вражий раж —
еще не утих.
Может,
скоро
дней эшелон
пылью
всклубит
боевые пути.

Враг наготове.
Битвы грядут.
Учись
шагать
в боевом ряду.

Учись
отражать
атаки газовые,
смерти
в минуту
маску показывая.

Буржуй угрожает.
Кто уймет его?

Умей
управляться
лентой пулеметовой.

Готовится
к штурму
Антанта чертова —
учись
атакам,
штык повертывая.

Враг разбежится —
кто погонится?
Гнать златопогонников
учись, конница.

Слышна
у заводов
врага нога нам.
Учись,
товарищ,
владеть наганом.

Не век
стоять
у залива в болотце.
Крепите
советский флот,
краснофлотцы!

Битва не кончена,
только смолкла —
готовься, комсомолец
и комсомолка.

Сердце
республика
с армией слила,

нету
на свете
тверже сплава.
Красная Армия —
наша сила.
Нашей
Красной Армии
слава!

[*1928*]

ХОЧУ ВОРОВАТЬ

(«РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЕ»)

Я в «Рабочей»,
я в «Газете»
меж культурнейших даров
прочитал
с восторгом
эти
биографии воров.
Расковав
лиризма воды,
ударяясь в пафос краж,
здесь
мусолятся приводы
и судимости
и стаж...
Ну и романтика!
Хитры
и ловки́,
деньгу прикарманьте-ка
и марш
в Соловки.
А потом:
побег...
тайга...
Соблазнен.
Ворую!
Точка.
«Славное мо-о-о-ре,

Против буржуазно-бульварной литературы в рабочей печати

Герои

№ 1. Старушка со стажем

Милая старушка...

№ 2. Горячечный вор

№ 3. Бактриано

Белеет парус одинокий...

№ 4. О самодеятельности читателя

Хочу воровать

Страница газеты «Комсомольская правда», М. 1928, № 48, 25 февраля со стихотворением «Хочу воровать».

Священ-н-ный Байкал,
Славный кор-р-р-рабль,
Омулевая бочка...»
Делá,
чтоб черти ели вас!
Чем
на работу злиться,
пойду
вором,
отстреливаясь
от муров
и милиций.
Изучу я
это дельце.
Озари,
газета,
лучиком!!!
Кто
писателем в отдельце —
Сонька
Золотая ручка?

Впрочем,
в глупом стиле оном
не могу
держаться более...
Товарищи,
для чего нам
эта рокамболия?

[*1928*]

ГОЛУБОЙ ЛАМПАС

В Новочеркасске на 60 000 жителей 7 000 вузовцев.

Чернеют
небеса — шалаш.
Меняет вечер краску.
Шел снег.
И поезд шел.
И шла
ночь к Новочеркасску.
Туман,
пятна.
Темно,
непонятно.

С трудом себя карабкал
по ночи...
по горе ли...
И что ни дом—
коробка,
черней, чем погорелец.
Город —
идет в гору.
Но лишь
взобрался город-оборвыш —
тут тебе —
площадь,
ширь —
собор вишь!
Путь
до небес
раздели пополам —
дотуда дойдут купола!

А за собором
средь сора и дерьма,
эдакой медной гирей,
стоит казак,
казак Ермак,
Ермак —
покоритель Сибири.
Ермак не один:
из ночи и льдин
встает генерал Каледин.
За ним другие.
Из снега и тумана,
из старого времени клятого
скачут по улице,
по улице атамана
Платова.
Мчит на рысях
«краса Расеева»!
С-под шапок свисают пряди.
Може, едет и дед Асеева,
може, и мой прадед.
Из веков
испокон,
будто снова
в огонь,
под бубны
и тулумбасы —
трется конь о конь,
золотится погон,
и желтеют
на ляжках
лампасы.

Электро-глаз
под стеклянной каской
мигнул и потух...
Конфузится!
По-новому
улицы Новочеркасска

черны сегодня —
от вузовцев.
И вместо звяканья
сабель и шпор
на дурнях
с выправкой цапли —
звенит
комсомольский
смех и спор
да мысли острее сабли.
Закройся,
ушедших дней лабаз!
Нет
шпорного
диня и дона.
Ушли
генералы
в бессрочный запас,—
один на Кубани сияет лампас —
лампас голубой
Волго-Дона.

[*1927—1928*]

ЛИЦО КЛАССОВОГО ВРАГА

I. БУРЖУЙ-НУВО

Распознать буржуя —
просто
(знаем
ихнюю орду!):
толстый,
низенького роста
и с сигарою во рту.
Даже
самый молодой —
зуб вставляет
золотой.
Чу́дно стрижен,
гладко брит...
Омерзительнейший вид.
А из лы́синных целин
подымается—
цилиндр.
Их,
таких,
за днями дни —
раздраконивал
Дени.
А буржуй —
завел бородку
(зря соваться —
нет причин),

влез,
как все,
в косоворотку
и почти
неотличим.
Вид
под спéца,
худ с лица —
не узнаешь подлеца.
Он вшой
копошится
на вашем теле,
никак
не лезет
в тузы,
гнездится
под вывеской
разных артелей,
дутых,
как мыльный пузырь.
Зал
парадных
не любит он,
по задворкам
ищите хвата.
Где-то он
закупает лен,
где-то
хлеб
у нас
перехватывает.
Он лавку
украсит
сотнею ваз...
Куда
государственным органам!
В такую
любезность
обсахарит вас,
что вы
прослезитесь растроганно.

Не сам
штурмует,
тих да хитёр,
сначала
движется
парламентёр:
он шлет
в канцелярский за́мок
своих
расфуфыренных самок.
Бывает,
раскиснет партиец иной:
— И мне бы
влюбиться
в звезду из кино! —
мечтает,
ничем не замаран...
А частник
встает
за его спиной,
как демон
сзади Тамары.
«Не угодно ли взаймы?
Что вы?
Ах!
Сочтемся мы!..»
И идет
заказ
на сии дрова
в артель
гражданина Сидорова.
Больше,
Сидоров,
подноси
даров!
И буржуй,
от чувства великого,
из уральского камня,
с ласкою,
им
чернильницу с бюстом Рыкова

преподнес
в годовщину февральскую.
Он купил
у дворника брюки
(прозодежда
для фининспектора),—
а в театре
сияют руки
всей игрой
бриллиантного спектра.
У него
обеспечены рублики —
всем достояньем республики.
Миллионом набит карман его,
а не прежним
советским «лимоном».
Он мечтает
узреть Романова...
Не Второго —
а Пантелеймóна.
На ложу
в окно
театральных касс
тыкая
ногтем лаковым,
он
дает
социальный заказ
на «Дни Турбиных» —
Булгаковым.

Хотя
буржуй
и лицо перекрасил
и пузо не выглядит грузно —
он волк,
он враг
рабочего класса,
он должен быть
понят
и узнан.

Там,
где речь
о личной выгоде,
у него
глаза навыкате.
Там,
где можно пролезть
для своих нажив,
там
его
глаза — ножи.
Не тешься,
товарищ,
мирными днями.
Сдавай
добродушие
в брак.
Товарищи,
помните:
между нами
орудует
классовый враг.

II. НОВЫЙ КУЛАК

Кулака увидеть —
просто —
посмотри
любой агит.
Вон кулак:
ужасно толстый,
и в гармошку сапоги.
Ходит —
важный,
волòсья —
припомажены.
Цепь лежит
тяжелым грузом
на жилетке
через пузо.

Первый пьяница
кулак.
Он гуляка из гуляк —
и целуется с попами,
рабселькорам на память.
Сам,
отбился от руки,
всё мастачат
батраки.
Сам,
прельщен оконным светом,
он,
елозя глазом резвым,
ночью
преда сельсовета
стережет
своим обрезом.
Кулака
чернят —
не так ли? —
все плакаты,
все спектакли.

Не похож
на кулачество
этот портрет.
Перекрасил кулак
и вид
и масть.
Кулаков
таких
почти и нет,
изменилась
кулачья видимость.
Сегодня
кулак
и пашет,
и сам
на тракторе
прет, коптя,

он лыко
сам
дерет по лесам —
чтоб лезть
в исполком
в лаптях.
Какой он кулак?!
Помилуй бог!
Его ль
кулаком назовем?
Он
первый
выплатил
свой налог
и первый
купил заем.
А зерно —
запрятано
чисто и опрятно.
Спекульнуть получше
на голодный случай.
У него
никакого батрачества,
крестьянин
лучшего качества.
На семейном положеньице, —
чтоб не было
зря
расходца,
каждый сын
весною женится,
а к зиме
опять расходится.
Пашут поле им
от семи до семи
батраков семнадцать
под видом семьи.
Попробуй
разобраться!

Иной
работник
еще незрел,
сидит
под портретом Рыкова,
а сам у себя
ковыряет в ноздре,
ленясь,
дремля
и покрикивая.
То ли дело —
кулак:
обхождение —
лак.
Все дворы
у него,
у черта,
учтены
корыстным учетом:
кто бедняк
и который богатый,
где овца,
где скот рогатый.
У него
на одной на сажени
семенные культуры рассажены.
Напоказ,
для начальства глазастого,
де —
с культурой веду хозяйство.
Но
попрежнему —
десятинами
от трехполья
веет сединами.
И до этого дня
наш советский бедняк
голосит
на работе
«Дубину»,

а новейший кулак
от культурнейших благ
приобрел
за машиной машину.
«Эх, железная,
пустим.
Деревенщина —
сама пойдет.
Заплатит,—
получим
и пустим».
Лицо приятное,
ласковый глаз,
улыбка
не сходит с губ.
Скостит
на копейку
задолженность с вас,
чтоб выпотрошить —
рупь.
Год, другой —
и вся округа
в кабалу
затянута туго.
Трут в поклонах
лбом онучи:
«Почет
Иван Пантелеймонычу».
Он добряк,
но дочь, комсомолку,
он в неделю
со света сживет.
«Где была?
Рассказывай толком!
Набивала
детьми
живот?»
Нет управы.
Размякло начальство
от его
угощения частого.

Не с обрезом
идет под ве́чер,—
притворясь,
что забыл о вражде,
с чаем
слушает
радиоречи —
уважаемых вождей.
Не с обрезом
идет
такой мужик.
Супротив милиции...
Где ж им?!
Но врагу своему
сегодня
гужи
он намажет
салом медвежьим.
И коняга,
страшась медведя,
разнесет
того, кто едет.
Собакой
сидит
на своем добре.
У ямы,
в кромешной темени,
зарыта
деньга
и хлеб,—
и обрез
зарыт
до поры до времени.
Кулак орудует,
нечего спать.
Будем крепче, чем кре́мни.
Никаким обрезом
обратно и вспять
не повернуть
советского времени.

Хотя
кулак
лицо перекрасил
и пузо
не выглядит грузно —
он враг
и крестьян,
и рабочего класса,
он должен быть
понят
и узнан.
Там,
где речь
о личной выгоде,
у него
глаза навыкате.
Там,
где брюхо
голодом пучит,
там
кулачьи
лапы паучьи.
Не тешься,
товарищ,
мирными днями,
сдавай
добродушие
в брак.
Товарищ,
помни:
между нами
орудует
классовый враг.

[*1928*]

ДАЕШЬ ТУХЛЫЕ ЯЙЦА!

(Рецензия № 1)

Проходная комната. Театр б. Корш

Комната
проходная
во театре Корша
(бе).
Ух ты мать...
моя родная!
Пьеска —
ничего себе...
Сюжетец —
нету крепче:
в роли отца —
мышиный жеребчик
с видом спеца.
У папы
много тягот:
его жена
собой мордяга
и плохо сложена.
(Очевидно,
автор влип
в положительный тип.)
Целый день семенит
на доклад с доклада.
Как
змее
не изменить?!

Так ей и надо.
На таких
в особенности
скушно жениться.
И папа,
в меру
средств и способностей,
в служебное время
лезет на жилицу.
Тут где ж
невинность вынести?
И сын,
в семейке оной,
страдая от невинности,
ходит возбужденный.
Ему
от страсти жарко,
он скоро
в сажень вытянется...
А тут уже —
кухарка,
народа представительница.
Но жить
долго
нельзя без идеолога.
Комсомолец
в этой роли
агитнуть ужасно рад:
что любой из граждан
волен
жить с гражданками подряд.
Сердце не камень:
кухарка
в ту же ночку
обеими ногами
лезет
на сыночка.
Но только лишь
мальчишеских уст

коснулись
кухаркины уста —
в комнату
входит
один хлюст
в сопровождении
другого хлюста.
Такому
надо много ли:
монокль в морщине,
и дылда
в монокле
лезет к мужчине.
Целует
у мальчика
десять пальчиков.
Пока
и днем и ночью
вот это длится,
не отстают
и прочие
действующие лица.
Я сбежал
от сих насилий,
но
вполне уверен в этом,
что в дальнейшем
кот Василий
будет жить
с велосипедом.

Под потолком
притаилась галерка,
места у нее
высоки...
Я обернулся,
впиваясь зорко:
— Товарищи,
где свистки?!

Пускай
партер
рукоплещет —
«Браво!» —
но мы, —
где пошлость,
везде, —
должны,
а не только имеем право
негодовать
и свистеть.

[*1928*]

ДВЕ КУЛЬТУРЫ

Пошел я в гости
(в те года),
не вспомню имя-отчества,
но собиралось
у мадам
культурнейшее общество.
Еда
и поэтам —
вещь нужная.
И я
поэтому
сижу
и ужинаю.
Гляжу,
культурой поражен,
умильно губки сжав.
Никто
не режет
рыб ножом,
никто
не ест с ножа.
Поевши,
душу веселя,
они
одной ногой
разделывали
вензеля,
увлечены тангой.

Потом
внимали с мужеством,
упившись
разных зелий,
романсы
(для замужества!)
двух мадмуазелей.
А после
пучили живот
утробным
низким ржаньем,
слушая,
кто с кем живет
и у кого
на содержании.
Графине
граф
дает манто,
сияет
снег манжет...
Чего еще?
Сплошной бонтон.
Сплошное бламанже.
Гостям вослед
ушли когда
два
заспанных лакея,
вызывается
к мадам
кухарка Пелагея.
«Пелагея,
что такое?
где еще кусок
жаркое?!»
Мадам,
как горилла,
орет,
от гнева розовая:
«Снова
суп переварила,

некультурное рыло,
дура стоеросовая!»
Так,
отдавая дань годам,
поматерив на кухне,
живет
культурная мадам
и с жиру
мордой пухнет.

В Париже
теперь
мадам и родня,
а новый
советский быт
ведет
работницу
к новым дням
от примусов
и от плит.
Культура
у нас —
не роман да балы,
не те
танцевальные пары.
Мы будем
варить
и мыть полы,
но только
совсем не для барынь.
Работа
не знает
ни баб, ни мужчин,
ни белый труд
и не черный.
Ткачихе с ткачом
одинаковый чин
на фабрике
раскрепощенной.

Вглубь, революция!
Нашей стране
другую
дорогу
давая,
расти
голова
другая
на ней,
осмысленная
и трудовая.
Культура
новая,
здравствуй!
Смотри
и Москва и Харьков —
в Советах
правят государством
крестьянка
и кухарка.

[1928]

КИНО И ВИНО

Сказал
философ из Совкино:
«Родные сестры —
кино и вино.
Хотя
иным
приятней вино,
но в случае
в том и в ином —
я должен
иметь
доход от кино
не меньше
торговца вином».
Не знаю,
кто и что виной
(история эта —
длинна),
но фильмы
уже
догоняют вино
и даже
вреднее вина.
И скоро
будет всякого
от них
тошнить одинаково.

[1928]

ДЕТСКИЙ ТЕАТР ИЗ СОБСТВЕННОЙ КВАРТИРКИ — ВЫШИБАЮТ ТОВАРИЩИ САТИРИКИ

БЫЛО

У «Театра
сатиры»
не было квартиры.
Сатириков этих —
приютили дети.
Приходили тёти,
толще —
не найдете.
Приходили дяди
смеха ради.
Дяди
разных лет
покупали билет
смотреть
на сцену
за хорошую цену.
Пирожное жрут,
смотрят,
ржут.

ЕСТЬ

В «Театре сатиры»
дяди —
задиры.

Дяди
    те
прогнали детей —
вышибли
        сатирики
детей из квартирки.
«Марш
        с малышами
в подвал с мышами.
Будет
        немало
вам
    и подвала».

БУДЕТ

Граждане —
            тише.
Помягше манеры.
Нет детишек,
есть —
        пионеры.
Чего нам бояться
этого паяца?!
Пусть
        чуть свет
гремит война:
«Даешь,
        Моссовет,
театр
        нам!»

[*1928*]

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Храните
　　　　память
　　　　　　　бережней.
Слушай
　　　　истории топот.
Учитывай
　　　　в днях теперешних
прошедших
　　　　восстаний
　　　　　　　опыт.

Через два
　　　　коротких месяца,
почуяв —
　　　　— Коммуна свалится! —
волком,
　　　　который бесится, —
бросились
　　　　на Коммуну
　　　　　　　версальцы.
Пощады
　　　　восставшим рабочим —
　　　　　　　нет.
Падают
　　　　сраженными.
Их тридцать тысяч —
　　　　　　　пулей
　　　　　　　　　к стене

пришито
с детьми и женами.
Напрасно
буржуева ставленника
молить,
протянув ладони:
тридцать тысяч
кандальников
звенит
по каторгам Каледонии.
Пускай
аппетит у пушек
велик —
насытились
до отвала.
А сорок тысяч
в плевках
повели
томить
в тюремных подвалах.
Погибла Коммуна.
Легла,
не сумев,
одной
громадой
бушуя,
полков дисциплиной
выкрепить гнев —
разбить
дворян и буржуев.
И вот
выползает
дворянство — лиса,
пошло,
осмотревшись,
праздновать.
И сам
Галифе
припустился плясать
на клочьях
знамени красного.

На нас
эксплуататоры
смотрят дрожа,
и многим бы
очень хотелось,
чтоб мы,
кулак диктатуры разжав,
расплылись —
в мягкотелость.
Но мы
себя
провести не дадим.
Верны
большевистскому знамени,
мы
помним
версальских
выстрелов дым
и кровью
залитые камни.
Густятся
военные тучи,
кружат
Чемберлены-вóроны,
но зрячих
история учит —
шаги
у нее
повторны.
Будет
война
кануном —
за войнами
явится близкая,
вторая
Парижская коммуна —
и лондонская,
и римская,
и берлинская.

[*1928*]

ФАБРИКА МЕРТВЫХ ДУШ

Тов. Бухов.— Работал по погрузке угля. Дали распространять военную литературу, не понравилось.— Бросил.

Тов. Дрофман.— Был сборщиком членских взносов. Перешел работать на паровоз — работу не мог выполнять. Работал бы сейчас по радио.

Тов. Юхович. — Удовлетворяюсь тем, что купил гитару и играю дома.

Из речей комсомольцев на проведенных собраниях «мертвых душ» транспортной и доменной ячеек. Днепропетровск.

Дело важное творя,
блещет
ум секретаря.
«Ко мне,
товарищи-друзья!
Пошлю,
работой нагрузя.
Ванька здесь,
а Манька —
там!
Вся ячейка по местам».
Чисто,
тихо,
скоро,
мило...

Аж нагрузок не хватило!!!
От удовольствия горя,
блестят
глаза
секретаря.
В бюро
провел
докладов ряд.
Райком
надул при случае.
«Моя
ячейка —
лучшая».
Райком с бюро
и горд
и рад —
одно благополучие!
Иван Петров
ушами хвор,
мычанье
путал с музыкой,
а на него
фабричный хор
навьючили нагрузкой.
По сердцу
Маше
«друг детей»,
ей —
детям
петь о гусельках,
а по нагрузке
вышло
ей —
бороться
против сусликов.
Попов —
силач.
Испустит чих —
держусь на месте еле я.

(Ведет
нагрузку
у ткачих
по части рукоделия.)
Ося Фиш —
глиста наружно,
тощи
мускулов начатки.
Что
на тощего
нагружено?
Он —
инструктор спортплощадки.
Груза
много
на верблюде
по пустыням
возят люди.
И животное блюдя,
зря
не мучат верблюдья.
Не заставите
верблюда
подавать
в нарпите
блюда.
Что во вред
горбам верблюдьим,
то
и мы
таскать не будем.
И народ,
как верблюды,
разбежался
кто куды.
Заплативши
членский взнос,
не показывают
нос.

Где же
 «мертвые души»
околачивают груши?
Колбаси́на чайная,
водка
 и арии.
Парень
 отчаянно
играет на гитаре.
От водки
 льет
 четыре пота,
а пенье
 катится само:
«Про-о-ща-а-й,
 активная работа,
про-оща-ай,
 любимый комсомо-о л!»

[*1928*]

НАГРУЗКА ПО МАКУШКУ

Комсомолец
Петр Кукушкин
прет
в работе
на рожон,—
он от пяток
до макушки
в сто нагрузок нагружен.
Пообедав,
бодрой рысью
Петя
мчит
на культкомиссию.
После
Петю видели
у радиолюбителей.
Не прошел
мимо
и Осоавиахима.
С химии
в один прыжок
прыгнул
в шахматный кружок.
Играть с Кукушкиным —
нельзя:
он
путал
пешку и ферзя.—

(Малюсенький затор!)
Но... Петя
знал,
врагов разя,
теорию зато.
Этот Петя
может
вскачь
критикнуть
всемирный матч.
— «Я считаю:
оба плохи —
Капабланка и Алехин,
оба-два,
в игре юля,
охраняли короля.
Виден
в ходе
в этом вот
немарксистский подход.
Я
и часа не помешкаю —
монархизмы
ешьте пешкою!»
Заседания
и речи,
ходит утро,
ходит вечер,
от трудов —
едва дыша,
и торчат
в кармане френча
тридцать три карандаша.
Просидел
собраний двести.
Дни летят,
недели тают...
Аж мозоль
натер
на месте,
на котором заседают.

Мозг мутится,
пухнет парень,
тело
меньше головы,
беготней своей упарен,
сам
себя
считает парень —
разужасно деловым.
Расписал
себя
на гȍд,
хоть вводи
в работу НОТ!
Где вы, Гастев с Керженцевым?!.
С большинством —
проголоснет,
с большинством —
воздержится.

Год прошел.
Отчет недолог.
Обратились к Пете:
— Где ж
работы
смысл и толк
от нагрузок этих?—
Глаз
в презреньи
щурит Петь,
всех
окинул
глазом узким:
— Где ж
работать мне поспеть
при такой нагрузке?—

[*1928*]

СОЛНЕЧНЫЙ ФЛАГ

Первое Мая.
Снега доконавши,
солнечный флаг подымай.
Вечно сияй
над республикой нашей,
Труд,
Мир,
Май.
Рдей над Европой!
И тюрьмы-коробки
майским
заревом
мой.
Пар из котлов!
Заглушайте топки!
Сталь,
стоп,
стой!
Сегодня
мы,
перед тем как драться,
в просторе улиц
и рощ
проверим
по счётам
шагов демонстраций

сил
тыщ
мощь.
В солнце
не плавится
память литая,
помнит,
чернее, чем грач:
шли
с палачом
по лачугам Китая
ночь,
корчь,
плач.
В жаре колоний
гнет оголеннее,—
кровью
плантации мажь.
В красных знаменах
вступайте, колонии,
к нам,
в наш
марш.
Лигою наций
бьются баклуши.
Внимание, ухо и глаз.
Слушай
антантовских
танков и пушек
гром,
визг,
лязг.
Враг
в открытую
зубья повыломил —
он
под земною корой.
Шахты расчисть
и с новыми силами

в сто
сил
строй.
В общее зарево
слейтесь, мильоны
флагов,
сердец,
глаз!
Чтобы
никто
не отстал утомленный,
нас
нес
класс.
Время,
яму
буржуям
вырой,—
заступы
дней
подымай!
Время
зажечь
над республикой мира
Труд,
Мир,
Май!

[*1928*]

«ТЕЛЕВОКСЫ»? ЧТО ТАКОЕ?

Инженером Уэнслеем построен человек-автомат, названный «Телевокс». В одном из отелей Нью-Йорка состоялся на днях бал, на котором прислуживали исключительно автоматы.

Из газет.

С новым бытом!
Ну и фокусы:
по нью-йоркским нарпитам
орудуют—
«Телевоксы».
Должен сознаться,
ошарашен весь я:
что это за нация?
или
что за профессия?
Янки увлекся.
Ну и мошенники!—
«Те-ле-воксы»
не люди —
а машинки.
Ни губ,
ни глаз
и ни малейших
признаков личных.

Корреспондентские удостоверения В. Маяковского 1928 года (БММ)

У железных леших
одно
ухо
огромной величины.
В это
ухо
что хочешь бухай.
Каждый
может
наговориться до́сыта.
Зря
ученьем
себя не тираньте.
Очень просто
изъясняться
на их эсперанте.
«До
ре
ми» —
это значит —
— «Посудой греми!
Икру!
Каравай!
Крой, накрывай».
Машина подходит
на паре ножек,
выкладывает вилку,
ложку
и ножик.
Чисто с машиной.
Это не люди!
На ложку
для блеску
плевать не будет.
«Фа
соль
ля,
соль
ля
си» —

то есть —
«аппетиту для
гони рюмашку
и щи неси».
Кончил.
Благодарствую.
«Си
до» —
вытираю нос,
обмасленный от съедания.
«Си — до» —
это значит —
до
свиданья.
«Телевокс» подает перчатки —
«Прощай».
Прямо в ухо,
природам на́зло,
кладу
ему
пятачок на чай...
Простите —
на смазочное масло.
Обесславлен бог сам
этим «Телевоксом».
Брось,
«творец»,
свои чины;
люди
здесь сочинены:
в ноздри
вставив
штепселя,
ходят,
сердце веселя.
Экономия.
НОТ.
Лафа с автоматом:
ни — толкнет,
ни — обложит матом.

«Телевокс»
развосторжил меня.
С детства
к этой идее влекся.
О, скольких
можно
упразднить,
заменя
добросовестным «Телевоксом».
Взять, например,
бокс,—
рожа
фонарями зацвела.
Пускай
«Телевокса»
дубасит «Телевокс» —
и зрелище,
и морда цела.
Слушатели спят.
Свернулись калачиком.
Доклады
годами
одинаково льются.
Пустить бы
«Телевокс»
таким докладчиком
и про аборт,
и о культурной революции.
Поставь «Телевоксы» —
и,
честное слово,
исчезнет
бюрократическая язва.
«Телевоксы»
будут
и согласовывать
и, если надо,
увязывать.
И
совершенно достаточно

одного «Телевокса» поджарого —
и мир
обеспечен
лирикой паточной
под Молчанова
и
под Жарова.
«Телевокс» — всемогущий.
Скажите —
им
кто не заменим?
Марш, внешторговцы,
в Нью-Йорк-Сити.
От радости
прыгай,
сердце-фокс.
Везите,
везите,
везите
изумительный «Телевокс»!

[*1928*]

ДОБУДЬ ВТОРОЙ!

Рабочая
родина родин —
трудом
непокорным
гуди!
Мы здесь,
мы на страже,
и орден
привинчен
к мильонной груди.
Стой,
миллионный,
незыблемый мол —
краснознаменный
гранит-комсомол.
От первых боев
до последних
мы шли
без хлебов и без снов —
союз
восемнадцатилетних
рабоче-крестьянских сынов.
В бой, мильоны!
Белых —
в помол!
Краснознаменный,
гордись, комсомол!

Довольство —
                        неважное зрелище.
Комсомольский характер
                                        крут.
Комсомолец —
                        это застрельщик
в борьбе
            за чистку
                        и труд.
Чтоб веник
                мильонный
старое смёл —
краснознаменный,
мети, комсомол!
Красным
            отчаянным чертом
и в будущих
                битвах
                        крой!
Зажгись
            рабочим почетом!
На знамя —
                орден второй!
С массой
            мильонной
сердце само —
краснознаменный,
вперед, комсомол!

[*1928*]

БЕЙ
БЕЛЫХ
И ЗЕЛЕНЫХ

1

Жизнь — фонтан.
Открывайте и пейте-ка!
Забульбулькало в горлышке узком.
Обнимай
бутылки,
поэтика!
Вторьте
пробкам,
театр и музыка!
Заучена
песня
раньше азов,—
поют,
кутежами бало́ваны, —
как Аристотель,
мудрец-филозо̀ф,
про́пил
свои
панталоны.

2

Душу
пуншем
и шуткой греючи

над омаром
с фарфоровых блюд,
ты спроси
Александр Сергеича:
— Что вы любите? —
«Я?
Люблю —
и блеск, и шум, и говор балов,
и в час пирушки холостой
шипенье пенистых бокалов
и пунша пламень голубой».
Прекрасной
дамы
тень сквозная
мелькнет
в бутылочной длине,—
а пьяный
Блок
бубнит:
«Я знаю,
я знаю — истина в вине».
Пенится
бокал золоторунный...
Петербурговы буруны
черных
роз
намели пучки...
«И тотчас же в ответ что-то грянули струны,
исступленно запели смычки».
А Северянин
в эти
разливы струн
и флейтин
влез
прейскурантом вин:
«Как хорошо в буфете
пить крем-дэ-мандарин».
Сдавались
флейты
пастушеским дудкам;

колючками рифм,
как репей,
Сергей Есенин
пристал к проституткам:
«Пей, выдра, пей!»
Куда пойдешь?!
И годы назад
Маяковский
мечтал и мяк,
сидел
в пролетавших ночах,
«глаза
уткнув
в желтоглазый коньяк».
А «Травиаты»
из театров,
из маленьких и больших,
расканареивались
по воздушной волне...
Пей
и подпевай,
безголос и фальшив:
«Налейте, налейте бокалы полней!»
Пока
заморские
шипучие три́нкены
лакали
дворяне,
тянул
народ,
забитый и закриканный,
бочки
разной дряни.
Попы поощряли:
«Терпите, братие,
пейте,
причащайтесь, как велит вседержитель.
На Руси
веселие пити,

не можно
без водки
жити».
И под скрип телег,
и под луч луны
пили
и зиму и лето...
Аж выводились
под Москвою
белые слоны
и змеи —
зеленого цвета.

3

Не нам
о богатых
песней казниться.
— Пейте,
господа!
Услужливо
греет
разная Ницца
наследство
ваших подагр.
Мы там,
где небо
взамен потолка,
с тобою,
нищь и голь.
Тебе
времена
в коммуну толкать,—
но встанет четверть —
и вся недолгá,
и топит
борьбу
алкоголь.

4

Мылом-цифрами
смойте с водки
поэтический
грим
красотки.
Копытом
по книге
ступай, вино,
четверкой
своей
свиной.

5

В рабочий подвал,
вонючий
и нищий,
прохрюкало
пьяное
рыло свинищи:
«Не сетуй
на жизнь,
подвалом задушенную,—
построит
водка
жилплощадь воздушную.
Зачем
бороться тебе
из-за платы,
сивуха
разделает
в бархат заплаты.
Чего подыматься,
расправой грозя им,—
напьешься
и станешь
банкир и хозяин».
И вместо того,
чтоб к винтовке и бомбе,—

к бутылке
тянули
руки обе.
Панель
метет
бороденка-веник.
Вино —
творец черепах.
И вдруг
черепаха
встает с четверенек,
бутылкой
громит
черепа́.
Рвет Ниагарой,—
слюнявый,
матовый.
И режет
визг
тишину:
на пятерню
волосенки наматывая,
муж
ликбе́зит жену.

6

Посмотрите только —
дети алкоголика.
Будет
папа
крыть и рвать.
Прячься
за шка̀пы,
лезь под кровать.
Фонарей сияние.
Телом — клопики,
рты —
обезьяньи,
узкие лобики.

Олька
да Колька,
дети алкоголика.

7

Разлегся...
распластан рвотною лужею...
Ноздря —
носорога сдует.
Теперь
какое он, к черту, оружие —
лежит,
разряжён вхолостую.
Пожаром губ
ища глото́к,
храпит
на весь куток.
А с неба
убран
звезд лоток:
— Вставай,
пора —
гудок! —
Выспись,
вытрезвись,
повремени.
Но ждет
завод,
раздымя́сь.
Как в мясорубку,
тащит
в ремни
кило
проспиртованных мяс.
А песня
хрипит,
под гармонь сложена́:
«Пей,
пропивай,
что пропьем, наживем».

Завод
и деньга́,
пиджак
и жена,—
словом —
жизнь
пропита живьем.
Заглохший
завод
обступило репье,
загнали
в бутыль
казну и тряпье,
потоплено
донцем низом...
А што,
товарищ,
если
пропьем,
как брюки,
и коммунизм?

8

Всосалась
в горлышко узкое
братва
Орехово-зуевская.
Нехватает
ни платья,
ни корма,
но пьянее
дыма —
Сормово.
От пионеров
до старцев
пьет,
выпивает Ярцево.
Царит бутыль
и орет уже:

— Гоните
жратву и жертвы! —
четырежды кроет
пьяный бюджет
нищие
наши
бюджеты.
Когда,
грамотеев
по школам творя,
надсаживаем
буквой
глотки,
встают
из-за каждого букваря
четыре бутылки водки.
Когда
четвертной
на починку мостов
не выудишь
из кошелька,
любой
с удовольствием
тратит сто,
чтоб, ноги ломая,
валялся пластом
у двери
пивной
и шинка.

9

Пьяному
водка
всего превыше.
«Поэма?
Какая такая?
Как же не пимши?!
Мы привыкши».

И стих
отбросил, икая.
Но ты —
комсомолец,
и волю твою
не смяла
болезнь, горька́.
Здоровье на знамя!
За юность вою!
Петлей
врага
заарканъ.

10

Чтоб коммунизм
не пропи́ли мы,
победу
пьянкой развея,
серой
змеею фильмы
задушим
зеленого змея.
Разыщем
животных —
и двинем на них!
И после
атак
и засад
загоним
белых
слонов и слоних
в решетчатый
зоосад.

[1928]

КТО ОН?

Кто мчится,
кто скачет
такой молодой,
противник мыла
и в контрах с водой?
Как будто
окорока ветчины,
небритые щеки
от грязи черны.
Разит —
и грязнее черных ворот
зубною щеткой
нетронутый рот.
Сродни
шевелюра
помойной яме,
бумажки
и стружки
промеж волосьями;
а в складках блузы
безвременный гроб
нашел
энергично раздавленный клоп.
Трехлетнего пота
журчащий родник
проклеил
и выгрязнил
весь воротник.

Кто мчится,
кто скачет
и брюки ло́вит,
держащиеся
на честном слове?
Сбежав
от повинностей
скушных и тяжких,
за скакуном
хвостятся подтяжки.
Кто мчится,
кто скачет
резво и яро
по мостовой
в обход тротуара?
Кто мчит
без разбора
сквозь слякоть и грязь,
дымя по дороге,
куря
и плюясь?
Кто мчится,
кто скачет
виденьем крылатым,
трамбуя
встречных
увесистым матом?
Кто мчится,
и едет,
и гонит,
и скачет?
Ответ —
апельсина
яснее и кратче,
ответ
положу
как на блюдце я:
то мчится
наш товарищ докладчик
на диспут:
«Культурная революция».

[*1928*]

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО — ВИД ЭНЕРГИИ

Культура велит,
— бери на учет
частных
чувств
базар!
Пускай
Курой
на турбины течет
и жадность,
и страсть,
и азарт!

[*1928*]

КРАСНЫЕ АРАПЫ

Лицо
белее,
чем призрак в белье,
с противным
скривленным ртиной,
а в заднем кармане
всякий билет,
союзный
или —
партийный.
Ответственный банк,
игра —
«Буль».
Красное
советское Монако.
Под лампой,
сморщинив кожу на лбу,
склонилась
толпа маниаков.
Носится
шарик,
счастье шаря,
тыркается
об номера,
и люди
едят
глазами
шарик,

чтоб радоваться
и обмирать.
Последний
рубль
отрыли в тряпье.
Поставили,
смотрят серо́.
Под лампой
сверкнул
маникюр крупье.
Крупье заревел:
«Зер-р-ро!»
«Зеро» —
по-арапски,
по-русски —
«нуль».
Вздохнули неврастеники.
Лопата
крупье
во всю длину
в казну
заграбастала деньги.
Ты можешь
владеть
и другим, и собою,
и волю
стреножить,
можно
заставить
труса
ринуться в бой;
улыбку
послав
побледневшей губой,
он ляжет,
смертью уложенный.
Мы можем
и вору
вычертить путь,
чтоб Маркса читать,
а не красть.

Но кто
сумеет
шею свернуть
тебе,
человечья страсть?

[*1928*]

ТОЧЕНЫЕ СЛОНЫ

Огромные
зеленеют столы.
Поляны такие.
И —
по стенам,
с боков у стола —
стволы,
называемые —
«кий».
Подходят двое.
«Здоро́во!»
«Здоро́во!»
Кий выбирают.
Дерево —
во!
Первый
хочет
надуть второго,
второй —
надуть
первого.
Вытянув
кисти
из грязных манжет,
начинает
первый
трюки.

А у второго
уже
«драже-манже»,
то есть —
дрожат руки.
Капли
со лба
текут солоны,
он бьет
и вкривь и вкось...
Аж встали
вокруг
привиденья-слоны,
свою
жалеючи
кость.
Забыл,
куда колотить,
обо што,—
стаскивает
и галстук, и подтяжки.
А первый
ему
показывает «клопштосс»,
берет
и «эффе»
и «оттяжки».
Второй
уже
бурак бураком
с натуги
и от жары.
Два
— ура! —
положил дураком
и рад —
вынимает шары.
Шары
на полке
сияют лачком,

но только
нечего радоваться:
первый — «саратовец»;
как раз
на очко
больше
всегда
у «саратовца».
Последний
шар
привинтив к бортў
(отыгрыш —
именуемый «перлом»),
второй
улыбку
припрятал во рту,
ему
смеяться
над первым.
А первый
вымелил кий мелком:
«К себе
в середину
дуплет».
И шар
от борта
промелькнул мельком
и сдох
у лузы в дупле.
О зубы
зубы
скрежещут зло,
улыбка
утопла во рту.
«Пропали шансы...
не повезло...
Я в новую партию
счастья весло —
вырву
у всех фортун».

О трешнице
только
вопрос не ясен —
выпотрашивает
и брюки
и блузу.
Стоит
партнер,
холодный, как Нансен,
и цедит
фразу
в одном нюансе:
«Пожалуйста —
деньги в лузу».
Зальдилась жара.
Бурак белеет.
И голос
чужой и противный:
«Хотите
в залог
профсоюзный билет?
Не хотите?
Берите партийный!»
До ночи
клятвы
да стыдный гнет,
а ночью
снова назад...
Какая
сила
шею согнет
тебе,
человечий азарт?!

[*1928*]

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Мир
теплеет
с каждым туром,
хоть белье
сушиться вешай,
и разводит
колоратуру
соловей осоловевший.
В советских
листиках
майский бред,
влюбленный
весенний транс.
Завхоз,
начканц,
комендант
и зампред
играют
в преферанс.
За каждым играющим —
красный стаж
длинит
ежедневно
времен река,
и каждый
стоял,
как верный страж,
на бывшем
обломке
бывших баррикад.

Бивал
комендант
фабрикантов-тузов,
поддав
прикладом
под зад,
а нынче
улыбка
под чернью усов —
купил
козырного туза.
Начканц
пудами бумаги окидан
и все
разворотит, как лев,
а тут
у него
пошла волокита,
отыгрывает
семерку треф.
Завхоз —
у него
продовольствия выбор
по свежести
всех первей,
а он
сегодня
рад, как рыба,
полной
руке
червей.
И вдруг
объявляет
сам зампред
на весь большевизм
запрет:
«Кто смел
паршивою дамой
бить —

кого?
—моего короля!»
Аж герб
во всю
державную прыть
вздымался,
крылами орля.
Кого
не сломил
ни Юденич, ни Врангель,
ни пушки
на холмах —
того
доконала
у ночи в овраге
мещанская чухлома.
Немыслимый
дух
ядовит и кисл,
вулканом—
окурков гора...
А был же
— честное слово!! —
смысл
в ликующем слове —
«игра».

Как строить
с вами
культурный Октябрь,
деятельной
лени
пленные?
Эх,
перевесть
эту страсть
хотя б —
на паровое отопление!

[*1928*]

ПИСАТЕЛИ МЫ

Раньше
уважали
исключительно гениев.
Уму
от массы
какой барыш?
Скажем,
такой
Иван Тургенев
приезжает
в этакий Париж.
Изящная жизнь,
обеды,
танцы...
Среди
великосветских нег
писатель,
подогреваемый
«пафосом дистанции»,
обдумывает
прошлогодний снег.
На собранные
крепостные гроши
исписав
карандашей
не один аршин,
принимая
разные позы,

писатель смакует —
«Как хороши,
как свежи были розы».

А теперь
так
делаются
литературные вещи.
Писатель
берет факт,
живой
и трепещущий.
Не затем,
чтоб себя
узнавал в анониме,
пишет,
героями потрясав.
Если герой —
даешь имя!
Если гнус —
пиши адреса!
Не для развлечения,
не для краснобайства —
за коммунизм
против белой шатии.
Одно обдумывает
мозг лобастого —
чтобы вернее,
короче,
сжатее.
Строка —
патрон.
Статья —
обойма.
Из газет —
не из романов толстых —
пальбой подымаем
спящих спокойно,
бьем врагов,
сгоняя самодовольство.

Другое —
роман.
Словесный курорт.
Покоем
несет
от страниц зачитанных.
А
газетчик —
старья прокурор,
строкой
и жизнью
стройки защитник.
И мне,
газетчику,
надо одно,
так чтоб
резала
пресса,
чтобы в меня,
чтобы в окно
целил
враг
из обреза.
А кто
и сейчас
от земли и прозы
в облака
подымается,
рея —
пускай
растит
бумажные розы
в журнальных
оранжереях.

В газеты!
Не потому, что книга плоха,
мне любо
с газетой бодрствовать!

В. Маяковский на Красной площади.
Фото. 1928

А чистое искусство —
в М.К.Х.,
в отдел
садоводства.

[*1928*]

АРСЕНАЛ ЛЕНИНЦЕВ

Наши танки
стопчут
и стены и лужи,
под нашим наганом,
белый,
жмись!
Но самое сильное
наше
оружие —
большевистская мысль.
Как никогда,
сегодня
сильна
классовой
мысли
ковка:
заводы марксистов,
ленинцев арсенал,
и первый из первых —
Свердловка.
Когда
времена велели —
«Пой
победу
рабочей кровью!» —
мы
первую
посылали в бои
негнущуюся свердловию.

Победная карта,
от пункта до пункта,
смертями
свердловцев
унизана.
Вы
бились,
чтоб рдели
знамена бунта
знаменами коммунизма.
Теперь
выходите,
учебой дожав
белых
другого свойства:
в хозяйственных блиндажах
бюрократическое воинство.
Иди,
побеждай российскую дурь!
Против —
быта блохастого!
Свердловец,
тебе
победить бескультурь,
дичь,
глушь
и хамство.
Светлоголовая,
вперед, свердловия!

[1928]

«ЖИД»

Черт вас возьми,
черносотенная слизь,
вы
  схоронились
        от пуль,
            от зимы
и расхамились —
          только спаслись.
Черт вас возьми,
тех,
  кто —
за коммунизм
        на бумаге
            ляжет костьми,
а дома
    добреет
        довоенным скотом.
Черт вас возьми,
тех,
  которые —
коммунисты
      лишь
          до трех с восьми,
а потом
    коммунизм
          запирают с конторою.
Черт вас возьми,
вас,
  тех,

кто, видя
безобразие
обоими глазми,
пишет
о прелестях
лирических утех.
Если стих
не поспевает
за былью плестись —
сырыми
фразами
бей, публицист!
Сегодня
шкафом
на сердце лежит
тяжелое слово —
«жид».
Это слово
над селами
вороном машет.
По трактирам
забилось
водке в графин.
Это слово —
пароль
для попов,
для монашек
из недодавленных графинь.
Это слово
шипело
над вузовцем Райхелем
царских
дней
подымая пыльцу,
когда
«христиане»-вузовцы
ахали
грязной галошей
«жида»
по лицу.

Это слово
слесарню
набило до вéрха
в день,
когда деловито и чинно
чуть не нáсмерть
«жиденка» Бейраха
загоняла
пьяная мастеровщина.
Поэт
в пивной
кого-то «жидом»
честит
под бутылочный звон
за то, что
ругала
бездарный том —
фамилия
с окончанием
«зон».
Это слово
слюнявит
коммунист недочищенный
губами,
будто скользкие
миски,
разгоняя
тучи
начальственной
тощищи
последним
еврейским
анекдотом подхалимским.
И начнет
громить
христианская паства,
только
лозунг
подходящий выставь:
жидов победнее,
да каждого очкастого,

а потом
подряд
всех «сицилистов».
Шепоток в очередях:
«топчись и жди,
расстрелян
русский витязь-то...
везде...
жиды...
одни жиды...
спекулянты,
советчики,
правительство».
Выдернем
за шиворот—
одного,
паршивого.
Рапортуй
громогласно,
где он,
«валютчик»?!
Как бы ни были
они
ловки́ —
за плотную
ограду
штыков колючих,
без различия
наций
посланы в Соловки.
Еврея не видел?
В Крым!
К нему!
Камни обшарпай ногами!
Трудом упорным
еврей
в Крыму
возделывает
почву—камень.

Ты знаешь,
язык
у тебя
чей?
Кто
мысли твоей
причина?
Встает
из-за твоих речей
фабрикантова личина.
Буржуй
бежал,
подгибая рессоры,
сел
на английской мели́;
в его интересах
расперессорить
народы
Советской земли.
Это классов борьба,
но злее
и тоньше,—
говоря короче,
сколько
побито
бедняков «Соломонишек»,
и ни один
Соломон Ротшильд.
На этих Ротшильдов,
от жира освиневших,
на богатых,
без различия наций,
всех трудящихся,
работавших
и не евших,
и русских
и евреев —
зовем подняться.
Помните вы,
хулиган и погромщик,

помните,
бежавшие в парижские кабаре,—
вас,
если надо,
покроет погромше
стальной оратор,
дремлющий в кобуре.
А кто,
по дубовой своей темноте
не видя
ни зги впереди,
«жидом»
и сегодня бранится,
на тех
прикрикнем
и предупредим.
Мы обращаемся
снова и снова
к беспартийным,
комсомольцам,
Россиям,
Америкам,
ко всему
человеческому собранию:
— Выплюньте
это
омерзительное слово,
выкиньте
с матерщиной и бранью!

[*1928*]

СЛУЖАКА

Появились
молодые
превоспитанные люди —
Мопров
знаки золотые
им
увенчивают груди.
Парт-комар
из МКК
не подточит
парню
носа:
к сроку
вписана
строка
проф-
и парт-
и прочих взносов.
Честен он,
как честен вол.
В место
в собственное
вросся
и не видит
ничего
дальше
собственного носа.

Коммунизм
по книге сдав,
перевызубривши «измы»,
он
покончил навсегда
с мыслями
о коммунизме.
Что заглядывать далече?!
Циркуляр
сиди
и жди.
— Нам, мол,
с вами
думать неча,
если
думают вожди.—
Мелких дельцев
пару шор
он
надел
на глаза оба,
чтоб служилось
хорошо,
безмятежно,
узколобо.
День — этап
растрат и лести,
день,
когда
простор подлизам,—
это
для него
и есть
самый
рассоциализм.
До коммуны
перегон
не покрыть
на этой кляче,

как нарочно
создан
он
для чиновничьих делячеств.
Блещут
знаки золотые,
гордо
выпячены
груди,
ходят
тихо
молодые
приспособленные люди.
О коряги
якорятся
там,
где тихая вода...
А на стенке
декорацией
Карлы-марлы борода.

Мы томимся неизвестностью,
что нам делать
с ихней честностью?

Комсомолец,
живя
в твои лета́,
октябрьским
озоном
дыша,
помни,
что каждый день —
этап.
к цели
намеченной
шаг.
Не наши —
которые
времени в зад

уперли
        лбов
            медь;
быть коммунистом —
                    значит дерзать,
думать,
        хотеть,
            сметь.
У нас
        еще
            не Эдем и рай —
мещанская
            тина с цвелью.
Работая,
        мелочи соразмеряй
с огромной
            поставленной целью.

[*1928*]

МЫ ОТДЫХАЕМ

Летом
вселенная
ездит на отдых —
в автомобилях,
на пароходах.
Люди
сравнительно меньшей удачи —
те
на возах
выезжают на дачи.
Право свое
обретая в борьбе,
прут в «6-й»,
громоздятся на «Б».
Чтобы рассесться —
и грезить бросьте:
висните,
как виноградные грозди.
Лишь к остановке
корпус ваш
вгонят в вагон,
как нарубленный фарш.
Теряя галошу,
обмятый едущий
слазит
на остановке следующей.
Пару третей
из короткого лета

мы
стоим
в ожиданьи билета.
Выбрился.
Встал.
Достоялся когда —
уже
Черноморья
растет борода.
В очередях
раз двадцать и тридцать
можно
усы отпустить
и побриться.

В поезде
люди,
«Вечорку» мусоля,
вежливо
встанут
мне на мозоли.
Мы
себя
оскорблять не позволим,
тоже
ходим
по ихним мозолям.
А на горизонте,
конечно, в дымке,
встали —
Быковы, Лосинки и Химки.
В грязь уходя
по самое ухо,
сорок минут
проселками трюхай.
Дачу
дожди
холодом о́блили...
Вот и живешь,
как какой-то Нобиле.

Нобиле — где ж! —
меж тюленьих рыл
он
хоть полюс
слегка приоткрыл.
Я ж,
несмотря
на сосульки с усов,
мучаюсь зря,
не открыв полюсо́в.
Эта зима
и в июле не кончится;
ради согрева
начал пингпонгчиться.
Мячик
с-под шка́фов
с резвостью мальчика
выковыриваю
палкой и пальчиком.
Чаю бы выпить,
окончивши спорт,
но самовар
неизвестными сперт.
Те же,
должно быть,
собачку поранивши,
масло и яйца
сперли раньше.
Ходит корова
тощего вида,
взять бы эту корову
и выдоить.
Хвать бы
за вымя
быстрее воров!
Но я
не умею
доить коров.
Чаю
в буфете
напьюсь ужо,—

грустно мечтаю,
в сон погружен.
В самом
походном
спартанском вкусе
вылегся
на параллельных брусьях.
Тихо дрожу,
как в арктических водах...
Граждане,
разве же ж это отдых?

[*1928*]

КРИТИКА САМОКРИТИКИ

Модою —
объяты все:
и размашисто
и куцо,
словно
белка в колесе
каждый
самокритикуется.
Сам себя
совбюрократ
бьет
в чиновничие перси.
«Я
всегда
советам рад.
Критикуйте!
Я —
без спеси.
Но...
стенгазное мычанье...
Где
в рабкоре
толку статься?
Вы
пишите замечания
и пускайте
по инстанциям».

Самокритик
совдурак
рассуждает,
помпадурясь:
«Я же ж
критике
не враг.
Но рабкорь —
разводит дурость.
Критикуйте!
Не обижен.
Здравым
мыслям
сердце радо.
Но...
чтоб критик
был
не ниже,
чем
семнадцтого разряда».
Сладкогласый
и ретивый
критикует подхалим.
С этой
самой
директивы
не был
им
никто
хвалим.
Сутки
сряду
могут крыть
тех,
кого
покрыли свыше,
чтоб начальник,
видя прыть.
их
из штатов бы
не вышиб.

Важно
пялят
взор спецы́
на критическую моду,—
дескать —
пойте,
крит-певцы,
языком
толчите воду.
Много
было
каждый год
разударнейших кампаний.
Быть
тебе
в архиве мод —
мода
на самокопанье.
А рабкор?
Рабкор —
смотрите!—
приуныл
и смотрит криво:
от подобных
самокритик
у него
трещит загривок.
Безработные ручища
тычет
зря
в карманы он.
Он —
обдернут,
он —
прочищен,
он зажат
и сокращен.
Лава фраз —
не выплыть вплавь.
Где размашисто,
где куцо,

модный
лозунг
оседлав,
каждый —
самокритикуется.

Граждане,
вы не врите-ка,
что это —
самокритика!

Покамест
точат начальники
демократические лясы,
меж нами
живут молчальники —
овцы
рабочего класса.
А пока
молчим по-рабьи,
бывших
белых
крепнут орды —
рвут,
насилуют
и грабят,
непокорным —
плющат морды.
Молчалиных
кожа
устроена хитро:
плюнут им
в рожу —
рожу вытрут.
«Не по рылу грохот нам,
где ж нам
жаловаться?
Не прощаться ж
с крохотным

с нашим
с жалованьицем».
Полчаса
в кутке
покипят,
чтоб снова
дрожать начать.

Эй,
проснитесь, которые спят!
Разоблачай
с головы до пят.
Товарищ,
не смей молчать!

[*1928*]

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Фабрикой
вывешен
жалобный ящик.
Жалуйся, слесарь,
жалуйся, смазчик!
Не убоявшись
ни званья,
ни чина,
жалуйся, женщина,
крой, мужчина!
Люди
бросали
жалобы
в ящик,
ждя
от жалоб
чудес настоящих.
«Уж и ужалит
начальство
жало,
жало
этих
правильных жалоб!»
Вёсны цветочатся,
вьюги бесятся,
мчатся
над ящиком
месяц за месяцем.

Время текло,
и семья пауков
здесь
обрела
уютненький кров.
Месяц трудясь
без единого роздышка,
свили
воробушки
чудное гнездышко.
Бросил
мальчишка,
играясь шáло,
дохлую
крысу
в ящик для жалоб.
Ржавый,
заброшенный,
в мусорной куче
тихо
покоится
ящичный ключик.
Этот самый
жалобный ящик
сверхсамокритики
сверхобразчик.

Кто-то,
дремавший
начальственной высью,
ревизовать
послал комиссию.
Ящик,
наполненный
вровень с краями,
был
торжественно
вскрыт эркаями.
Меж винегретом
уныло лежала

тысяча
старых
и грозных жалоб.
Стлели бумажки,
и жалобщик пылкий
помер уже
и лежит в могилке.

Очень
бывает
унылого видика
самая
эта вот
самокритика.

Положение —
нож.
Хуже даже.
Куда пойдешь?
Кому скажешь?
Инстанций ле́са
просителей ждут,—
разведывай
сам
рабочую нужду.
Обязанность взяв
добровольца-гонца —
сквозь тысячи
завов
лезь до конца!
Мандатов —
нет.
Без их мандата
требуй
ответ,
комсомолец-ходатай.
Выгонят вон...
Кто право даст вам?!

Даст
закон
Советского государства.
Лают
моськой
бюрократы
в неверии.
Но —
комсомольская,
вперед,
«кавалерия»!
В бумажные
прерии
лезь
и врывайся,
«легкая кавалерия»
рабочего класса!

[1928]

БЕЗРАБОТНЫЙ

Веселый автобус
то фыркнет, то визгнет.
Пока на Лубянку
с вокзала свезен,
в солидной
«Экономической жизни»
читаю:
«Строительный сорван сезон».
Намокла
мосполиграфская вывеска.
Погода
годится
только для рыб.
Под вывеской,
место сухое выискав,
стоят
безработные маляры.
Засохшими пальмами
высятся кисти,
им
хочется
краской обмахивать дом.
Но —
мало строек,
и фартучный хвистик
висит
обмокшим
собачьим хвостом.

В окраске фасадов
дождя перебои,
а небо
расцветкой
похоже на белку.
На солнце
сменить бы
ливней обои,
на синьку сменить бы
неба побелку!
Но кто-то
где-то
кому-то докладывал
«О перспективе,
о срыве сезона».
А эти собрались
на месяц и на́ два...
Стоят, голодая,
бездельно и сонно.
Вращали очками
по цементо-трестам,
чтоб этот обойщик
и этот маляр
пришел бы
и стал бы
об это вот место
стоять,
безработной лапой моля.
Быть может,
орудовали и вредители,
чтоб безработные
смачно и всласть
ругали в бога,
крыли в родителей
и мать,
и душу,
и время,
и власть.
Дельцов ревизуют.
Ярится перо.

Набит портфель.
Карандаш отточен.
Но нас,
и особенно маляров,
интересует
очень и очень:
быть может,
из трестов
некая знать
за это
живет
в Крыму, хорошея?
Нам очень и очень
хотелось бы знать,
кому
за срыв
надавали по шее?
Мы знаем
всё
из газетного звона,
но нас бы
другое устроило знанье:
раскрыть бы
дельцов по срывам сезона
и выгнать —
еще зимою,— заранее!
Мы знаем,
не сгинет
враз
безработица —
разрухи
с блокадой
законное чадо,
но
если
сезоны
сознательно портятся —
вредителю
нет пощады.

[*1928*]

ДАЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Я
нынешний год
проживаю опять
в уже
классическом Пушкино.
Опять
облесочкана
каждая пядь,
опушками обопушкана.
Приехали гости.
По праздникам надо.
Одеты —
подстать гостью́.
И даже
один
удержал из оклада
на серый
английский костюм.
Одёжным
жирком
отложились года,
обуты —
прилично очень.
«Товарищи»
даже,
будто «мадам»,
шелками обчулочены.

Пошли,
пообедав,
живот разминать.
А ну,
не размякнете!
Нуте-ка!
Цветов
детвора
обступает меня,
так называемых —
лютиков.
Вверху
зеленеет
березная рядь,
и ветки
радугой дуг...
Пошли
вола вертеть
и врать,
и тут —
и вот —
и вдруг..
Обфренчились
формы
костюма ладного,
яркие,
прямо зря,
все
достают
из кармана
из заднего
браунинги
и маузера.
Ушедшие
подымались года,
и бровь
попрежнему сжалась,
когда
разлетался пень
и когда

за пулей
пуля сажалась.
Поляна —
и ливень пуль на нее,
огонь
отзвенел и замер,
лишь
вздрагивало
газеты рваньё,
как белое
рваное знамя.
Компания
дальше в ка́шках пошла,
рево́львер
остыл давно,
пошла
беседа,
в меру пошла́.
Но —
знаю:
революция
еще не седа,
в быту
не слепнет крото́во,—
революция
всегда,
всегда
молода и готова.

[*1928*]

СЛЕГКА НАХАЛЬНЫЕ СТИХИ ТОВАРИЩАМ ИЗ ЭМКАХИ

Прямо
некуда деваться
от культуры.
Будь ей пусто!
Вот
товарищ Цивцивадзе
насадить мечтает бюсты.
Чтоб на площадях
и скверах
были
мраморные лики,
чтоб, вздымая
морду вверх,
мы бы
видели великих.
Чтобы, день
пробегав зря,
хулиганов
видя
рожи,
ты,
великий лик узря,
был
душой облагорожен.
Слышу,
давши грезам дань я,

нотки
шепота такого:
«Приходите
на свиданье
возле бюста
Эф Гладкова».
Тут
и мой овал лица,
снизу
люди тщатся...
К черту!
«Останавлица
строго воспрыщаица».
А там,
где мороженое
морит желудки,
сверху
восторженный
смотрит Жуткин.
Скульптор
помнит наш режим
(не лепить чтоб
два
лица),
Жаров-Уткин
слеплен им
сразу
в виде близнеца.
Но —
лишь глаз прохожих пара
замерла,
любуясь мрамором,
миг —
и в яме тротуара
раскорячился карамором.
Только
лошадь
пару глаз
вперит
в грезах розовых,

сверзлася
с колдобин
в грязь
возле чучел бронзовых.
И с разискреннею силищей
кроют
мрачные от желчи:
«Понастроили страшилищей,
сволочи,
Микел Анжѐлычи».
Мостовой
разбитой едучи,
думаю о Цивцивадзе.
Нам нужны,
товарищ Мѐдичи,
мостовые,
а не вазы.
Рвань,
куда ни поглазей,
грязью
глаз любуется.
Чем
устраивать музей,
вымостили б улицы.
Штопали б
домам
бока
да обчистили бы грязь вы!
Мы бы
обошлись пока
Гоголем
да Тимирязевым.

[*1928*]

РАБОТНИКАМ СТИХА И ПРОЗЫ, НА ЛЕТО ЕДУЩИМ В КОЛХОЗЫ

Что пожелать вам,
сэр Замятин?
Ваш труд
заранее занятен.
Критиковать вас
не берусь,
не нам
судить
занятье светское,
но просим
помнить,
славя Русь,
что Русь
— уж десять лет!—
советская.

Прошу
Бориса Пильняка
в деревне
не забыть никак,
что скромный
русский простолюдин
не ест
по воскресеньям
пудинг.
Крестьянам
в бритенькие губки

не суйте
зря
английской трубки.
Не надобно
крестьянам
тож
на плечи
пялить макинтош.
Очередной
роман
растя,
деревню осмотрите заново,
чтобы не сделать
из крестьян
англосаксонского пейзана.

Что пожелать
Гладкову Ф.?
Гладков романтик,
а не Леф,—
прочесть,
что написал пока он,
так все колхозцы
пьют какао.
Колхозца
серого
и сирого
не надо
идеализировать.
Фантазией
факты
пусть не заслонятся.
Всмотритесь,
творя
фантазии рьяные,—
не только
бывает
«пьяное солнце»,
но...
и крестьяне бывают пьяные.

Никулину —
рассказов триста!
Но —
не сюжетьтесь авантюрами,
колхозные авантюристы
пусть не в роман идут,
а в тюрьмы.

Не частушить веселó
попрошу Доронина,
чтобы не было
село
в рифмах проворонено.
Нам
деревню
не смешной,
с-е-р-и-о-з-н-о-й дай-ка,
чтобы не была
сплошной
красной балалайкой.

Вам, Третьяков,
заданье тоньше,
вы —
убежденный фельетонщик.
Нутром к земле!
Прижмитесь к бурой!
И так
зафельетоньте здорово,
чтобы любая
автодура
вошла бы
в лоно автодорово.

А в общем,
писать вам
за томом том,

товарищи,
вам
благодарна и рада,
будто платком,
газетным листом
машет
вослед
«Комсомольская правда».

[*1928*]

«ОБЩЕЕ» И «МОЕ»

Чуть-чуть еще, и он почти б
был положительнейший тип.

Иван Иваныч —
чуть не «вождь»,
дана
в ладонь
вожжа ему.
К нему
идет
бумажный дождь
с припиской —
«уважаемый».
В делах умен,
в работе —
быстр.
Кичиться —
нет привычек.
Он
добросовестный службист —
не вор,
не волокитчик.
Велик
его
партийный стаж,
взгляни в билет —
и ахни!

Карманы в ручках,
а уста ж
сахарного сахарней.
На зависть
легкость языка,
уверенно
и пусто
он,
взяв путевку из ЭМКА,
бубнит
под Златоуста.
Поет
на соловьиный лад,
играет
слов
оправою
«о здравии комсомолят,
о женском равноправии».
И, сняв
служебные гужи,
узнавши,
час который,
домой
приедет, отслужив,
и...
опускает шторы.
Распустит
он
жилет...
и здесь,
— здесь
частной жизни часики! —
преображается
весь
по-третье-мещански.
Чуть-чуть
не с декабристов
род —
хоть предков
в рамы рамьте!

Но
сына
за уши
дерет
за леность в политграмоте.
Орет кухарке,
разъярясь,
супом
усом
капая:
«Не суп, а квас,
который раз,
пермячка сиволапая!..»
Живешь века,
века учась
(гении
не ро́дятся).
Под граммофон
с подругой
час
под сенью штор
фокстротится.
Жена
с похлебкой из пшена
сокращена
за древностью.
Его
вторая зам-жена
и хороша,
и сложена,
и вымучена ревностью.
Елозя
лапой по ногам,
ероша
юбок утлость,
он вертит
по́д носом наган:
«Ты с кем
сегодня
путалась?..»

Пожил,
 и отошел,
 и лег,
а ночь
 паучит нити...
Попробуйте,
 под потолок
теперь
 к нему
 взгляните!
И сразу
 он
 вскочил и взвыл.
Рассердится
 и визгнет:
«Не смейте
 вмешиваться
 вы
в интимность
 частной жизни!»

Мы вовсе
 не хотим бузить.
Мы кроем
 быт столетний.
Но, боже...
 Марксе, упаси
нам
 заниматься сплетней!
Не будем
 в скважины смотреть
на дрязги
 в вашей комнате.
У вас
 на дом
 из суток —
 треть,
но знайте
 и помните:

глядит
мещанская толпа,
мусолит
стол и ложе...
Как
под стекляннейший колпак,
на время
жизнь положим.
Идя
сквозь быт
мещанских клик,
с брезгливостью
преувеличенной,
мы
переменим
жизни лик,
и общей,
и личной.

[*1928*]

ВРЕДИТЕЛЬ

Прислушайтесь,
на заводы придите,
в ушах —
навязнет
страшное слово —
«вредитель» —
навязнут
названия шахт.
Пускай
статьи
определяет суд.
Виновного
хотя б
возьмут мишенью тира...
Меня
презрение
и ненависть несут
под крыши
инженеровых квартирок.
Мы отдавали
им
последнее тепло,
жилища
отдавали, вылощив,
чтоб на стене
орлом сиял диплом
им-пе-раторского училища.
В голодный
волжский мор
работникам таким

седобородые,
доверясь по-девически,
им
отдавали
лучшие пайки:
простой,
усиленный,
академический!
Мы звали:
«Помогите!»
И одни,
сменив
на блузу
щегольскую тройку,
по-честному
отдали
мозг и дни
и держат
на плечах
тяжелую постройку.
Другие...
жалование переслюнив,
в бумажник
сунувши червонцы,
задумались...
«Нельзя ли получить
и с них...
долла́ры
в золоте
с приятным,
нежным звонцем?»
Погладив
на брюшке
советский
первый жир
и вспомнив,
что жене
на пасху
выйти не в чем,

вносил
рублей на сто
ошибок в чертежи:
«Чего
стесняться нам
с рабочим неучем?»
А после
тыкался по консула́м
великих
аппетитами
держав...
Докладывал,
что пущено на слом,
и удалялся,
мятенький
до́лла́рчик сжав...
Попил чайку.
Дремотная тропа
назад
ведет
полузакрытые глаза его...
и видит он —
сквозь самоварный пар
выходят
прогнанные
щедрые хозяева...
Чины и выезды...
текущий счет...
и женщины
разро́зились духами.
Очнулся...
Сплюнул...
«На какой мне черт
работать
за гроши
на их Советы хамьи?!»
И он,
скарежен
классовой злобо́ю,

идет
неслышно
портить вентилятор,
чтобы шахтеры
выли,
задыхаясь по забоям,
как взаперти
мычат
горящие телята...

Орут пласты угля́,
машины и сырье,
и пар
из всех котлов
свистит и валит валом.
«Вон —
обер-
штаб-офицерьё
генералиссимуса
капитала!!»

[*1928*]

КАЗАНЬ

Стара,
коса
стоит
Казань.
Шумит
бурун:
«Шурум...
бурум...»
По-родному
тараторя,
снегом
лужи
намарав,
у подворья
в коридоре
люди
смотрят номера.
Кашляя
в рукава,
входит
робковат,
глаза таращит.
Приветствую товарища.

Я
в языках
не очень натаскан —

что норвежским,
что шведским мажь.
Входит татарин:
«Я
на татарском
вам
прочитаю
«Левый марш».
Входит второй.
Косой в скуле.
И говорит,
в карманах порыскав:
«Я —
мариец.
Твой
«Левый»
дай
тебе
прочту по-марийски».
Эги вышли.
Шедших этих
в низкой
двери
встретил третий.
«Марш
ваш —
наш марш.
Я —
чуваш,
послушай,
уважь.
Марш
вашинский
так по-чувашски...»

Как будто
годы
взял за чуб я —
— Станьте
и не пылите-ка!—

рукою
своею собственной
щупаю
бестелое слово
«политика».
Народы,
жившие
въямясь в нужду,
притершись
Уралу ко льду,
ворвались в дверь,
идя
на штурм,
на камень,
на крепость культур.
Крива,
коса
стоит
Казань.
Шумит
бурун:
«Шурум...
бурум...»

[*1928*]

№ 17

Кому
в Москве
неизвестна Никольская?
Асфальтная улица —
ровная,
скользкая.
На улице дом —
семнадцатый номер.
Случайно взглянул на витрины
и обмер.
Встал и врос
и не двинуться мимо,
мимо Ос-
авиахима.
Под стекло
на бумажный листик
положены
человечие кисти.
Чудовища рук
оглядите поштучно —
одна черна,
обгорела
и скрючена,
как будто ее
поджигали, корежа,
и слезла
перчаткой
горелая кожа.

Другую руку
выел нарыв
дырой,
огромней
кротовой норы.
А с третьей руки,
распухшей с ногу,
за ногтем
слезает
синеющий ноготь...
Бандит маникюрщик
под каждою назван —
стоит
иностранное
имя газа.

Чтоб с этих витрин
нарывающий ужас
не сел
на всех
нарывом тройным,
из всех
человеческих
сил принатужась,
крепи
оборону
Советской страны.
Кто
в оборону
работой не врос?
Стой!
ни шагу мимо,
мимо Ос-
авиахима.
Шагай,
стомиллионная масса,
в ста миллионах масок.

[1928]

МАРШ—ОБОРОНА

Семнадцать и двадцать
нам только и лет.
Придется нам драться,
хотим или нет.
Раз!
    два!
        раз!
            два!
Вверх
    го-
        ло-
            ва!
Антантовы цуцики
ждут грызни.
Маршал Пилсудский
шпорой звенит.
Дом,
    труд,
        хлеб
            нив
о-
    бо-
        ро-
            ни!
Дунули газом,
и парень погас.
Эх,
    кабы сразу
противогаз!

Раз!
два!
шаг,
ляг!
Твер-
же
шаг
в шаг!
Храбрость хвалимую —
в сумку положь!
Хитрую химию,
ученый,
даешь!
Гром
рот,
ать,
два!
Впе-
ред,
брат-
ва!
Ветром надуло
фабричную гарь.
Орудует Тула —
советский пушкарь.
Раз!
два!
раз!
два!
Вверх
го-
ло-
ва!
Выгладь да выровняй
шрапнельный стакан!
Дисциплинированней
стань у станка.
Дом,
труд,
хлеб
нив

о-
бо-
ро-
ни!
Не пехотинцы мы —
прямо от сохи
взмоет нас птицами
Осоавиахим!
Раз!
два!
шаг,
ляг!
Твер-
же
шаг
в шаг!
Войной —
буржуи прутся,
к лету,
к зиме ль
смахнет их революция
с ихних земель.
Гром
рот,
ать,
два!
Впе-
ред,
брат-
ва!

[*1928*]

Стихотворения В. Маяковского 1928 года, помещенные в газете «Комсомольская правда». *Фотомонтаж.*

ГОТОВЬСЯ...

Думай,
товарищ,
о загранице —
штык у них
на Советы гранится.
Ухом
к земле,
пограничник, приникни —
шпора
еще
не звенит на Деникине?
Может быть,
генерал Шкуро
взводит
уже
заржавевший курок?
Порасспроси
у бывшего пленного —
сладко ль
рабочим
в краях Чемберленовых?
Врангель
теперь
в компании ангельей.
Новых
накупит
Англия Врангелей.
Зря, што ли,
Англия
лезет в Балтийское,

грудь-волну
броненосцами тиская?!
Из-за цветов
дипломатовых ляс
газом
не дует ли
ветер на нас?
Все прикинь,
обдумай
и взвесь,
сам увидишь —
опасность есть.
Не разводить же
на тучах кадрили
строит
Антанта
свои эскадрильи?!
Экспресс капитала
прет на крушение.
Но скоро ль?
На скорость —
надежда слаба!
И наша страна
пока
в окружении
заводчиковых
и банкирских собак.
Чтоб вновь
буржуями
не быть обворовану,
весь
напрягись
ровнее струны!
Сегодня,
заранее,
крепи оборону.
Крепи оборону
Советской страны.

[1928]

ГОТОВЬСЯ! СТОЙ! СТРОЙ!

И Врангель и Колчак
усопли мирно оба.
Схоронят и других...
не бог, так время даст.
Но не усопла —
удесятерилась злоба
Советы окруживших
буржуазных государств...
Капиталисты европейские,
хозяева ученых,
купили
оптом
знание и разум.
И притаился
их
ученейший курчонок,
трудясь над новым
смертоносным газом.
Республика,
с тобой грозят
расправиться жестоко!
Работай так,
чтоб каждый пòтом вымок...
Крепите оборону,
инженер и токарь.
Крепи, шахтер,
газетчик,
врач
и химик!

Войну грядущую
                    решит
                            аэропланов рой.
Чтоб бомбовозы
                    города́ Союза
                            дырами не взрыли —
летающую мощь
                    не прекращая, строй!
Шуми по небесам
                    крылами
                            краснозвездных эскадрилий.
И день,
          когда
                    подымут пушки зык
и поползет
                    землей
                            смертища газовая,—
встречай умело газ,
                            прекраснейший язык
под маской
          смерти
                    с удовольствием показывая.
Не знаем мы
                    войны годов и чисел;
чтоб не врасплох пришла,
                            гремя броней и ковкой,
встречать
          любую смерть
                            заранее учись,
учись владеть
                    противогазом и винтовкой.
При встрече с нами
                            заграничный туз
улыбкой вежливой
                            приподымает ус,
но случай
          побороться
                            он не проворонит.
Рабочие,
          крестьяне,
                            весь Союз —

и день и ночь
готовьтесь к обороне,
чтоб мог ежеминутно
наш Союз
на гром оружия
и на угрозу речью,—
на массу опираясь,
крикнуть:
«Не боюсь!
Врага,
не дрогнувши,
вооруженный встречу!»

[*1928*]

ТОВАРИЩИ, ПОСПОРЬТЕ О КРАСНОМ СПОРТЕ!

Подымая
гири
и гантéли,
обливаясь
сто десятым потом,
нагоняя
мускулы на теле,
все
двуногие
заувлекались спортом.
Упражняются,
мрачны и одиноки.
Если парня,
скажем,
осенил футбол,
до того
у парня
мускулятся ноги,
что идет,
подламывая пол.
Если парень
боксами увлекся,
он —
рукой — канат,
а шеей —
вол;

дальше
своего
расквашенного носа
не мерещится
парнишке
ничего.
Постепенно
забывает
все на свете.
Только
мяч отбей
да в морду ухай,—
и свистит,
засвистывает ветер,
справа
в левое засвистывает ухо.
За такими,
как за шерстью
золотой овцы,
конкурентову
мозоль
отдавливая давкой,
клубные
гоняются дельцы,
соблазняя
сверхразрядной ставкой.
И растет
приобретенный чемпион
безмятежней
и пышнее,
чем пион...
Чтобы жил
привольно,
побеждая и кроша,
чуть не в пролетарии
произведут
из торгаша.
У такого
в политграмоте
неважненькая силища,

От стыда
и хохота
катись под стол:
назовет
товарища Калинина
«Давид Василичем»,
величает —
Рыкова
«Заведующий СТО».
Но зато —
пивцы́!
Хоть бочку с пивом выставь!
То ли в Харькове,
а то ль в Уфе
говорят,
что двое футболистов
на вокзале
вылакали
весь буфет.
И хотя
они
к политучебе вя́лы,
но зато
сильны
в другом
изящном спорте:
могут
зря
(как выражаются провинциалы)
всех девиц
в окру́ге
перепортить!

Парень,
бицепсом
не очень-то гордись!
В спо́рт
пока
не внесено особых мен.

Нам
необходим
не безголовый рекордист —
нужен
массу подымающий
спортсмен.

[*1928*]

СОБЕРИТЕСЬ И ПОГОВОРИТЕ-КА

вровень
с критикой
писателя и художника,
почему
так много
сапожников-критиков
и нет
совершенно
критики на сапожников?

Фельетонов ягодки —
рецензий цветочки...
Некуда деваться дальше!
Мы знаем
о писателях
всё до точки:
о великих
и о
захудалейших.
Внимает
критик
тише тли,
не смолк ли Жаров?
пишет ли?..
Разносят
открытки
Никулина вид,
мы знаем,
что́ Никулин:

как поживает,
что творит,
не хвор,
не пьет коньяку ли.
Богемские
новости
жадно глотая,
орем —
«Расхвали,
раскатай его!»
Мы знаем,
чем
фарширован Катаев,
и какие
формы у Катаева
С писателем
нянчась
как с писаной торбой,
расхвалит
Ермилов
милого,
а Горбов
в ответ,
как верблюд двугорбый,
наплюнет
статьей
на Ермилова.
Читатель
зрачком
по статье поелозит
и хлопнет
себя
по ляжке:
«Зачем
в такой лошадиной дозе
подносится
разный Малашкин?!»
Рабочему
хочется
держаться в курсе

и этой книги
и той,
но мы не хотим —
не в рабочем вкусе —
забыв,
что бывают
жареные гуси,
питаться
одной
духовной едой.
Мы можем
распутать
в миг единый
сложные
поэтические
путы,
но черт его знает,
что едим мы
и в какую
гадость
обуты?!
Малашкиным
и в переплете
не обуется босой,
но одинаково
голодный,
босой
на последний
двугривенный свой
любит,
шельмец,
побаловаться колбасой.
Тому,
у кого
от голода слюна,
мало утешительны
и странны
указания,
что зато-де —
«Луна»

у вас
повисла
«с правой стороны».
Давайте
затеем
новый спор мы —
сойдитесь,
критик и апологет,
вскройте,
соответствуют ли
сапожные формы
содержанию —
моей ноге?
Учти,
за башмаками
по магазинам лазя,
стоят дорого
или дёшевы,
крепок ли
у башмака
материальный базис,
то есть —
хороши ли подошвы?
Явитесь,
критики
новой масти,
пишите,
с чего желудок пучит.
Может,
новатор —
колбасный мастер,
а может,
просто
бандит-попутчик.
Учтя
многолюдность
колбасных жертв,
обсудим
во весь
критический азарт,

современен ли
в сосисках
фарш-сюжет,
или
протух
неделю назад.
Товарищ!
К вещам
пером приценься,
критикуй поэмы,
рецензируй басни.
Но слушай окрик:
«Даешь
рецензии
на произведения
сапожной и колбасной!»

[*1928*]

ДОМ ГЕРЦЕНА
(ТОЛЬКО В ПОЛНОЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ)

Расклокотался в колокол Герцен,
чуть
        языком
                    не отбил бочок...
И дозвонился!
                          Скрипнули дверцы,
все повалили
                        в его кабачок.

Обыватель любопытен —
все узнать бы о пиите!
Увидать
              в питье,
                          в едении
автора произведения.
Не удержишь на веревке!
Люди лезут...
                          Валят валом.
Здесь
          свои командировки
пропивать провинциалам.
С «шимми»,
                    с «фоксами» знакомясь,
мечут искры из очков
на чудовищную помесь —
помесь вальса
                          с казачком.

За ножками котлет свиных
компания ответственных.
На искусительнице-змие
глазами
чуть не женятся,
но буркают —
«Буржуазия...
богемцы...
разложеньице...»

Не девицы —
а растраты.
Раз
взглянув
на этих дев,
каждый
должен
стать кастратом,
навсегда охолодев.
Вертят глазом
так и этак,
улыбаются уста
тем,
кто вписан в финанкете
скромным именем —
«кустарь».

Ус обвис намокшей веткой,
желтое,
как йод,
пиво
на шальвары в клетку
сонный русский льет...
Шепчет дева,
губки крася,
юбок выставя ажур:
«Ну, поедем...
что ты, Вася!

Вот те крест —
не заражу...»
Уехал в брюках клетчатых.
«Где вы те-пе-рь...»
Кто лечит их?

Богемою
себя не пачкая,
сидит холеная нэпачка;
два иностранца
ее,
за духи,
выловят в танцах
из этой ухи.

В конце
унылый начинающий —
не укупить ему вина еще.
В реках пива,
в ливнях водок,
соблюдая юный стыд,
он сидит
и ждет кого-то,
кто придет
и угостит.

Сидят они,
сижу и я,
во славу Герцена жуя.

Герцен, Герцен,
загробным вечером,
скажите пожалуйста,
вам не снится ли,
как вас
удивительно увековечили

пивом,
фокстротом
и венским шницелем?

Прав
один рифмач упорный,
в трезвом будучи уме,
на дверях
мужской уборной
бодро
вывел резюме:
«Хрен цена
вашему дому Герцена».
Обычно
заборные надписи плоски,
но с этой — согласен!
В. Маяковский.
[*1928*]

КРЕСТ И ШАМПАНСКОЕ

Десятком кораблей
межь льдами
северными
г.óбыли
и возвращаются
с потерей самолетов
и людей...
и ног...
Всемирному
«перпетуум-Нобиле»
пора
попробовать
подвесть итог.

Фашистский генерал
на полюс
яро лез.
На Нобиле —
благословенье папское.
Не карты полюсов
он вез с собой,
а крест,
громаднейший крестище...
и шампанское!

Аэростат погиб.
Спаситель —
самолет.
Отдавши честь
рукой
в пуховых варежках,
предав
товарищей,
вонзивших ногти в лед,
бежал
фашистский генералишко.
Со скользкой толщи
льдистый
лез
вопль о помощи:
«Эс-о-Эс!»
Не сговорившись,
в спорах покидая порт,
вразброд
выходят
иностранные суда.
Одних
ведет
веселый
снежный спорт,
других —
самореклама государств.

Европа
гибель
предвещала нам по карте,
мешала,
врала,
подхихикивала недоверчиво,
когда
в неведомые
океаны Арктики
железный «Красин»
лез,
винты заверчивая.

Советских
летчиков
впиваются глаза.
Нашли!
Разысканы —
в туманной яме.
И «Красин»
итальянцев
подбирает, показав,
что мы
хозяйничаем
льдистыми краями.
Теперь
скажите вы,
которые летали,
что нахалтурили
начальники «Италии»?
Не от креста ль
с шампанским
дирижабля крен?
Мы ждем
от Нобиле
живое слово:
Чего сбежали?
Где Мальмгрен?
Он умер?
Или бросили живого?
Дивите
подвигом
фашистский мир,
а мы,
в пространство
врезываясь, в белое,
работу
делали
и делаем.
Снова
«Красин»
в айсберги вросся.

За Амундсеном!
Днями воспользуйся!
Мы
отыщем
простого матроса,
победившего
два полюса!

[*1928*]

СТРАННО... НО ВЕРНО

Несся
крик
из мира старого:
«Гражданин
советский —
варвар.
Героизма
ждать
не с Востока нам,
не с Востока
ждать ума нам.
На свете
только
Европа умна.
Она
и сердечна
и гуманна».

И Нобиле
в Ленинграде
не взглянул
на советские карты.
Но скоро
о помощи радио
с айсбергов
слал
с покатых.
Оказалось —
в полюсной теми

разбирались
у нас в Академии.
От «Италии»
столб дыма.
«SOS»
рассылает в отчаянии.
Подымят сигарой
и мимо
проходят
богачи англичане.
Мы ж
во льдах
пробивались тараном...
Не правда ли —
очень странно?
Еще
не разобрали
дела черного,
но похоже
по тому,
как себя ведут, —
что бросили
итальянцы
шведа ученого,
кстати,
у раненого
отняв еду.
Не знаю,
душа у нас добра ли —
но мы
и этих фашистов подобрали.

Обгоняя
гуманные страны,
итальянцев
спасаем уверенно.
Это —
«очень странно».
Но...
совершенно верно.
[*1928*]

О ТОМ, КАК НЕКИЕ СЕКТАНТЦЫ ЗОВУТ РАБОЧЕГО НА ТАНЦЫ

В цехах текстильной фабрики им. Халтурина (Ленинград) сектанты разбрасывают прокламации с призывом вступить в религиозные секты. Сектанты сулят всем вступившим в их секты различного рода интересные развлечения: знакомство с «хорошим» обществом, вечера с танцами (фокстротом и чарльстоном) и др.

Из письма рабкора.

От смеха
на заводе —
стон.
Читают
листья прокламаций.
К себе
сектанты
на чарльстон
зовут
рабочего
ломаться.
Работница,
манто накинь
на туалеты
из батиста!
Чуть-чуть не в общество княгинь

ты
попадаешь
у баптистов.
Фокстротом
сердце веселя,
ходи себе
лисой и пумой,
плети
ногами
вензеля,
и только...
головой не думай.
Не нужны
уговоры многие.
Айда,
бегом
на бал, рабочие!
И отдавите
в танцах ноги
и языки
и прочее.

Открыть нетрудно
баптистский ларчик —
американский
в ларце
долларчик.

[*1928*]

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ ВЦИК

Тверд
пролетарский суд.
Он
не похож на вату.
Бывает —
и головы не снесут
те,
которые виноваты.

Это
ясно для любого,
кроме...
города Тамбова.

Дядя
есть
в губисполкоме.
Перед дядей
шапку ломят.
Он,
наверное, брюнет —
у брюнетов
жуткий взор.
Раз —
мигнет —
суда и нет!
Фокусник-гипнотизер.

Некто
сел «за белизну».
Некто
с дядею знаком.
Дядя
десять лет слизнул —
как корова языком.
И улыбкою ощерен,
в ресторан идет Мещерин.
Всё ему нравится,
все ему знакомы...
Выпьем
за здравьице
губисполкома!
А исполкомщик
спит,
и мнится
луна
и месяц средь морей...
«Вчера
я растворил темницу
воздушной пленницы моей».

Товарищи,
моргать нехорошо —
особенно
если свысока.
От морганий
пару
хороших шор
сделайте
из этого листка!
Советуем
и вам, судья,
сажать цветы,
с поста уйдя.

[1928]

ДОМ СОЮЗОВ 17 ИЮЛЯ

С чем
в поэзии
не сравнивали Коминтерна?
Кажется, со всем!
И все неверно.
И корабль,
и дредноут,
и паровоз,
и маяк —
сравнивать
больше не будем.
Главным
взбудоражена
мысль моя,
что это —
просто люди.
Такие вот
из подвальных низов —
миллионом
по улицам льются.
И от миллионов
пришли на зов —
первой
победившей
революции.
Историю
движет
не знатная стайка —

история
не деньгой
водима.
Историю
движет
рабочая спайка —
ежедневно
и непобедимо.
Тих
в Европах
класса коло́сс,—
но слышнее
за разом раз —
в батарейном
лязге колес
на позиции
прет
класс.

Товарищ Бухарин
из-под замызганных пальм
говорит —
потеряли кого...
И зал
отзывается:
«Вы жертвою пали...
Вы жертвою пали в борьбе роковой».
Бедой
к убийцам,
песня, иди!
К вам
имена жертв
мы
еще
принесем, победив,—
на пуле,
штыке
и ноже.

И снова
перечень
сухих сведений —
скольких
Коминтерн
повел за собой...
И зал отзывается:
«Это —
последний
и решительный бой».
И даже
речь
японца и китайца
понимает
не ум,
так тело,—
бери оружие в руки
и кидайся!
Понятно!
В чем дело?!
И стоило
на трибуне
красной звездой
красноармейцу
загореться,—
поняв
язык революции,
стоя
рукоплещут
японцы и корейцы.

Не стала
седа и стара —
гремит,
ежедневно известней
п-я-т-и-д-е-с-я-т-и стран
боевая
рабочая песня.

[1928]

ШЕСТОЙ

Как будто
чудовищный кран
мир
подымает уверенно —
по ступенькам
50 стран
подымаются
на конгресс Коминтерна.
Фактом
живым
встрянь —
чего и представить нельзя!
50
огромнейших стран
входят
в один зал.
Не коврами
пол стлан.
Сапогам
не мять,
не толочь их.
Сошлись
50 стран,
не изнеженных —
а рабочих.
Послало
50 стран

гонцов
из рабочей гущи,
войны
бронированный таран
обернуть
на хозяев воюющих.
Велело
50 стран:
«Шнур
динамитный
вызмей!
Подготовь
генеральный план
взрыва капитализма».
Черный
негр
прям.
Японец —
желт и прян.
Белый —
норвежец, верно.
50
различнейших стран
идут
на конгресс Коминтерна.
Похода времени —
стан.
Рево́львера дней —
кобура.
Сошлись
50 стран
восстанию
крикнуть:
«Ура!»
Мир
буржуазный,
ляг!
Пусть
обреченный валится!
Колонный зал
в кулак

сжимает
колонны-пальцы.
Будто
чудовищный кран
мир
подымает уверенно —
по ступенькам
50 стран
поднялись
на конгресс Коминтерна.

[1928]

ДОЖДЕМСЯ ЛИ МЫ ЖИЛЬЯ ХОРОШЕГО? ТОВАРИЩИ, СТРОЙТЕ ХОРОШО И ДЕШЕВО!

Десять лет —
и Москва и Иваново
и чинились
и строили наново.
В одном Иванове —
триста домов!
Из тысяч квартир
гирлянды дымов.
Лачужная жизнь —
отошла давно.
На смывах
октябрьского вала
нам жизнь
хорошую
строить дано,
и много рабочих
в просторы домов
вселились из тесных подвалов.

А рядом с этим
комики
такие строят домики:
на песке стоит фундамент —
а какая ставочка!
Приноси деньгу фунтами —

не жилкооп,
а лавочка.
Помесячно
рублей двенадцать
плати из сорока пяти.
Проглотят
и не извинятся —
такой хороший аппетит!
А заплатившему
ответ:
«Зайти...
через 12 лет!»
Годы долго длятся-то —
разное болит.
На году двенадцатом
станешь —
инвалид.
Все проходит в этом мире.
Жизнь пройдет —
и мы в квартире.
«Пожалте, миленькая публика,
для вас
готов
и дом и сад.
Из ваших пенсий
в 30 рубликов
платите
в месяц 50!»
Ну и сшит,
ну и дом!
Смотрят стены решетом.
Ветерок
не очень грубый
сразу —
навзничь валит трубы.
Бурей —
крыша теребится,
протекает черепица.
Ни покрышки,
ни дна.

Дунешь —
разъедется,
и...
сквозь потолок видна
Большущая Медведица.
Сутки даже не дожив,
сундучки возьмут —
и вон!
Побросавши этажи,
жить
вылазят на балкон.
И лишь
за наличные
квартирку взяв,
живут отлично
нэпач и зав.

Строитель,
протри-ка глаз свой!
Нажмите,
партия и правительство!
Сделайте
рабочей и классовой
работу
заселения и строительства.

[*1928*]

ПРО ПЕШЕХОДОВ И РАЗИНЬ, ВОНЗИВШИХ ГЛАЗКИ НЕБУ В СИНЬ

Улица —
меж домами
как будто ров.
Тротуары
пешеходов
расплескивают на асфальт.
Пешеходы ругают
шоферов, кондукторов.
Толкнут,
наступят,
отдавят,
свалят!

По Петровке —
ходят яро
пары,
сжаты по-сардиньи.
Легкомысленная пара,
спрыгнув с разных тротуаров,
снюхалась посередине.
Он подымает кончик кепки,
она
опускает бровки...
От их
рукопожатий крепких —

плотина
поперек Петровки.
Сирене
хвост
нажал шофер,
визжит
сирен
железный хор.
Во-всю
автобусы ревут.
Напрасен вой.
Напрасен гуд.
Хоть разверзайся преисподняя,
а простоят
до воскресения,
вспоминая
прошлогоднее
крымское землетрясение.

Охотный ряд.
Вторая сценка.
Снимают
дряхленькую церковь.
Плетенка из каких-то вех.
Задрав седобородье вверх,
стоят,
недвижно, как свеча,
два довоенных москвича.
Разлив автомобильных лав,
таких спугнуть
никак не суйся
Стоят,
глядят, носы задрав,
и шепчут:
«Господи Исусе...»

Картина третья.
Бытовая.
Развертывается у трамвая.

Обгоняя
ждущих —
рысью,
рвясь,
как грешник рвется в рай,
некто
воет кондуктриссе:
«Черт...
Пусти!—
Пустой трамвай...»
Протолкавшись между тетей,
обернулся,
крыть готов...
«Граждане!
Куда ж вы прете?
Говорят вам —
нет местов!»

Поэтому
у меня,
у старой газетной крысы,
и язык не поворачивается
обвинять:
ни шофера,
ни кондуктриссу.

Уважаемые
дяди и тети!
Скажите,
сделайте одолжение:
Чего вы
нос
под автобус суете?!
Чего вы
прете
против движения?!

[*1928*]

На борьбу за дешевое, хорошее и удобное жилье!

Строим без проектов, из плохого материала, неэкономно, неразумно.
В результате — дорогие, плохие и неудобные квартиры, малодоступные рабочим.
Надо установить типы домов, механизировать строительные работы и рационализировать их. Шир[illegible] вовлечь рабочих в кооперацию. Обеспечить контроль над строительством со стороны [illegible]щиков и рабочих-строителей.

Недочеты нашего жилстроительства.

[illegible]

З. Б.

Дождемся ли мы жилья хорошего?

Товарищи! Стройте хорошо и дешево!

[illegible]

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ

Что говорят рабочие.

Почему рабочие не идут в жилкооперацию? — Извращения классовой линии. — [illegible]

„Не так богаты, чтобы покупать гниль“.

[illegible]

Позаботьтесь о низкооплачиваемых.

[illegible]

„Нужен стандарт“.

[illegible]

„Плохо строили — плохо живем“.

[illegible]

Плохо строим.

[illegible]

Страница газеты «Правда», М., 1928, № 168, 21 июля, со стихотворением «Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево!»

ТРУС

В меру
и черны́ и русы,
пряча взгляды,
пряча вкусы,
боком,
тенью,
в стороне,—
пресмыкаются тру́сы
в славной
смелыми
стране.
Каждый зав
для труса —
туз.
Даже
от его родни
опускает глазки трус
и уходит
в воротник.
Влип
в бумажки
парой глаз,
ног
поджаты циркуля:
«Схорониться б
за приказ...
Спрятаться б
за циркуляр...»

Не поймешь,
                    мужчина,
                              рыба ли —
междометья
            зря
                не выпалит.
Где уж
        подпись и печать!
«Только бы
            меня не выбрали,
только б
          мне не отвечать...»
Ухо в метр
            — никак не менее —
за начальством
                ходит сзади,
чтоб, услышав
                ихнье
                      мнение,
завтра
        это же сказать им.
Если ж
        старший
                  сменит мнение,
он
  усвоит
          мненье старшино:
— Мненье —
              это не именье,
потерять его
              не страшно.—
Хоть грабьте,
                хоть режьте возле него,
не будет слушать ни плач,
                              ни вой.
«Наше дело
              маленькое —
я сам по себе
                не великий немой,

и рот
водою
наполнен мой,
вроде
умывальника я».
Трус
оброс
бумаг
корою.
«Где решать?!
Другие пусть.
Вдруг не выйдет?
Вдруг покроют?
Вдруг
возьму
и ошибусь?»
День-деньской
сплетает тонко
узы
самых странных свадеб —
увязать бы
льва с ягненком,
с кошкой
мышь согласовать бы.
Весь день
сердечко
ужас кройт,
предлогов для трепета —
кипа.

Боится автобусов
и Эркаи,
начальства,
жены
и гриппа.
Месткома,
домкома,
просящих взаймы,
кладбища,
милиции,
леса,

собак,
погоды,
сплетен,
зимы
и
показательных процессов.
Подрожит
и ляжет житель,
дрожью
ночь
корежит тело...
Товарищ,
чего вы дрожите?
В чем,
собственно,
дело?!
В аквариум,
что ли,
сажать вас?
Революция требует,
чтобы имелась
смелость,
смелость
и еще раз —
с-м-е-л-о-с-т-ь.

[*1928*]

ПОМПАДУР

Член ЦИКа тов. Рухула Алы Оглы Ахундов ударил по лицу пассажира в вагоне-ресторане поезда Москва — Харьков за то, что пассажир отказался закрыть занавеску у окна. При составлении дознания тов. Ахундов выложил свой циковский билет.

«Правда», № 111/3943.

Мне неведомо,
в кого я попаду,
знаю только —
попаду в кого-то...
Выдающийся
советский помпадур
выезжает
отдыхать
на во́ды.

Как шар,
положенный
в намеченную лузу,
он
лысой головой
для поворотов —
туг
и носит
синюю
положенную блузу,

как министерский
раззолоченный сюртук.
Победу
масс,
позволивших
ему
надеть
незыблемых
мандатов латы,
немедля
приписал он
своему уму,
почел
пожизненной
наградой за таланты.
Со всякой массою
такой
порвал давно.
Хоть политический,
но капиталец —
нажит.
И кажется ему,
что навсегда
дано
ему
над всеми
«володеть и княжить».
Внизу
какие-то
проходят, семеня,—
его
не развлечешь
противною картиной.
Как будто говорит:
«Не трогайте
меня
касанием плотвы
густой,
но беспартийной».

С его мандатами
какой,
скажите,
риск?
С его знакомствами
ему
считаться не с кем.
Соседу по столу,
напившись в дым и дрызг,
орет он:
«Гражданин,
задернуть занавеску!»
Взбодрен заручками
из ЦИКа и из СТО,
помешкавшего
награждает оплеухой,
и собеседник
сверзился под стол,
придерживая
окровавленное ухо.
Расселся,
хоть на лбу
теши дубовый кол,—
чего, мол,
буду объясняться зря я?!
Величественно
положил
мандат на протокол:
«Прочесть
и расходиться, козыряя!»
Но что случилось?
Не берут под козырек?
Сановник
под значком
топырит
грудью
платье.
Не пыжьтесь, помпадур!
Другой зарок

дала
великая
негнущаяся партия.
Метлою лозунгов
звенит железо фраз,
метлою бурь
по дуракам подуло.
— Товарищи,
подымем ярость масс
за партию,
за коммунизм,
на помпадуров! —

Неизвестно мне,
в кого я попаду,
но уверен —
попаду в кого-то...
Выдающийся
советский помпадур
ехал
отдыхать на во́ды.

[1928]

7 ЧАСОВ

«20% предприятий уже перешло на 7-часовой рабочий день».

«Восемь часов для труда,
шестнадцать —
для сна
и свободных!» —
гремел
лозунговый удар
в странах,
буржуям отданных.
Не только
старую нудь
с бессменной
рабочей порчею —
сумели
перешагнуть
мы
и мечту рабочую.
Парень
ум свой
развивает
до самых ятей,
введен
семичасовой
день
у него
в предприятии.

Не скрутит
усталая лень —
беседу
с газетой водим.
Семичасовой день
у нас
заведен
на заводе.
Станок
улучшаю свой.
Разызобретался весь я.
Труд
семичасовой —
можно
улучшить профессию!
Время
девать куда?
Нам —
не цвести ж акацией.
После
часов труда
подымем
квалификации.
Не надо
лишних слов,
не слушаю
шепот злючий.
Семь
рабочих часов —
понятно каждому —
лучше.
Заводы
гудком гудут,
пошли
времена
меняться.
Семь часов — труду,
культуре и сну —
семнадцать.

[*1928*]

СТИХ
НЕ ПРО ДРЯНЬ,
А ПРО ДРЯНЦО.
ДРЯНЦО
ХЛЕЩИТЕ
РИФМ КОНЦОМ

Всем известно,
что мною
дрянь
воспета
молодостью ранней.
Но дрянь не переводится.
Новый грянь
стих
о новой дряни.

Лезет
бытище
в щели во все.
Подновили житьишко,
предназначенное на слом,
человек
сегодня
приспособился и осел,
странной разновидностью —
сидящим ослом.
Теперь —
затишье.
Теперь не нарóдится

дрянь
с настоящим
характерным лицом.
Теперь
пошло
с измельчанием народца
пошлое,
маленькое,
мелкое дрянцо.
Пережил революцию,
до нэпа до́жил
и дальше
приспособится,
хитёр на уловки...
Очевидно —
недаром тоже
и у булавок
бывают головки.
Где-то
пули
рвут
знамённый шёлк,
и нищий
Китай
встает, негодуя,
а ему —
наплевать.
Ему хорошо:
тепло
и не дует.
Тихо, тихо
стираются грани,
отделяющие
обывателя от дряни.
Давно
канареек
выкинул вон,
нечего
на птицу тратиться.
С индустриализации
завел граммофон

да канареечные
абажуры и платьица.
Устроил
уютную
постельную нишку.
Его
некультурной
ругать ли гадиною?!
Берет
и с удовольствием
перелистывает книжку,
интереснейшую книжку —
сберегательную.
Будучи
очень
в семействе добрым,
так
рассуждает
лапчатый гусь:
«Боже
меня упаси от допра,
а от Мопра —
и сам упасусь».

Об этот
быт,
распухший и сальный,
долго
поэтам
язык оббивать ли?!
Изобретатель,
даешь
порошок универсальный,
сразу
убивающий
клопов и обывателей.

[*1928*]

КРЫМ

И глупо звать его
«Красная Ницца»,
и скушно
звать
«Всесоюзная здравница».
Нашему
Крыму
с чем сравниться?
Нé с чем
нашему
Крыму
сравниваться!
Надо ль,
не надо ль,
цветов наряды —
лозою
шесточек задран.
Вином
и цветами
пьянит Ореанда,
в цветах
и в вине —
Массандра.
Воздух —
желт.
Песок —
желт.
Сравнишь —
получится ложь ведь!

Солнце
шпарит.
Солнце —
жжет.
Как лошадь.
Цветы
природа
растрачивает, соря —
для солнца
светлоголового.
И все это
наслаждало
одного царя!
Смешно —
честное слово!
А теперь
играет
меж цветочных ливней
ветер,
пламя флажков теребя.
Стоят санатории
разных именей:
Ленина,
Дзержинского,
Десятого Октября.
Братва —
рада,
надела трусики.
Уже
винограды
закручивают усики.
Рад
город.
При этаком росте
с гор
скоро
навезут грозди.
Посмотрите
под тень аллей,
что ни парк —
народом полон.

Санаторники
занимаются
«волей»,
или
попросту
«валяй болом».
Винтовка
мишень
на полене долбит,
учатся
бить Чемберлена.
Целься лучше:
у лордов
лбы
тверже,
чем полено.
Третьи
на пляжах
себя расположили,
нагоняют
на брюхо
бронзу.
Четвертые
дуют кефир
или
нюхают
разную розу.
Рвало
здесь
землетрясение
дороги петли,
сакли
расшатало,
ухватив за край,
развезувился
старик Ай-Петри.
Ай, Петри!
А-я-я-я-яй!
Но пока
выписываю
эти стихи я,

Черновые автографы стихотворений «Крым» и «Небесный чердак»
1928 г. (БММ)

подрезая
ураганам
корни,
рабочий Крыма
надевает стихиям
железобетонный намордник.

Алупка 25/VII—28 г.

НЕБЕСНЫЙ ЧЕРДАК

Мы пролетали,
мы миновали
местности
странных наименований.
Среднее
между
«сукин сын»
и между
«укуси» —
Сууксу
показал
кипарисы-носы
и унесся
в туманную синь.
Го-
ра.
Груз.
Уф!
По-
ра.
Гур-
зуф.
Станция.
Стала машина старушка.
Полпути.
Неужто?!
Правильно
было б
сказать «Алушка»,

а они, как дети —
«Алушта».
В путь,
в зной,
крутизной!
Туда,
где горизонта черта,
где зубы
гор
из небесного рта,
туда,
в конец,
к небесам на чердак,
на —
Чатырдаг.
Кустов хохол
да редкие дерева́.
Холодно.
Перевал.
Исчезло море.
Нет его.
В тумане фиолетовом.
Да под нами
на поляне
радуги пыланье.
И вот
умолк
мотор-хохотун.
Перед фронтом
серебряных то́полей
мы
пронеслись
на свободном ходу
и
через час —
в Симферополе.

[*1928*]

ЕВПАТОРИЯ

Чуть вздыхает волна,
и, вторя ей,
ветерок
над Евпаторией.
Ветерки эти самые
рыскают,
гладят
щеку евпаторийскую.
Ляжем
пляжем
в песочке рыться мы
бронзовыми
евпаторийцами.
Скрип уключин,
всплески
и крики —
развлекаются
евпаторийки.
В дым черны,
в тюбетейках ярких
караимы
евпаторьяки.
И сравнясь,
загорают рьяней
москвичи —
евпаторьяне.
Всюду розы
на ножках тонких.

Радуются
евпаторёнки.
Все болезни
выжмут
горячие
грязи
евпаторячьи.
Пуд за лето
с любого толстого
соскребет
евпаторство.
Очень жаль мне
тех,
которые
не бывали
в Евпатории.

Евпатория 3/VIII
[*1928*]

ЗЕМЛЯ НАША ОБИЛЬНА

Я езжу
по южному
берегу Крыма,—
не Крым,
а копия
древнего рая!
Какая фауна,
флора
и климат!
Пою,
восторгаясь
и озирая.
Огромное
синее
Черное море.
Часы
и дни
берегами едем,
слезай,
освежайся,
ездой умо́рен.
Простите, товарищ,
купаться негде.
Окурки
с бутылками
градом упали —

здесь
даже
корове
лежать не годится,
а сядешь в кабинку —
тебе
из купален
вопьется
заноза-змея
в ягодицу.
Огромны
сады
в раю симферопольском,—
пудами
плодов
обвисают к лету.
Иду
по ларькам
Евпатории
обыском,—
хоть четверть персика!—
Персиков нету.
Побегал,
хоть версты
меряй на счетчике!
А персик
мой
на базаре и вó поле,
слезой
обливая
пушистые щечки,
за час езды
гниет в Симферополе.
Громада
дворцов
отдыхающим нравится.
Прилег
и вскочил от кусàчей тоски ты,
и крик
содрогает
спокойствие здравницы:

— Спасите,
на помощь,
съели москиты! —
Но вас
успокоят
разумностью критики,
тревожа
свечой
паутину и пыль:
«Какие же ж
это,
товарищ,
москитики,
они же ж,
товарищ,
просто клопы!»
В душе
сомнений
переполох.
Контрасты —
черт задери их!
Страна абрикосов,
дюшесов
и блох,
здоровья
и
дизентерии.
Республику
нашу
не спрятать под ноготь,
шестая
мира
покроется ею.
О,
до чего же
всего у нас много,
и до чего же ж
мало умеют!

[*1928*]

ПОЛЬЗА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Недвижим Крым.
Ни вздоха,
ни чиха.
Но,
о здравии хлопоча,
не двинулись
в Крым
ни одна нэпачиха
и
ни одного нэпача.
Спекулянты,
вам скрываться глупо
от движения
и от жары —
вы бы
на камнях
трясущихся Алупок
лучше бы
спустили бы
жиры.
Но,
прикрывши
локонами уши
и надвинув
шляпы на глаза,

нэпачи,
стихов не слушая,
едут
на успокоительный нарзан.
Вертя
линяющею красотою,
ушедшие
поминая деньки,
скучают,
с грустной кобылой стоя,
крымские
проводники.
Бытик
фривольный
спортом выглодан,
крымских
романов
закончили серию,
и
брошюры
доктора Фридлянда
дремлют
в пыли
за закрытою дверью.
Солнцу облегчение.
Сияет солнце.
На лице —
довольство крайнее.
Сколько
силы
экономится,
тратящейся
на всенэповское загорание.

Зря
с тревогою
оглядываем Крым
из края в край мы —
ни толчков,
ни пепла
и ни лав.

И стоит Ай-Петри,
как недвижный
несгораемый
шкаф.
Я
землетрясения
люблю не очень,
земле
подобает —
стоять.
Но слава встряске —
Крым
орабочен
больше,
чем на ять.

[1928]

РИФМОВАННЫЙ ОТЧЕТ. ТАК И НАДО— КРОЙ, СПАРТАКИАДА!

Щеки,
знамена —
красные маки.
Золото
лозунгов
блещет на спуске.
Синие,
желтые,
красные майки.
Белые,
синие,
черные трусики.
Вздыбленные лыжи
лава
движет.
Над отрядом
рослым
проплывают весла.
К молодцу молодцы —
гребцы,
пловцы.
Круг
спасательный
спасет обязательно.
Искрятся
сетки

теннисной ракетки.
Воздух
рапирами
издырявлен дырами.
Моторы зацикали.
Сопит,
а едет!
На мотоцикле,
на велосипеде.
Цветной
водицей
от иверских шлюзов
плещут
тыщи
рабочих союзов.
Панёвы,
папахи,
плахты
идут,
и нету убыли —
мускулы
фабрик и пахоты
всех
советских республик.
С площади покатой
льются плакаты:
«Нет
аполитичной
внеклассовой физкультуры».
Так и надо —
крой, Спартакиада!
С целого
белого,
черного света
по Красной
по площади
топочут иностранцы.
Небось
у вас
подобного нету?!

Трудно добиться?
Надо стараться!
На трибуны глядя,
идет
Финляндия.
В сторону
в нашу
кивают
и машут.
Хвост им
режется
шагом норвежцев.
Круглые очки,
оправа роговая.
Сияют значки
футболистов Уругвая.
За ними
виться
колоннам латвийцев.
Гордой
походкой
идут англичане.
Мистер Хикс,
скисни от отчаянья!
Чтоб нашу
силу
буржуи видели,
чтоб легче
ска̀лились
в военной злости,
рабочих
мира
идут представители,
стран
кандальных
смелые гости.
Веют знаменами,
золотом клейменными.

«Спартакиада —
международный
смотр
рабочего класса».
Так и надо —
крой, Спартакиада!

[*1928*]

ТОВАРИЩИ ХОЗЯЙСТВЕННИКИ! ОТВЕТЬТЕ НА ВОПРОС ВЫ — ЧТО СДЕЛАНО, ЧТОБ ВЫРОСЛИ КАЗАНЦЕВЫ И МАТРОСОВЫ?

Вы
на ерунду
миллионы ухлопываете,
а на изобретателя
смотрите кривенько.
Миллионы
экономятся
на массовом опыте,
а вы
на опыт
жалеете гривенника.
Вам
из ваших кабинетов
видать ли,
как с высунутыми языками
носятся изобретатели?
Изобрел чего —
и трюхай,
вертят
все
с тобой
вола
и
назойливою мухой
смахивают со стола.

Планы
кроет
пыльным глянцем,
полк
мышей
бумаги грыз...
Сто четырнадцать инстанций.
Ходят вверх
и ходят вниз.
Через год
проектов кипку
вам
вернут
и скажут —
«Ах!
вы
малюточку-ошибку
допустили в чертежах».
Вновь
дорога —
будто скатерть.
Ходит
чуть не десять лет,
всю
деньгу свою
протратя
на модель
и на билет.
Распродавши дом
и платье,
без сапог
и без одеж,
наконец
изобретатель
сдал
проверенный чертеж.
Парень
загнан,
будто мул,
парню аж
бифштексы снятся...

И
подносятся ему
ровно
два рубля семнадцать.
И язык
чиновный
вяленый
вывел парню —
«Простофон,
запоздали,
премиальный
на банкет
растрачен фонд».
На ладонях
гро̀ши взвеся,
парень
сразу
впал в тоску —
хоть заешься,
хоть запейся,
хоть повесься
на суку.
А кругом,
чтоб деньги видели
— укупить-де
можем
мир,—
вьются
резво
представители
заграничных
важных фирм.

Товарищ хозяйственник,
время
перейти
от слов
к премиям.

Довольно
болтали,
об опытах тараторя.
Даешь
для опыта
лаборатории!
Если
дни
опутали вести
сетью вредительств,
сетью предательств,
на самом важном,
видном месте
должен
стоять
изобретатель.

[*1928*]

ЭТО ТЕ ЖЕ

Длятся
игрища спартакиадные.
Глаз
в изумлении
застыл на теле —
тело здоровое,
ровное,
ладное.
Ну и чудно́ же в самом деле!
Неужели же это те,—
которые
в шестнадцатичасовой темноте
кривили
спины
хозяйской конторою?!
Неужели это тот,
которого
безработица
выталкивала
из фабричных ворот,
чтоб шел побираться,
искалечен и надорван?!

Неужели это те,
которых —
буржуи
драться
гнали из-под плетей,

чтоб рвало тело
                    об ядра и порох?!
Неужели ж это те,
из того
        рабочего рода,
который —
            от бородатых до детей —
был
    трудом изуродован?!
Да!
    Это — прежняя
                    рабочая масса,
что мялась в подвалах,
                    искривлена и худа.
Сегодня
        обмускулено
                    висевшее мясо
десятью годами
                    свободного труда.

[*1928*]

ШУТКА, ПОХОЖАЯ НА ПРАВДУ

Скушно Пушкину.
Чугунному ропщется.
Бульвар
хорош
пижонам холостым.
Пушкину
требуется
культурное общество,
а ему
подсунули
Страстной монастырь.
От Пушкина
до «Известий»
шагов двести.
Как раз
ему б
компания была,
но Пушкину
почти
не видать «Известий» —
мешают
писателю
чертовы купола.
Страстной
попирает
акры торцов.

Если бы
кто
чугунного вывел!
Там
товарищ
Степанов-Скворцов
принял бы
и напечатал
в «Красной ниве».
Но между
встал
проклятый Страстной,
всё
заслоняет
купол-гру́шина...
А «Красной ниве»
и без Пушкина красно́,
в меру красно
и безмерно скушно.
«Известиям»
тоже
не весело, братцы,
заскучали
от Орешиных и Зозуль.
А как
до настоящего писателя добраться?
Страстной монастырь —
бельмом на глазу.
«Известиям»
Пушкина
Страстной заслонил,
Пушкину
монастырь
заслонил газету,
и оба-два
скучают они,
и кажется
им,
что выхода нету.

Возрадуйтесь,
найден выход
из
положения этого:
снесем Страстной
и выстроим Гиз,
чтоб радовал
зренье поэтово.
Многоэтажься, Гиз,
и из здания
слова
печатные
лей нам,
чтоб радовались
Пушкины
своим изданиям,
роскошным,
удешевленным
и юбилейным.
И «Известиям»
приятна близость.
Лафа!
Резерв товарищам.
Любых
сотрудников
бери из Гиза,
из этого
писательского
резервуарища.
Пускай
по-новому
назовется площадь,
асфальтом расплещется,
и над ней—
страницы
печатные
мысль располощут
от Пушкина
до наших
газетных дней.

В этом
заинтересованы
не только трое,
займитесь стройкой,
зря не временя́,
и это,
увидите,
всех устроит:
и Пушкина,
и Гиз,
и «Известия»...
и меня.

[*1928*]

ПРИВЕТ, КИМ!

Рабство
с земли
скинь!
Все,
кто смел и надежен,
вливайтесь
в наш КИМ,
«Коммунистический
интернационал молодежи».
В мир
вбит клин.
С одной стороны —
КИМ,
с другой —
в дармоедном фокстроте
благородное отродье.
У буржуев
свой
КИМ —
«Католические
институты молодежи».
Барчуки
идут к ним,
дармоеды
в лощеной одеже.
У нас
КИМ
свой —
наш
двухмильонный КИМ

рабочих,
готовя в бой,
кольцом
охватил
тугим.
У них
свой КИМ,
У них
манишка надушена.
Веселясь,
проводит деньки
«Компания
изменников малодушных».
У нас
КИМ
наш.
Наш
рабочий КИМ
ведет
революции марш,
трубя
пролетарский гимн.
Молодой рабочий,
в КИМ!
Вперед!
Из подвалов блошистых
бросай
в огонь и в дым
рубахи
и страны фашистов.
Рабство
с земли скинь!
Все,
кто смел и надежен,
вливайтесь
в наш
КИМ,
Коммунистический
интернационал молодежи!

[1928]

КОСТОЛОМЫ И МЯСНИКИ

В газетах барабаньте,
                              в стихах растрезвоньте —
трясь
      границам в край,
                              грозит
                                    нам,
маячит на горизонте
война.
Напрасно уговаривать.
                              Возражать напрасно:
пушкам ли бояться
                        ораторских пугачей?
Непобедима
            эта опасность,
пока
   стоит
         оружием опоясано
хоть одно государство
                              дерущихся богачей.
Не верьте
         потокам
                  речистой патоки.
Смотрите,
         куда
            глаза ни кинь,—
напяливают
            бо́енскую
                        прозодежду — фартуки

Фоши-костоломы,
Чемберлены-мясники.
Покамест
о запрещении войны
болтают
разговорчивые Келлóги,
запахом
завтрашней крови
опоены́,
оскалясь штыками
и оружием иным,
вылазят Пилсудские из берлоги.
На вас охота.
Ты —
пойдешь.
Готовься, молодежь!
Хотите,
не хотите ль,
не обезоружена
война еще.
Любуйтесь
блестками
мундирной трухи.
А она
заявится,
падалью воняющая,
кишки
дерущая
хлебом сухим.
Готовьте,
готовьте
брата и сына,
плетите
горы
траурных венков.
Слышу,
чую
запах бензина

прущих
танков
и броневиков.
Милого,
черноглазого
в последний
раз
покажите милой.
Может,
завтра
хваткой газовой
набок
ему
своротит рыло.
Будет
жизнь
дешевле полтинника,
посудиной
ломаемой
черепов хряск.
И спрячет
смерть
зиме по холодильникам
пуды
— миллионы —
юношеских мяс.
Не то что
выстрел,
попасть окурку —
и взорванный
мир
загремит под обрыв.
Товарищи,
схватите,
оторвите руку,
вынимающую
рево́львер
из кобуры.
Мы
привыкли так:
атака лобовая,

а потом
пером
обычное копанье.
Товарищи,
не забывая
и не ослабевая,
громыхайте лозунгами
этой кампании!
Гнев,
гуди
заводом и полем,
мир
защищая,
встань скалой.
Крикни зачинщику:
«Мы не позволим!
К черту!
Вон!
Довольно!
Долой!»
Мы против войны,
но если грянет —
мы
не растеряемся
безмозглым бараньём.
Не прячась
под юбку
пацифистской няни —
винтовки взяв,
на буржуев обернем.

[*1928*]

ПОМОЩЬ НАРКОМПРОСУ, ГЛАВИСКУССТВУ В КУБЕ, ПО ЖГУЧЕМУ ВОПРОСУ, ВОПРОСУ О КЛУБЕ

Федерация советских писателей получила дом и организует в Москве первый писательский клуб.

Из газет.

Не знаю —
петь,
плясать ли,
улыбка
не сходит с губ.
Наконец-то
и у писателя
будет
свой
клуб.
Хорошая весть.
Организовать
так,
чтобы цвесть
и не завять.
Выбрать
мебель
красивую самую,
оббитую
в недорогой бархат,

Записные книжки В. Маяковского 1928 года (БММ)

чтоб сесть
и удобно
слушать часами
доклад
товарища Авербаха.
Потом,
понятен,
прост
и нехитр,
к небу
глаза воздевши,
пусть
Молчанов
читает стихи
под аплодисменты девушек.
Чтоб каждому
чувствовалось
хорошо и вольно́,
пусть —
если выйдет оказийка —
встанет
и прочитает
Всеволод Ивано́в
пару, другую рассказиков.
Чтоб нам не сидеть
по своим скворешням —
так,
как писатель
сидел века.
Хочется
встретиться
с Толстым,
с Орешиным
поговорить
за бутылкой пивка.
Простая еда.
Простой напиток.
Без скатертей
и прочей финтифлюжины.

Отдать
столовую
в руки Нарпита —
нечего
разводить ужины!
Чтоб не было
этих
разных фокстротов,
чтоб джазы
творчеству
не мешали, бубня,—
а с вами
беседовал бы
товарищ Родов,
не надоедающий
в течение дня.
Чтоб не было
этих
разных биллиардов,
чтоб мы
на пустяках не старели,
а слушали
бесхитростных
красных бардов
и прочих
самородков менестрелей.
Писателю
классику
мил и люб
не грохот,
а покой...
Вот вы
организуйте
такой клуб,
а я
туда...
ни ногой.

[1928]

ВАЖНЕЙШИЙ СОВЕТ ДОМАШНЕЙ ХОЗЯЙКЕ

Домашней хозяйке
товарищу Борщиной
сегодня
испорчено
все настроение.
А как настроению быть не испорченным?
На кухне
от копоти
в метр наслоения!
Семнадцать чудовищ
из сажи усов
оскалили
множество
огненных зубьев.
Семнадцать
паршивейших примусов
чадят и коптят,
как семнадцать Везувиев.
Товарищ Борщина
даже орала,
фартуком
пот
оттирая с физии —
«Без лифта
на 5-й этаж
пешкодралом
тащи
18 кило провизии!»
И ссоры,
и сор,
и сплетни с грязищей,

посуда с едой
в тараканах и в копоти.
Кастрюлю
едва
под столом разыщешь.
Из щей
прусаки
шевелят усища —
хоть вылейте,
хоть с тараканами лопайте!
Весь день
горшки
на примусе двигай.
Заняться нельзя
ни газетой,
ни книгой.
Лицо молодое
товарища Борщиной
от этих дел
преждевременно сморщено.
Товарищ хозяйка,
в несчастье твое
обязаны
мы
ввязаться.
Что делать тебе?
Купить заем,
Заем индустриализации.
Займем
и выстроим фабрики пищи,
чтобы в дешевых
столовых Нарпита,
рассевшись,
без грязи и без жарищи,
поев,
сказали рабочие тыщи:
«Приятно поедено,
чисто попи́то».

[1928]

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Трудно
торф добывать
из болот, из луж,
трудно
кучи мусора
выгребать от рождения,
но
труднейшая из служб —
хождение по учреждениям.
Вошел в коридор —
километры мерь!
Упаришься
с парой справок.
Прямо —
дверь,
наискось —
дверь,
налево дверь
и направо.
Один —
указательный в ноздри зарыв,
сидит,
горделивостью задран.
Вопросом
не оторвешь от ноздри.
«Я занят...
Зайдите завтра».
Дверь другая.
Пудрящийся нос

секретарша
высунет из дверок:
«Сегодня
не приемный у нас.
Заходите
после дождичка в четверг».
Дойдешь
до двери
с надписью: «Зав».
Мужчина
сурового склада.
Не подымает
мужчина глаза.
Сердит.
Вошли без доклада.
Рабочий,—
зовем:
— Помоги!
Пора
распутать наш аппарат!
Чтоб каждый зам
и каждый зав,
дело
в пальчики взяв,
не отвернув заносчивый нос,
дело
решенным принес.
Внедряйся
в сознание масс,
рассвирепевших от хождения:
учреждение для нас,
а
не мы для учреждения!

[1928]

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА

Готовьте
возы
тюльпанов и роз,
детишкам —
фиалки в локон.
Европе
является
новый Христос
в виде
министра Келлога.
Христос
не пешком пришел по воде,
подметки
мочить
неохота.
Христос новоявленный,
смокинг надев,
приехал
в Париж
пароходом.
С венком
рисуют
бога-сынка.
На Келлоге
нет
никакого венка.

Зато
над цилиндром
тянется —
долларное сияньице.
Поздравит
державы
мистер Христос
и будет
от чистого сердца
вздымать
на банкетах
шампанский тост
за мир
во человецех.
Подпишут мир
на глади листа,
просохнут
фамилии
на́сухо,—
а мы
посмотрим,
что у Христа
припрятано за пазухой.
За пазухой,
полюбуйтесь
вот,
ему
наложили янки —
сильнейший
морской
и воздушный флот,
и газы в баллонах,
и танки.
Готов
у Христа
на всех арсенал;
но главный
за пазухой
камень —
злоба,
которая припасена

для всех,
кто с большевиками.
Пока
Христос
отверзает уста
на фоне
пальмовых веток —
рабочий,
крестьянин,
плотнее стань
на страже
свободы Советов.

[1928]

ПОВАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

Красная Спартакиада
населенье заразила:
нынче,
        надо иль не надо,
каждый
        спорт
                заносит на́ дом
и тщедушный
                и верзила.
Красным
        соком
                крася пол,
бросив
        школьную обузу,
сын
    завел
            игру в футбол
приобретенным арбузом.
Толщину забыв
                и хворость,
легкой ласточкой взмывая,
папа
    взял бы
            приз на скорость,
обгоняя все трамваи.
Целый день
            задорный плеск

раздается
в тесной ванне,
кто-то
с кем-то
в ванну влез
в плавальном соревнованьи.
Дочь,
лихим азартом вспенясь,
позабывши
все другое,
за столом
играет в теннис
всем
лежащим под рукою.
А мамаша
всех забьет,
ни за что не урезоните!
В коридоре,
как копье,
в цель
бросает
рваный зонтик.
Гром на кухне.
Громше,
больше.
Звон посуды,
визгов трельки,
то
кухарка дискоболша
мечет
мелкие тарелки.
Бросив
матч семейный этот,
склонностью
к покою
движим,
спешно
несмотря на лето
навострю
из дома
лыжи.

Спорт
        к себе
                заносит на дом
и тщедушный
                и верзила.
Красная Спартакиада
населенье заразила.

[*1928*]

БАЛЛАДА О БЮРОКРАТЕ И О РАБКОРЕ

Балладу
новую
вытрубить рад.
Внимание!
Уши востри́те!
В одном
учреждении
был бюрократ
и был
рабкор-самокритик.
Рассказывать
сказки
совсем нехитро́!
Но это —
отнюдь не сказки.
Фамилия
у рабкора
Петров,
а у бюрократа —
Васькин.
Рабкор
критикует
указанный трест.
Растут
статейные горы.
А Васькин...
слушает да ест.

Кого ест?
— Рабкора.
Рабкор
исписал
карандашный лес.
Огрызка
не станет
скоро!
А Васькин
слушает да ест..
Кого ест?
— Рабкора.
Рабкор
на десятках
трестовских мест
раскрыл
и пьяниц
и вóров.
А Васькин
слушает да ест.
Кого ест?
— Рабкора.
От критик
рабкор
похудел и облез,
растет
стенгазетный ворох.
А Васькин
слушает да ест.
Кого ест?
— Рабкора.
Скончался рабкор,
поставили крест.
Смирён
непокорный норов.
А Васькин
слушает да ест.
Кого?!
— Других рабкоров.

Чтоб с пользой
читалась баллада,
обдумать
выводы
надо.
Во-первых,
вступив
с бюрократом в бои,
вонзив
справедливую критику,
смотри
и следи —
из заметок твоих
какие
действия
вытекут.
А во-вторых,
если парню влетит
за то, что
держался храбрый,
умерь
бюрократовский аппетит,
под френчем
выищи жабры.

[*1928*]

ПЛЮШКИН.
ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ СКОПИДОМ ОБСТРАИВАЕТ СТОЛ И ДОМ

Обыватель —
многосортен.
На любые
вкусы
есть.
Даже
можно выдать орден —
всех
сумевшим
перечесть.
Многолики эти люди.
Вот один:
годах и в стах
этот дядя
не забудет,
как
тогда
стоял в хвостах.
Если
Союзу
день затруднел —
близкий
видится
бой ему.
О боевом
наступающем дне

этот мыслит по-своему:
«Что-то
рыпаются в Польше...
надобно,
покамест есть,
все достать,
всего побольше
накупить
и приобресть.
На товары
голод тяжкий
мне
готовят
битв года.
Посудите,
где ж подтяжки
мне
себе
купить тогда?
Чай вприкуску?
Я не сваха.
С блюдца пить —
привычка свах.
Что ж
тогда мне
чай и сахар
нарисует,
что ли,
АХРР?
Оглядев
товаров россыпь,
в жадности
и в алчи
укупил
двенадцать гроссов
дирижерских палочек.
«Нынче
все
сбесились с жиру.
Глядь —
война чрез пару лет.

Вдруг прикажут —
дирижируй! —
хвать,
а палочек и нет!
И ищи
и там и здесь.
Ничего хорошего!
Я
куплю,
покамест есть,
много
и дешево».
Что же вам
в концертном гвалте?
Вы ж
не Никиш,
а бухгалтер.
«Ничего,
на всякий случай,
все же
с палочками лучше».

Взлетала
о двух революциях весть.
Бурлили бури.
Плюхали пушки.
А ты,
как был,
такой и есть
ручною
вшой
копошащийся Плюшкин.

[*1928*]

ХАЛТУРЩИК

«Пролетарий
туп жестоко —
дуб
дремучий
в блузной сини!
Он в искусстве
смыслит столько ж,
сколько
свиньи в апельсине.
Мужики —
большие дети.
Крестиянин
туп, как сука.
С ним
до совершеннолетия
можно
только что
сюсюкать».
В этом духе
порешив,
шевелюры
взбивши кущи,
нагоняет
барыши
всесоюзный
маг-халтурщик.
Рыбьим фальцетом
бездарно оря,

он
из опер покрикивает,
он
переделывает
«Жизнь за царя»
в «Жизнь
за товарища Рыкова».
Он
берет
былую оду,
славящую
царский шелк,
«оду»
перешьет в «свободу»
и продаст,
как рев-стишок.
Жанр
намажет
кистью тучной,
но узря,
что спроса нету,
жанр изрежет
и поштучно
разбазарит
по портрету.
Вылепит
Лассаля
ихняя порода;
если же
никто
не купит ужас глиняный —
прискульптурив
бороду на подбородок,
из Лассаля
сделает Калинина.
Близок
юбилейный риф,
на заказы
вновь добры,
помешают волоса ли?
Год в Калининых побыв,

бодро
бороду побрив,
снова
бюст
пошел в Лассали.
Вновь
Лассаль
стоит в продаже,
омоложенный проворно,
вызывая
зависть
даже
у профессора Воронова.

По наркомам
с кистью лазя.
день-деньской
заказов ждя,
укрепил
пронырa
связи
в канцеляриях вождя.
Сила знакомства!
Сила родни!
Сила
привычек и давности!
Только попробуй
да сковырни
этот
нарост бездарностей!
По всем известной вероятности —
не оберешься
неприятностей.

Рабочий,
крестьянин,
швабру возьми,
метущую чисто
и густо,

и месяц
метя
часов по восьми,
смети
халтуру
с искусства.

[*1928*]

XIV МЮД

Сегодня
в седеющие
усы и бороды
пряча
улыбающуюся радость,
смотрите —
льются
улицы города,
знаменами припарадясь.
Богатые
у нас
отнимали
и силы и сны,
жандармы
загораживали
ворота в науки,
но
сильны и стройны
у нас
вырастают сыны,
но,
шевеля умом,
у нас
поднимаются внуки.
Пускай
по земле
сегодня носится

интернационалом
на все лады
боевая многоголосица
пролетариев молодых.
Наших —
теснят.
Наших —
бьют
в озверевших
странах фашистов.
Молодежь,
миллионную руку
в МЮД,
защищая товарищей,—
выставь!
Шествий
круг,
обними фашистские тюрьмы.
Прижмите богатых
к стенам их домов.
Пугая жирных,
лейся,
лава юнгштурма.
Пионерия,
галстуком
пугай банкирских быков.
Они
отнимали у нас
и здоровье и сны.
Они
загораживали
дверь науки,
но,
сильны и стройны,
идут
большевизма сыны,
но
сильны и умны —
большевистские внуки.

Сквозь злобу идем,
сквозь винтовочный лай мы
строим коммунизм,
и мы
передадим
борьбой омываемый
нашей
смене —
мир.

[1928]

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПОХОД

В революции
в культурной,
смысл которой —
общий рост,
многие
узрели
шкурный,
свой
малюсенький вопрос.
До ушей
лицо помыв,
галстук
выкрутив недурно,
говорят,
смотрите:
«Мы
совершенно рев-культурны».
Дурни тешат глаз свой
красотой проборов,
а парнишка
массовый
грязен, как боров.
Проведи
глазами
по одной казарме.
Прет
зловоние пивное,

свет
махорка
дымом зáстит,
и котом
гармонька воет
«Д-ы-ш-а-л-а н-о-ч-ь
в-о-с-т-о-р-г-о-м с-л-а-д-о с-т-растья».
Дыры в крыше,
звёзды близки,
продырявлены полы,
режут
ночь
истомным визгом
крысьи
свадьбы да балы.
Поглядишь —
и стыдно прямо —
в чем
барахтаются парни.
То ли
мусорная яма,
то ли
заспанный свинарник.
Просто
слово
слышать редко,
мат
с похабщиною в куче,
до прабабки
кроют предков,
кроют внуков,
кроют внучек.
Кроют в душу,
кроют в бога,
в пьяной драке
блещет нож...
С непривычки
от порога
вспять
скорее
повернешь.

У нас
не имеется няней —
для очистки
жизни и зданий.
Собственной волей,
ею одной,
революционный порыв
в кулак сколотив,
строй
заместо
проплеванной
пивной
культуру
свою,
коллектив.
Подымай,
братва,
по заводам гул,
до корней
дознайся с охотою,
кто дает на ремонт
и какую деньгу,
где
и как деньгу берегут
и как
деньгу расходуют.
На зверей бескультурья —
охота.
Комсомол,
выступай походом!
От водки,
от мата,
от грязных груд
себя
обчистим
в МЮД.

[*1928*]

ВПЕРЕД, КОМСОМОЛЬЦЫ!

Старый быт —
лют.
Водка и грязь —
быт.
Веди молодых,
МЮД,
старый —
будет разбит!
Вперед, комсомольцы,
всесоюзным походом!
В окопах вражьих —
переполох.
Вскипай
в быту
боевая охота —
На водку!
На ругань!
На грязь!
На блох!
Мы знали
юношескую
храбрость и удаль.
Мы знали
молодой
задор и пыл.—
Молодежь,
а сегодня,
с этого МЮДа

грязь стирай
и сдувай пыль!
Проверим жизнь
казарм и общежитий,—
дыры везде
и велики, и малы.
Косматый,
взъерошенный быт обчешите,
заштопайте крыши,
чините полы!
Коротка, разумеется,
смета-платьице,
но счет
советской копейки
проверьте,
правильно ль
то, что имеется,— тратится,
или
идет в карман и на ветер?
Все уголки библиотек оглазейте:
может,
лампочки
надо
подвесить ниже?
Достаточны ли
ворохи свежих газетин?
Достаточны ли
стопки
новых книжек?
Переделав того,
который руглив,
вылив
дурманную
водочную погань,
смети,
осмотрев
казарменные углы,
паутину
и портреты господина бога!

Пусть с фронта борьбы
поступают сводки,
что вышли
победителями
из боя злого.
— Не выпито
ни единого
стакана водки,
не сказано
ни единого
бранного слова!
Блести, общежитие,
цветником опоясано,
на месте
и урну, и книгу нашел,—
чтоб облегченно
сказала масса:
— Теперь
живем
культурно
и хорошо! —

Старый быт —
лют.
Водка и грязь —
быт.
Веди
молодых,
МЮД,
старый —
будет разбит!

[*1928*]

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

Нет,
не те «молодежь»,
кто, забившись
в лужайку да в лодку,
начинает
под визг и галдеж
прополаскивать
водкой
глотку.
Нет,
не те «молодежь»,
кто весной
ночами хорошими,
раскривлявшись
модой одеж,
подметают
бульвары
клешами.
Нет,
не те «молодежь»,
кто восхода
жизни зарево,
услыхав в крови
зудеж,
на романы
разбазаривает.
Разве
это молодость?
Нет!

Мало
быть
восемнадцати лет.
Молодые —
это те,
кто бойцовым
рядам поределым
скажет
именем
всех детей:
«Мы
земную жизнь переделаем!»
Молодежь —
это имя —
дар
тем,
кто влит в боевой КИМ,
тем,
кто бьется,
чтоб дни труда
были радостны
и легки!

[*1928*]

ГАЛОПЩИК ПО ПИСАТЕЛЯМ

Тальников
в «Красной нови»
про меня
пишет
задорно и храбро,
что лиру
я
на агит променял,
перо
променял на швабру.
Что я
по Европам
болтался зря,
в стихах
ни вздохи, ни ахи,
а только
грублю,
случайно узря
Шаляпина
или монахинь.
Растет добродушие
с ростом бород.
Чего
обижать
маленького?!
Хочу не ругаться,
а, наоборот,
понять
и простить Тальникова.

Вы молоды, верно,
сужу по мазкам,
такой
резвун-шалунишка.
Уроки
сдаете
приятным баском
и любите
с бонной,
на радость мозгам,
гулять
в коротких штанишках.
Чему вас учат,
милый барчук,—
я
вас
расспросить хочу.
Успела ли
бонна
вам рассказать
(про это —
и песни поются) —
вы знаете,
10 лет назад
у нас
была
революция.
Лиры
крыл
пулемет-обормот,
и, взяв
лирические манатки,
сбежал Северянин,
сбежал Бальмонт
и прочие
фабриканты патоки.
В Европе
у них
ни агиток, ни швабр —

чиста
ажурная строчка без шва.
Одни —
хореи да ямбы,
туда бы,
к ним бы,
да вам бы.
Оставшихся
жала
белая рать

и с севера
и с юга.
Нам
требовалось переорать
и вьюги,
и пушки,
и ругань!

Их стих,
как девица,
читай на диване,

как сахар
за чаем с блюдца,—
а мы
писали
против плеваний,
ведь, сволочи —
все плюются.
Отбившись,
мы ездим
по странам по всем,

которые
в картах наляпаны,
туда,
где пасутся
долла́рным посевом
любимые вами —
Шаляпины.

Не для романсов,
не для баллад
бросаем
свои якоря мы —
лощеным ушам
наш стих грубоват
и рифмы
будут корявыми.
Не лезем
мы
по музеям,
на колизеи глазея.
Мой лозунг —
одну разглазей-ка
к революции лазейку...
Теперь
для меня
равнодушная честь,
что чу́дные
рифмы рожу я.
Мне
как бы
только
почище уесть,
уесть покрупнее буржуя.
Поэту,
по-моему,
слабый плюс
торчать
у веков на выкате.
Прощайте, Тальников,
я тороплюсь,
а вы
без меня чирикайте.
С поэта
и на поэта
в галоп
скачите,
сшибайтесь лоб о лоб.

Но
скидывайте галоши,
скача
по стихам, как лошадь.
А так скакать —
неопрятно:
от вас
по журналам...
пятна.

[*1928*]

СЧАСТЬЕ ИСКУССТВ

Бедный,
бедный Пушкин!
Великосветской тиной
дамам
в холеные ушки
читал
стихи
для гостиной.
Жаль —
губы.
Дам
да вон!
Да в губы
ему бы
да микрофон!

Мусоргский —
бедный, бедный!
Робки
звуки роялишек:
концертный зал
да обеденный
обойдут —
и ни метра дальше.

Бедный,
бедный Герцен!
Слабы
слова красивые.

По радио
колокол-сердце
расплескивать бы
ему
по России!

Человечьей
отсталости
жертвы —
радуйтесь
мысли-громаде!
Вас
из забытых и мертвых
воскрешает
нынче
радио!
Во все
всехсветные лона.
и песня
и лозунг текут.
Мы
близки
ушам миллионов —
бразильцу
и эскимосу,
испанцу
и вотяку.
Долой
салонов жилье!
Наш день
прекрасней, чем небыль...
Я счастлив,
что мы
живем
в дни
распеваний по небу

[*1928*]

СТИХОТВОРЕНИЕ
В. МАЯКОВСКОГО

Бедный
бедный Пушкин!
Великосветской тиной
дамам
в холеные ушки

Бедный, бедный Пушкин!

читал
стихи
для гостиной.
Жаль —
губы.
Дом
да вон!
Да в губы,
ему бы,
да микрофон!

Мусоргский —
бедный, бедный!
Робки —
звуки роялишек:
концертный зал

Мусоргский — бедный, бедный!

да обеденный
обойдут —
и ни метра дальше.

Бедный,
бедный Герцен!
Слабы
слова красивые; —
По радио
колокол - сердце
расплескивать бы
ему
по России!

Человечьей
отсталости
жертвы —
радуйтесь
мысли-громаде!
Вас
из забытых и мертвых
воскрешает
нынче
радио!

Во все
всехсветные лона
и песня
и лозунг текут.

Бедный, бедный Герцен!

Мы
близки
ушам миллионным: —
Бразильцу
и эскимосу,
испанцу
и вотяку.
Долой
салонное жилье!
Наш день
прекрасней, чем небыль...
Я счастлив,
что мы
живем
в дни
распеваний по небу.

В. Маяковский читает перед микрофоном свое стихотворение.

Страница журнала «Радиослушатель», М. 1928, № 1, 9 сентября со стихотворением «Счастье искусств».

ВОПЛЬ КУСТАРЯ

Товарищ писатель,
о себе ори:
«Зарез —
какие-то выродцы.
Нам
надоело,
что мы кустари.—
Хотим
механизироваться».
Подошло вдохновение —
писать пора.
Перо в чернильницу —
пожалте бриться:
кляксой
на бумагу
упадает с пера
маринованная
в чернилах
мокрица.
Вы,
писатели,
земельная соль —
с воришками путаться
зазорно вам.
А тут
из-за «паркера»
изволь

на кражу
подбивать беспризорного.
Начнешь переписывать —
дорога́ машинистка.
Валяются
рукописи
пуд на пуде.
А попробуй
на машинистке женись-ка —
она
и вовсе
писать не будет.
Редактору
надоест
глазная порча
от ваших
каракулей да строчек.
И он
напечатает
того, кто разборчив,
у которого
лучше почерк.
Писатели,
кто позаботится о вас?
Ведь как
писатели
бегают!
Аж хвост
отрастишь,
получаючи аванс,
аж станешь
кобылой пегою.
Пешком
бесконечные мили кося́,—
хотя бы
ездить
по таксе бы!
Но сколько
червей
накрутит такси,

тоже —
удовольствие так себе.
Кустарю
действительно
дело табак —
богема
и кабак.

Немедля
избавителя
мы назовем
всем,
кто на жизнь злятся.
Товарищ,
беги
и купи
заем,
заем индустриализации.
Вырастет
машинный город,
выберемся
из нищей запарки —
и будет
у писателя
свой «форд»,
свой «ундервуд»
и «паркер».

[1928]

ЛУЧШЕ ТОНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

Я
не терплю книг:
от книжек
мало толку —
от тех,
которые
дни
проводят,
взобравшись на полку.
Книг
не могу терпеть,
которые
пудом-прессом
начистят
застежек медь,
гордясь
золотым обрезом.
Прячут
в страничную тыщь
бунтующий
времени гул,—
таких
крепостей-книжищ
я
терпеть не могу.
Книга —
та, по-моему,

которая
худощава с лица,
но вложены
в страницы-обоймы
строки
пороха и свинца.
Меня ж
печатать прошу
летучим
дождем
брошюр.

[*1928*]

ВРАГИ ХЛЕБА

Кто
не любит
щи хлебать?
Любят все.
И поэтому
к щам
любому
нужны хлеба́:
и рабочим,
и крестьянам,
и поэтам.
Кому это выгодно,
чтоб в наши дни
рабочий
сытым не́ был?
Только врагам,—
они одни
шепчут:
«Не давай хлеба...»
Это они
выходят на тракт,
меж конскими
путаются ногами,
крестьянину
шепчут:
«Нарушь контракт —
не хлебом отдай,
а деньгами...»

Это они
затевают спор,
в ухо
зудят, не ле́нятся:
«Крестьянин,
советуем,
гарнцевый сбор
им
не плати на мельнице...»
Это они
у проселка в грязи
с самого
раннего часика
ловят
и шепчут:
«В лабаз вези,
цена
вздорожала
у частника...»
Они,
учреждения загрязня,
стараются
(пока не увидели),
чтоб шла
конкуренция и грызня
государственных заготовителей.
Чтоб вновь,
взвалив
мешки и кульки,
воскресла
мешечная память,
об этом
стараются
кулаки
да дети дворян
с попами.
Но если
тебе
земля люба,
к дворянам
не льнешь лисицей,

а хочешь,
чтоб ели
твои хлебá
делатели
машин
и ситцев,—
к амбарам
советским
путь держи!
Чтоб наша
республика
здравствовала —
частнику
ни пуда ржи,
миллионы
пудов —
государству!

[*1928*]

ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТКЕ

Идут
от станков,
от земли и от кадок,
под красный
платок
заправляя прядь.
Сотни тысяч
баб-делегаток
выбраны
строить и управлять.
Наша
дорога
легла не гладко,
не скоро
нам
урожай дожинать.
На важном
твоем пути,
делегатка,
помни
все,
что ты должна.
Ты
должна
ходить на собрания,
не пропустив
ни день,
ни час,

на заводской
и стройке,
и брани
сложной
советской
работе учась.
Советский
строй
на тебя опирается.
Квалификации
требуем
мы.
Союза,
партии
и кооперации —
работу
выучи и пойми.
Ты
должна,
набравшись ума,
отдать
работе
силы избыток.
Ругань,
водку
и грязь —
сама
выкорчевывай из быта.
Ты
должна
вспоминать почаще,
что избрана
ты
передовой.
Делом примерным,
речью звучащей
опыт
отсталым
передавай.

Завод
и село,
встречай делегаток.
Греми
везде
приветное «здравствуй!».
Ленин
вам —
от станков и от кадок
велел
прийти
и вести государство.

[1928]

ВЕГЕТАРИАНЦЫ

Обликом
 своим
 белея,
Лев Толстой
 заюбилеил.
Травояднее,
 чем овцы,
собираются толстовцы.
В тихий вечер
льются речи
с Яснополянской дачи: «Нам
противна
 солдатчина.
Согласно
 нашей
 веры,
не надо
 высшей меры».
Тенорками ярыми
орут:
 «Не надо армий!»
(Иной коммунист —
 железный не слишком —
тоже
 вторит
 ихним мыслишкам.)
Неглупый,
 по-моему,
 лозунг кидается.

Я сам
к Толстому
начал крениться.
Мне нравится
ихняя
агитация,
но только...
не здесь,
а за границей.
Там бы
вы,
не снедаемы ленью,
поагитировали
страну чемберленью.
Но если
буржуи
в военном раже —
мы будем
с винтовкой
стоять на страже.

[*1928*]

ГОЛОВОТЯПАМ

Стих
не перещеголяет едкий
едкость простой
правдивой заметки.

Здесь,
чтоб жизнь была веселей,
чтоб роскошь
барскую
видели —
строит
для опер
театр на селе
компания
сумасшедших строителей.
Там
у зодчих
мозги худосочие
или пьяны
до десятого взвода —
с места на место
эти зодчие
перетаскивают
тушу завода.
У третьих
башка
пониже спинки —

никакого
удержу нету!
Вроде
вербной
резиновой свинки —
сжимают и раздувают смету.
Четвертые
построили
не магазин, а храм...
выше ушей
залезли в долги...
И вдруг,
как смерчем,
прошло по верхам,
давя
рабочих,
летят потолки.
Словом,
счесть
чудеса безобразий —
не сможет
и кодекса
уголовный том.
Куда вам строить?!
Постройте разве
сами
себе
сумасшедший дом.

[*1928*]

СТУДЕНТУ ПРОЛЕТАРИЮ

Тяжек
разрух
груз.
Мы
в хвосте
у других стран.
Подготовь,
за вузом вуз,
для подъема
хозяйства
кран.
В деревнях
во мраке и ветре
мужики
под собачий лай
ждут
тебя, инженер-электрик,
ночью
солнцем
— вторым! —
запылай.
Сколько нефти
войной слизали,
скрылась нефть
у земли в корнях.
Наших недр
миллионную залежь

выводи
на свет,
горняк.
На деревне
кривой,
рябой
смерть
у каждой двери торчит.
На гриппы,
на оспы
в бой
выходите
из вузов,
врачи.
Землю
мы
используем разве?
Долго ль
дождика
ждать у туч нам?
Выходи,
агроном-тимирязевец,
землю
сами,
без бога утучним.
Ободрались,
как ни кройте,
не заштопать
домов
и века.
Выходи,
архитектор-строитель,
нам,
бездомным,
дома воздвигай.
Погибает
скот
по нашей вине.
мор
считают
божьей карой.

Сто кило
на каждой свинье
наращивайте,
ветеринары.
Не дадим
буржуазным сынкам
по Донбассам
контру вить.
Через вуз
от сохи,
от станка
мозговитым
спецом
выйдь.
Тяжек
разрух
груз,
но бодрей
других стран
мы
построим,
пройдя вуз,
для подъема
хозяйства
кран.

[1928]

ДАЕШЬ АВТОМОБИЛЬ!

Мы, пешеходы,
шагаем пылью,
где уж нам уж,
где уж бедным
лезть
в карету
в автомобилью,
мчать
на хребте
на велосипедном.

Нечего прибедниваться
и пешком сопеть!
У тебя —
не в сон, а в быль —
должен
быть
велссипед,
быть
автомобнль.

Чтоб осуществилось
дело твое
и сказкой
не могло казаться,

товарищ,
немедля
купи заем,
заем индустриализации.

Слив
в миллионы
наши гроши,
построим
заводы
автомашин.
Нечего тогда
пешеходному люду
будет
трепать подошвы:
велосипеды
и автомобили
будут
и в рассрочку,
и дёшевы.

[*1928*]

РАССКАЗ РАБОЧЕГО ПАВЛА КАТУШКИНА О ПРИОБРЕТЕНИИ ОДНОГО ЧЕМОДАНА

Я
  завел
        чемоданчик, братцы.
Вещь.
        Заграница, ноздрю утри.
Застежки,
          ручки
               (чтоб, значит, браться),
а внутри...
Внутри
       в чемодане —
                    освещенье трехламповое.
На фибровой крышке —
                      чертеж-узор,
и тот,
      который
             музыку нахлопывает,
репродуктор —
             типа Дифузор.
Лезу на крышу.
              Сапоги разул.
Поставил
         на крыше
                  два шеста.
Протянул антенну,
                  отвел грозу...

Словом —
механика
и никакого волшебства.
Помещение, знаете, у меня —
малò.
Гостей принимать
возможности не дало́.
Путь, конешно, тоже
до нас
дли́нен.
А тут к тебе
из чемодана:
«Ало́, ало́!
К вам сейчас
появются
товарищ Калинин».
Я рад,
жена рада.
Однако
делаем
спокойный вид.
— Мы, говорим,
его выбирали,
и ежели
ему
надо,
пусть
Михал Ваныч
с нами говорит.—
О видах на урожай
и на промышленность вид
и много еще такова...
Про хлеб
говорит,
про заем
говорит...
Очень говорит толково.
Польза.
И ничего кроме.

Закончил.
Следующий номер.
Накануне получки
пустой карман.
Тем более —
семейство.
Нужна ложа.
— Подать, говорю,
на́ дом
оперу «Кармен».—
Подали,
и слушаю,
в кровати лёжа.
Львов послушать?
Пожалуста!
вот они...
То в Москве,
а то
в Ленинграде я.
То
на полюсе,
а то
в Лондоне.
Очень приятное это —
р-а-д-и-о!
Завтра —
праздник.
В самую рань
слушать
музыку
сяду я.
Правда,
часто
играют и дрянь,
но это —
дело десятое.
Покончил с житьишком
пьяным
и сонным.

Либо —
с лекцией,
с музыкой либо.
Советской власти
с Поповым и Эдисонами
от всей души
пролетарское спасибо!

[1928]

ГОРЯЩИЙ ВОЛОС

Много
чудес
в Москве имеется:
и голос без человека,
и без лошади воз.
Сын мой,
побыв в красноармейцах,
штуку
такую
мне привез.
«Папаша,— говорит,—
на вещицу глянь.
Не мешало
понять вам бы».
Вынимает
паршивую
запаянную склянь.
«Это,— говорит,—
электрическая лампа».
«Ну,— говорю,—
насмешил ты целую волость».
А сам
от смеха
чуть не усох.
Вижу —
склянка.
В склянке —
волос.

Но, между прочим,
не из бороды и не из усов..
Врыл столбище возле ворот он,
склянку
под потолок навесил он.
И начал
избу
сверлить коловоротом.
И стало мне
совсем невесело.
Ну, думаю,
конец кровельке!
Попались,
как караси.
Думаю,—
по этой по самой
по проволоке
в хату
пойдет
горящий керосин.
Я его матом...
А он как ответил:
«Чего ты,
папаша,
трепешься?»
И поворачивает
пальцами —
этим и этим —
вещь
под названием штепсель.
Как тут
ребятишки
подскачут визжа,
как баба
подолом
заслонится!
Сверху
из склянки
и свет,
и жар —

солнце,
ей-богу, солнце!
Ночь.
Придешь —
блестит светёлка.
Радости
нет названия.
Аж может
газету
читать
телка,
ежели
дать ей
настоящее образование.

[1928]

ПОИСКИ НОСКОВ

В сердце
будто
заноза ввинчена.
Я
разомлел,
обдряб
и раскис...
Выражаясь прозаично —
у меня
продрались
все носки.
Кому
хороший носок не лаком?
Нога
в хорошем
красива и броска́.
И я
иду
по коммуновым лавкам
в поисках
потребного носка.
Одни носки
ядовиты и злы,
стрелки
посажены
косо,
и в ногу
сучки,
задоринки
и узлы

впиваются
из фильдекоса.
Вторые —
для таксы.
Фасон не хитрый:
растопыренные и коротенькие.
У носка
у этого
цвет
панихиды
по горячо любимой тетеньке.
Третьи
соперничают
с Волгой-рекой —
глубже
волжской воды.
По горло
влезешь
в носки-трико —
подвязывай
их
под кадык.
Четвертый носок
ценой раззор
и так
расчерчен квадратно,
что, раз
взглянув
на этот узор,
лошадь
потупит
испуганный взор,
заржет
и попятится обратно.
Ладно,
вот этот
носок что надо.
Носок
на ногу напяливается,

и сразу
из носка
вылазит анфилада
средних,
больших
и маленьких пальцев.
Бросают
девушки
думать об нас:
нужны им такие очень!
Они
оборачивают
пудреный нос
на тех,
кто лучше обносочен.
Найти
растет старание
мужей
поиностраннее.
И если
морщинит
лба лоно
меланхолическая нудь,
это не значит,
что я влюбленный,
что я мечтаю.
Отнюдь!..
Из сердца
лирический сор
гони...
Иные
причины
моей тоски:
я страдаю...
Даешь,
госорганы,
прочные,
впору,
красивые носки!

[1928]

ПОЧЕМУ?

Спортсменов
и мы
раструбить рады
Но как, по-вашему,
не время
пловцам
по культуре
давать награды,
борцам
бытовым
премии?
Если
в плавальном
забил в соревновании,
бубнят
об тебе
в десятках статей.
Давайте
премируем
купающихся в бане,
тело
рабочее
держащих в чистоте.
Нечего
тут
и защищать речисто —
нужней
пловца
человек чистый.

Если кто
развернется
и бросит копье,
ему
и жетон,
и заграничная виза,
а бросит
водку
тот, кто пьет,
почему
ему
не присуждают приза?
Чего
притаились,
жетон жалея?!
Бросить
пить,
конечно, тяжелес.
Вытолкнет
— на метр! —
ядро
и рад.
Портрет
в журнале спорта.
Но
вытолкать
из общежития мат —
спорт
повыше сортом.
Русский язык
красив
и ядрён,
вытолкать мат
тяжелей, чем ядро.
В борьбе
во французской
победит — и горд.
Но вот
где-нибудь
хоть раз бы

вознаградили
борца
за рекорд
по борьбе
с незнающими азбук.
Если уж
нам
бороться, потея,
то вдвое
полезней
борьба за грамотся.
Кому
присудить
культурное звание,
на кого должны
награды валиться?
Выходите
на культурное состязание —
одиночки и общества,
коллективы и лица!
Когда
боксеры
друг друга дубасят,
во всех
наркоматах
саботаж и пустота.
Стадионы
ломит
стотысячная масса,
и новые
тысячи
к хвостатой кассе
подвозят
авто
и трамваев стада.
Борьбу
за культуру
ширь и множь,

состязайся
в культуре
изо дня нá день!
Гражданин Союза,
даешь
внимание
культурной спартакиаде!

[*1928*]

НЕПОБЕДИМОЕ ОРУЖИЕ

Мы
окружены
границей белой.
Небо
Европы
ржавчиной съела
пушечных заводов
гарь и чадь.
Это —
устарело,
об этом —
надоело,
но будем
про это
говорить и кричать.
Пролетарий,
сегодня
отвернись,
обхохочась,
услышав
травоядные
призывы Толстых.
Хóлода
битвы
предчувствуя час,
мобилизуй
оружие,
тело
и стих.

Тело
намускулим
в спорте и ду́ше,
грязную
водочную
жизнь вымоем.
Отливайтесь
в заводах,
жерла пушек.
Газом
перехитри
Европу,
химия.
Крепите
оборону
руками обеими,
чтоб ринуться
в бой,
услышав сигнал.
Но, если
механикой
окажемся слабее мы,
у нас
в запасе
страшнее арсенал.
Оружие
наше,
газов лютей,
увидят
ихним
прожектором-глазом.
Наше оружие:
солидарность людей,
разных языком,
но —
одинаковых классом.
Слушатель мира,
надень наушники,
ухо
и душу
с Москвой сливай.

Слушайте,
пограничные
городки и деревушки,
Красной
Москвы
раскаленные слова.
Будущий
рядовой
в заграничной роте,
идешь ли пехотой,
в танках ли ящеришься,
помни:
тебе
роднее родин
первая
наша
республика трудящихся!
Помни,
услыша
канонадный отзвук,
наступающей
буржуазии
видя натиск,—
наше
лучшее оружие —
осуществленный лозунг:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

[*1928*]

ЧТО ТАКОЕ ПАРК?

Ясно каждому,
что парк —
место
для влюбленных парок.
Место,
где под соловьем
две души
в одну совьем.
Где ведет
к любовной дрожи
сеть
запутанных дорожек.

В парках в этих
луны и арки.
С гондол
баркаролы на водах вам.
Но я
говорю
о другом парке —
о Парке
культуры и отдыха.
В этот парк
приходишь так,
днем
работы
перемотан,—

как трамваи
входят в парк,
в парк трамвайный
для ремонта.

Руки устали?
Вот тебе —
гичка!
Мускул
из стали,
гичка,
вычекань!
Устали ноги?
Ногам польза!
Из комнаты-берлоги
иди
и футболься!
Спина утомилась?
Блузами вспенясь,
сделайте милость,
шпарьте в теннис.

Нэпское сердце —
тоже радо:
Европу
вспомнишь
в шагне и в стукне.
Рада
и душа бюрократа:
газон —
как стол
в зеленом сукне.

Колесо —
умрешь от смеха —
влазят
полные
с оглядцей.

Трудно им —
а надо ехать!
Учатся
приспособляться.
Мышеловка —
граждан двадцать
в сетке
проволочных линий.
Верно,
учатся скрываться
от налогов
наркомфиньих.

А масса
вливается
в веселье в это.
Есть
где мысль выстукать.
Тут
тебе
от Моссовета
радио
и выставка.
Под ручкой
ручки груз вам
таскать ли
с тоски?!
С профсоюзом
гулянье раскинь!

Уйди,
жантильный,
с томной тоской,
комнатный век
и безмясый!
Входи,
товарищ,
в темп городской,
в парк
размаха и массы!

[*1928*]

БОЛЬШАЯ АУДИТОРИЯ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

СРЕДА 26 СЕНТЯБРЯ

Выступит
поэт
ВЛАДИМИР

МАЯКОВСКИЙ

ЛЕВЕЙ ЛЕФА!

Некрасивые стихи

сов-трус
сов-служака
сов-меценат
сов-плюшкин
сов-помпадур
сов-обыватель
сов-халтурщик

темы
кого изменил леф?
кто изменил леф?
кто изменил лефу?

разговор-доклад

темы
крах групп
7 или 2.000.000?
как плюются в Виннице

писатели—богемец, сектант и производственник.
сапожники критики и критика сапожников.
А. М. ЭФ. или В. Л. К. С. М.

Стихи красивые

клуб
гимн
радио
евпатория
„хол“ и „гор“
электричество
поиски носков

НАЧАЛО В 8½ час. веч.

ответ на записки

25 сент. 1928 г. МОСКВА

Афиша «Левей Лефа». 1928.

РАССКАЗ ОДНОГО ОБ ОДНОЙ МЕЧТЕ

Мне
с лошадями
трудно тягаться.
Животное
(четыре ноги у которого)!
Однако я хитрый,
купил облигации:
будет —
жду —
лотерея Автодорова.
Многие отказываются,
говорят:
«Эти лотереи
оскомину набили».
А я купил
и очень рад,
и размечтался
об автомобиле.
Бывало,
орешь:
и ну! и тпру!
А тут,
как рыба,
сижу смиренно.
В час
50 километров пру,
а за меня
зевак
обкладывает сирена.

Утром —
на фабрику,
вечером —
к знакомым.
Мимо пеших,
конных мимо.
Езжу,
как будто
замнаркома.
Сам себе
и ответственный, и незаменимый.
А летом —
на ручейки и лужки!
И выпятив
груди стальные
рядом,
развеяв по ветру флажки,
мчат
товарищи остальные.
Аж птицы,
запыхавшись,
высунули языки
крохотными
клювами-ротиками.
Любые
расстояния
стали близки́,
а километры
стали коротенькими.
Сутки удвоены!
Скорость — не шутка,
аннулирован
господь Саваоф.
Сразу
в коротких сутках
стало
48 часов!
За́ день
слетаю
в пятнадцать мест.

А машина,
развезши
людей и клади,
стоит в гараже
и ничего не ест,
и даже,
извиняюсь,
ничего не гадит.
Переложим
работу потную
с конской спины
на бензинный бак.
А лошадь
пускай
домашней животною
свободно
гуляет
промежду собак.
Расстелется
жизнь,
как шоссе, перед нами —
гладко,
чисто
и прямо.
Крой
лошадей,
товарищ «НАМИ»!
Крой
лошадей,
«АМО»!
Мелькаю,
в автомобиле катя
мимо
ветра запевшего...
А пока
мостовые
починили хотя б
для удобства
хождения пешего.

[1928]

ИДИЛЛИЯ

Революция окончилась.
Житье чинй.
Ручейковою
журчи водицей.
И пошел
советский мещанин
успокаиваться
и обзаводиться.

Белые
обои
кáри —
в крапе мух
и в пленке пыли,
а на копоти
и гари
Гаррей
Пилей
прикрепили.
Спелой
дыней
лампа свисла,
светом
ласковым
упав.
Пахнет липким,
пахнет кислым

от пеленок
и супов.
Тесно править
варку,
стирку,
третее
дитё родив.
Вот
ужо
сулил квартирку
в центре
кооператив.
С папой
«Ниву»
смотрят детки,
в «Красной ниве» —
нету терний.
«Это, дети,—
Клара Цеткин,
тетя эта
в Коминтерне».
Впились глазки,
снимки выев,
смотрят —
с час
журналом вся.
Спрашивает
папу
Фия:
«Клара Цеткин —
это фея?»
Братец Павлик
фыркнул:
«Фи, как
немарксична эта Фийка!
Политрук
сказал же ей —
аннулировали фей».
Самовар
кипит со свистом,

граммофон
визжит романс,
два
знакомых коммуниста
подошли
на преферанс.
«Пизырь коки...
черви...
масти...»
Ритуал
свершен сполна...
Смотрят
с полочки
на счастье
три
фарфоровых слона.
Обеспечен
сном
и кормом,
вьет
очаг
семейный дым...
И доволен
с а м
домкомом,
и домком
доволен им.

Революция не кончилась.
Домашнее мычанье
покрывает
приближающейся битвы гул...
В трубы
в самоварные
господа мещане
встречу
выдувают
прущему врагу.

[*1928*]

СТОЛП

Товарищ Попов
чуть-чуть не от плуга.
Чуть
не от станка
и сохи.
Он —
даже партиец,
но он
перепуган,
брюзжит
баритоном сухим:
«Раскроешь газетину —
в критике вся,—
любая
колеблется
глыба.
Кроют.
Кого?
Аж волосья́
встают
от фамилий
дыбом.
Ведь это —
подрыв,
подкоп ведь это...
Критику
осторожненько
до́лжно вести.

А эти —
критикуют,
не щадя авторитета,
ни чина,
ни стажа,
ни должности.
Критика
снизу —
это яд.
Сверху —
вот это лекарство!
Ну, можно ль
позволить
низам,
подряд,
всем! —
заниматься критиканством?!
О мерзостях
наших
трубим и поем.
Иди
и в газетах срамись я!
Ну, я ошибся...
Так в тресте ж,
в моем,
имеется
ревизионная комиссия.
Ведь можно ж,
не задевая столпов,
в кругу
своих,
братишек,—
вызвать,
сказать:
— Товарищ Попов,
орудуй...
тово...
потише...—
Пристали
до тошноты,
до рвот...

Обмазывают
кистью густою.
Товарищи,
ведь это же ж
подорвет
государственные устои!
Кого критикуют? —
вопит, возомня,
аж голос
визжит
тенорком.—
Вчера —
Иванова,
сегодня —
меня,
а завтра —
Совнарком!»

Товарищ Попов,
оставьте скулеж.
Болтовня о подрывах —
ложь!
Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
критика
дрянь
косила.
И это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

[*1928*]

ВО ИЗБЕЖАНИЕ УМСТВЕННЫХ БРОЖЕНИЙ,

стихи написав,
объясняю их:
стихи
в защиту
трудовых сбережений,
но против
стяжателей,
глупых и скупых.

Иванов,
пожалуй, слишком
экономией взволнован.
Сберегательная
книжка
завелась у Иванова.
Иванов
на книжку эту
собирает
деньги
так —
бросивши
читать газету,
сберегает
в день
пятак.
Нежен
будучи
к невесте,

он
в кино
идет не вместе.
Не води
невест и жен —
и полтинник
сбережен.
Принимает
друга
сто́ймя,
чай
пустой
и то не даст вам.
Брата
выгонит из дома,
зря
не тратясь
на хозяйство.
Даже
бросил
мылом мыться —
сэкономлю-де
немножко.
И наутро
лапкой
рыльце
моет он,
как моет кошка.
Но зато
бывает рад он
приобресть
кольцо на палец:
— Это, мол,
хотя и трата,
но,
кольцо
на случай спрятав,
я
имею
капиталец.—

Какое дело
до стройки,
до ломки —
росли б
сбережений комья.
Его
интересует
из всей экономики
только
своя экономия.
Дни
звенят
галопом конниц,
но у парня
мысли звонче:
как бы
это
на червонец
набежал
еще червончик.
Мы
не бережливости ругатели,
клади
на книжку
лишки,
но помни,
чтоб книжкой сберегательной
не заслонялись
другие книжки.
Помни,
что жадность
людям
дана
не только на гроши,
строительству
жадность
отдай до дна,
на жизнь
глаза
расширь!

[1928]

ПРОБА

Какая
нам
польза
лазить по полюсам,
с полюсного глянца
снимать
итальянцев?
Этот рейд небывалый —
пролетарская проба,
проба
нашей выучки,
нервов
и сил.
И «Малыгин»,
и «Красин»! —
ринулись оба,
чтобы льдины трещали
и ветер басил...
Победители мы
в этом холоде голом:
удивляйся, земля,
замирай
и гляди,—
как впервые
в этих местах
ледоколом
подымали людей
с двухметровых льдин.

Жили в железе мы,
а не в вате.
В будущей битве
хватит решимости,
хватит людей,
умения хватит —
дряблых, жирных
снять
и вымести.
Мы
в пробную битву
во льду
введены!..
Весельем
не грех разукраситься.
Привет
победителям ледяным!
Ура
товарищам
красинцам!

[*1928*]

ЗЕВС-ОПРОВЕРЖЕЦ

Не первый стих
                    и все про то же.
И стих,
          и случаи похожи.

Как вверх
             из Везувия
                            в смерденьи и жжении
лава
      извергается в грозе —
так же точно
                огнедышащие опровержения
лавятся
         на поля газет.
Опровергатель
                всегда
                       подыщет повод.
Ведром
        возражения лей.
Впечатано:
             «Суд
                   осудил Попова
за кражу
          трехсот рублей».
И краска
          еще не просохла,
                              а он

пещрит
статейные мили:
«Опровергаю
и возмущен
злостным
искажением фамилии.
Избавьте
от рецензентов-клопов.
Такие нападки —
пло́ски.
Фамилия
моя
совсем не Попов,
а раз и навсегда —
Поповский.
Перестарались
газетные вра́ли.
Где
п-р-а-в-д-а
в их волчьем вое?!
В семействе
у нас
никогда не крали,
и я —
не крал,
а присвоил.
Хроникеры
анекдотами
забавляются, блея,
а факты
в воздухе висят.
Никогда
не крал
трехсот рублей я,
а присвоил
триста пятьдесят.
Массам
требуется
серьезное чтение,
а не плоские
по́лосы и полоски...

Примите
уверение
в совершенном почтении.
С гражданским приветом
Поповский».

Граждане,
бросьте
опровержения волóчь!
В газеты
впились, как клéщи.
Не опровергнешь
ни день,
ни ночь,
ни прочие
очевидные вещи.

[*1928*]

В ЧЕМ ДЕЛО?

«Хлеб давайте!»
Хлеба мало —
кулачок
хлеба́ припрятал.
Голову
позаломала
тыща
разных аппаратов.
Ездят замы,
тратят суммы,
вздохи,
страхи,
ахи, охи.
Даже
вкус
теряем к сну мы
от возни
и суматохи.
Мозг трещит,
у́сталость в теле,
люди
двигают горами.
По Союзу
полетели
молнии
и телеграммы.
Конкуренция
и ругань,

папок
«жалоб»
пухнут толщи.
Уничтожить
рад
друг друга
разный
хлебозаготовщик.
Затруднений соучастник,
случая
не провороня,
кружит частник,
вьется частник,
сея
карканье воронье.
Вьются частники,
а рядом
в трудовом
упорстве
наши,
обливаясь
потом-градом,
выжимают
хлеб
из пашен.
Волоките
пылеватой —
смерть!
Усерден выше меры,
кто-то
строит
элеватор
из «входящих»...
и фанеры.
Сонм
часов
летит задаром.
Днем
рабочим
стала ночь нам.

Всё
    в порядке разударном,
в спешном,
            в экстренном
                    и в срочном.
В доску
        выплющились
                люди,
как не плющились давно.
Хлеб достанем,
            хлеб добудем!
Но...
Шум такой,
        по-моему, нелеп.
Вопросом
        в ушах
            орание:
Разве
    то,
        что понадобится хлеб,
мы
    не знали заранее?

[*1928*]

ПОП

Сколько
от сатириков
доставалось попам,—
жестка
сатира-палка!
Я
не пойду
по крокодильим стопам,
мне
попа
жалко.
Идет он,
в грязную гриву
спрятав
худое плечо
и ухо.
И уже
у вожатых
спрашивают октябрята:
«Кто эта
рассмешная старуха?»
Профессореет
вузовцев рать.
От бога
мало прока.
И скучно
попу
ежедневно врать,
что гром
от Ильи-пророка.
Люди
летают
по небесам,

и нет
ни ангелов,
ни бéсов,
а поп
про ад завирает,
а сам
не верит
в него
ни бельмеса.
Люди
на отдых
ездят по мéсяцам
в райский
крымский край,
а тут
неси
и неси околесицу
про какой-то
небесный рай.
И богомольцы
скупы, как пни,—
и в месяц
не выбубнишь трешку.
В алтарь
приходится
идти бубнить,
а хочется
бежать
в кинематошку.

Мне
священников
очень жаль,
жалею
и ночь
и день я —
вымирающие
сторожа
аннулированного учреждения.

[*1928*]

ПОДЛИЗА

Этот сорт народа —
тих
и бесформен,
словно студень,—
очень многие
из них
в наши
дни
выходят в люди.
Худ умом
и телом чахл
Петр Иванович Болдашкин.
В возмутительных прыщах
зря
краснеет
на плечах
не башка —
а набалдашник.
Этот
фрукт
теперь согрет
солнцем
нежного начальства.
Где причина?
В чем секрет?
Я
задумываюсь часто.

Жизнь
его
идет на лад;
на него
не брошу тень я.
Клад его —
его талант:
нежный
способ
обхожденья.
Лижет ногу,
лижет руку,
лижет в пояс,
лижет ниже,—
как кутенок
лижет
суку,
как котенок
кошку лижет.
А язык?!
На метров тридцать
догонять
начальство
вылез —
мыльный весь,
аж может
бриться,
даже
кисточкой не мылясь.
Все похвалит,
впавши
в раж,
что
фантазия позволит —
ваш катар,
и чин,
и стаж,
вашу доблесть
и мозоли.

И ему
пошли
чины,
на него
в быту
равненье.
Где-то
будто
вручены
чуть ли не —
бразды правленья.
Раз
уже
в руках вожжа,
всех
сведя
к подлизным взглядам,
расслюнявит:
«Уважать,
уважать
начальство
надо...»
Мы
глядим,
уныло ахая,
как растет
от ихней братии
архи-разиерархия
в издевательстве
над демократией.

Вея шваброй
верхом,
низом,
сместь бы
всех,
кто поддались,

всех,
радеющих подлизам,
всех
радетельских
подлиз.

[*1928*]

СПЛЕТНИК

Петр Иванович Сорокин
в страсти —
холоден, как лед.
Все
ему
чужды пороки:
и не курит
и не пьет.
Лишь одна
любовь
рекой
залилá
и в бездну клонит —
любит
этакой серьгой
повисеть на телефоне.
Фарширован
сплетен
кормом,
он
вприпрыжку,
как коза,
к первым
вспомненным
знакомым
мчится
новость рассказать.

Задыхаясь
и сипя,
добредя
до вашей
дали,
он
прибавит от себя
пуд
пикантнейших деталей.
«Ну...—
начнет,
пожавши руки,—
обхохочете живот,
Александр
Петрович
Брюкин —
с секретаршею живет.
А Иван Иваныч Тестов —
первый
в тресте
инженер —
из годичного отъезда
возвращается к жене.
А у той,
простите,
скоро —
прибавленье!
Быть возне!
Кстати,
вот что —
целый город
говорит,
что раз
во сне...»
Скрыл
губу
ладоней ком,
стал
от страха остролицым.

«Новость:
предъявил...
губком...
ультиматум
австралийцам».
Прослюнявив новость
вкупе
с новостишкой
странной
с этой,
быстро
всем
доложит —
в супе
что
варилось у соседа,
кто
и что
отправил в рот,
нет ли,
есть ли
хахаль новый,
и из чьих
таких
щедрот
новый
сак
у Ивановой.

Когда
у такого
спросим мы
желание
самое важное —
он скажет:
«Желаю,
чтоб был
мир
огромной
замочной скважиной.

Чтоб в скважину
в эту
влезши на треть,
слюну
подбирая еле,
смотреть
без конца,
без края смотреть —
в чужие
дела и постели».

[*1928*]

ХАНЖА

Петр Иванович Васюткин
бога
беспокоит много —
тыщу раз,
должно быть,
в сутки
упомянет
имя бога.
У святоши —
хитрый нрав,—
черт
в делах
сломает ногу.
Пару
коробов
наврав,
перекрестится:
«Ей-богу».
Цапнет
взятку —
лапа в сале.
Вас считая за осла,
на вопрос:
«Откуда взяли?»
отвечает:
«Бог послал».
Он
заткнул
от нищих уши,—

сколько ни проси, горласт,
как от мухи
отмахнувшись,
важно скажет:
«Бог подаст».
Вам
всуча
дрянцо с пыльцой,
обворовывая трест,
крестит
пузо
и лицо,
чист, как голубь:
«Вот те крест».
Грабят,
режут —
очень мило!
Имя
божеское
помнящ,
он
пройдет,
сказав громилам:
«Мир вам, братья,
бог на помощь!»
Вор
крадет
с ворами вкупе.
Поглядев
и скрывшись вбок,
прошептал,
глаза потупив:
«Я не вижу...
Видит бог».
Обворовывая
массу,
разжиревши понемногу,
подытожил
сладким басом:
«День прожил —
и слава богу».

Возвратясь
домой
с питей —
пил
с попом пунцоворожим,—
он
сечет
своих детей,
чтоб держать их
в страхе божьем.

Жене
измочалит
волосья и тело
и, женин
гнев
остудя,
бубнит елейно:
«Семейное дело.
Бог
нам
судья».
На душе
и мир
и ясь.
Помянувши
бога
на ночь,
скромно
ляжет,
помолясь,
христианин
Петр Иваныч.

Ублажаясь
куличом да пасхой,
божьим словом
нагоняя жир,

все еще
живут,
как у Христа за пазухой,
всероссийские
ханжи.

[*1928*]

СТИХИ О РАЗНИЦЕ ВКУСОВ

Лошадь
сказала,
взглянув на верблюда:
«Какая
гигантская
лошадь-ублюдок».
Верблюд же
вскричал:
«Да лошадь разве ты?!
Ты
просто-напросто —
верблюд недоразвитый».
И знал лишь
бог седобородый,
что это —
животные
разной породы.

[1928]

СТИХОТВОРЕНИЕ О ПРОДАННОЙ ТЕЛЯТИНЕ

«Париж!
Париж!..
приедешь, угоришь!»
Не зря
эта рифма
притянута рифмачами.
Воришки,
по-ихнему —
«нуво-риш»,
жизнь
прожигают
разожженными ночами.
Мусье,
мадамы,
возбужденней петухов,
прут
в парфюмерии,
в драгоценном звоне.
В магазинах
в этих
больше духов,
чем у нас
простой
человечьей вони.
Падкие
до всякой
титулованной рекламки,

все
на свете
долларом вы́ценя,
по тысячам
франков
раскупают американки
разных
наших
князей Голицыных.
Рекламы
угробливают
световыми колами;
аршины
букв
подымают ор,
богатых соблазняют,
всучивают ре́кламы:
гусиную печенку,
авто,
ликер.
И въевшись в печенку,
промежду повис
плакат
на заборе каменистом:
«Я,
основатель комсомола,
Морис
Лапорт,
бросаю партию коммунистов».
Сбоку нарисовано,—
как не затосковать! —
сразила
насмешка дерзкая,—
нарисовано:
коммунистам
сыплет Москва
золото коминтернское.
С другого
портрет—
французик как французики,

за такого
лавочники
выдают дочек.
Пудреная мордочка,
черненькие усики,
из карманчика
шелковый платочек.
По карточке
сосуночек
первый сорт,—
должно быть,
либеральничал
под руководством мамаши.
Ласковый теленок
двух маток сосет —
и нашим,
и вашим.
Вырос Морис,
в грудях трещит,
влюбился Лапорт
с макушки по колени.
Что у Лапорта?
Усы и прыщи,—
а у
мадмуазель —
магазин бакалейный.
А кругом
с приданым
Ротшильды и Коти́.
Комсомальчик
ручку
протягивает с опаской.
Чего задумался?
Хочется?
Кати
колбаской!
А билет партийный —
девственная плева.
Лишайтесь,—
с Коти
пируя вечерочками.

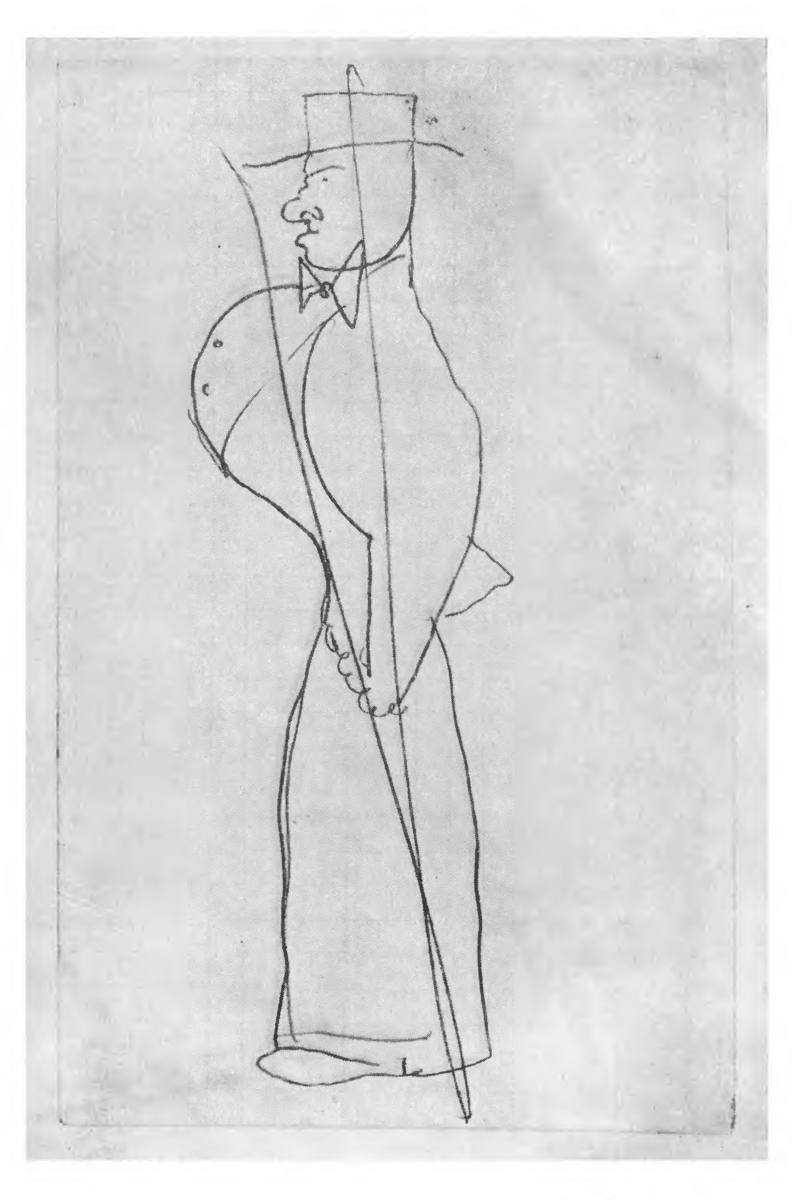
Где уж,
нам уж
ваших переплевать
с нашими
советскими червончиками.
Морис,
вы продались
нашему врагу,—
вас
укупили,
милый теленок,
за редерер,
за кроликовое рагу,
за шелковые портьеры
уютных квартиренок.
Обращаюсь,
оборвав
поэтическую строфу,
к тем,
которыми
франки дадены:
— Мусью,
почем
покупали фунт
этой
свежей
полицейской телятины? —
Секрет
коммунистов
Лапортом разболтан.
Так что ж, молодежь,—
без зазренья ори:
— Нас всех
подкупило
советское золото,
золото
новорожденной
Советской зари!

[*1928*]

СТИХИ О КРАСОТАХ АРХИТЕКТУРЫ

> В Париже, в Венсене, рухнул дом, придавивший 30 рабочих. Министры соболезновали. 200 коммунистов и демонстрантов арестовано.
>
> *Из газет*

Красивые шпили
домов-рапир
видишь,
в авто несясь.
Прекрасны
в Париже
пале ампир,
прекрасны
пале ренесанс.
Здесь чтут
красоту,
бульвары метя,
искусству
почет здоро́в —
сияют
векам
на дворцовых медях
фамилии архитекторов.
Собакой
на Сене
чернеют дворцы
на желтизне
на осенней,

Автошарж в записной книжке 1928 года, № 64

а этих самых
дворцов
творцы
сейчас
синеют в Венсене.
Здесь не плачут
и не говорят,
надвинута
кепка
на бровь.
На глине
в очередь к богу
в ряд
тридцать
рабочих гробов.
Громок
парижских событий содом,
но это —
из нестоящих:
хозяевам
наспех
строили дом,
и дом
обвалился на строящих.
По балкам
будто
ра́стерли томат.
Каменные
встали над я́миною —
каменное небо,
каменные дома
и горе,
огромное и каменное.
Закат кончается.
Час поздноват.
Вечер
скрыл искалеченности.
Трудно
любимых
опознавать

в человечьем
рагу из конечностей.
Дети,
чего испугались крови?!
Отмойте
папе
от крови щеку!
Строить
легочь
небесных кровель
папе —
небесному кровельщику.
О папе скорбь
глупа и пуста,
он —
ангел французский,
а впрочем,
ему
и на небе
прикажут стать
божьим чернорабочим.
Сестра,
чего
склонилась, дрожа,—
обвисли
руки-плети?!
Смотри,
как прекрасен
главный ажан
в паре
солнц-эполетин.
Уймись, жена,
угомонись,
слезы
утри
у щек на коре...
Смотри,
пришел
премьер-министр
мусье Пуанкаре.

Богатые,
важные с ним господа,
на портфелях
корон отпечатки.
Мусье министр
поможет,
подаст...
пухлую ручку в перчатке.
Ажаны,
косясь,
оплывают гроба
по краю
горя мокрого.
Их дело одно —
«пасэ а табак»,
то есть —
«бей до́ крови».
Слышите:
крики
и песни клочки
домчались
на спинах ветро́в...
Это ажаны
в нос и в очки
наших
бьют у метро.
Пусть
глупые
хвалят
свой насест —
претит
похвальба отеческая.
Я славлю тебя,
«репюблик франсэз»,
свободная
и демократическая.
Свободно, братья,
свободно, отцы,
ждите
здесь
вознесения,

чтоб новым Людовикам
                    пале и дворцы
легли
    собакой на Сене.
Чтоб город
          верхами
                до бога дорос,
чтоб видеть,
          в авто несясь,
как чудны
        пале
            Луи Каторз,
ампир
     и ренесанс.

Во внутренности
              не вмешиваюсь, гостя́,
лишь думаю,
          куря папироску:
мусье Париж,
           на скольких костях
твоя
   покоится роскошь?

[1928]

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ КОСТРОВУ ИЗ ПАРИЖА О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ

Простите
            меня,
                      товарищ Костров,
с присущей
                 душевной ширью,
что часть
              на Париж отпущенных строф
на лирику
               я
                 растранжирю.
Представьте:
                   входит
                             красавица в зал,
в меха
         и бусы оправленная.
Я
  эту красавицу взял
                              и сказал:
— правильно сказал
                              или неправильно? —
Я, товарищ, —
                      из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
           девиц красивей,
я видал
           девиц стройнее.

Девушкам
                поэты любы.
Я ж умен
                и голосист,
заговариваю зубы —
только
            слушать согласись.
Не поймать
                меня
                        на дряни,
на прохожей
                    паре чувств.
Я ж
        навек
                любовью ранен —
еле-еле волочусь.
Мне
    любовь
                не свадьбой мерить:
разлюбила —
                    уплыла.
Мне, товарищ,
                    в высшей мере
наплевать
                на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
                            не двадцать,—
тридцать...
                с хвостиком.
Любовь
            не в том,
                        чтоб кипеть крутей,
не в том,
                что жгут у́гольями,
а в том,
            что встает за горами грудей
над
    волосами-джунглями.

Любить —
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить —
это с простынь,
бессонницей рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Иванны,
считая
своим
соперником.
Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.
Вы
к Москве
порвали нить.
Годы —
расстояние.
Как бы
вам бы
объяснить
это состояние?
На земле
огней — до неба...

В синем небе
звезд —
до черта.
Если б я
поэтом не́ был,
я бы
стал бы
звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
авто
по улице,
а не свалят на́земь.
Понимают
умницы:
человек —
в экстазе.
Сонм видений
и идей
полон
до крышки.
Тут бы
и у медведей
выросли бы крылышки.
И вот
с какой-то
грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,

Письмо
Татьяне Яковлевой

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть
Я не люблю
парижскую любовь
любую самочку
шелками разукрасьте

Беловой автограф стихотворения «Письмо Татьяне Яковлевой» в записной книжке 1928 года, № 65.

блестит
и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть
из ихней
беседки сиреневой.
Чтоб подымать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражьи
головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.
Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданьи,
простаивая,
прислушиваюсь:
любовь загудит —
человеческая,
простая.
Ураган,
огонь,
вода
подсгупают в ропоте.
Кто
сумеет
совладать?
Можете?
Попробуйте...

[*1928*]

ПИСЬМО
ТАТЬЯНЕ ЯКОВЛЕВОЙ

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав —
тубо —
собакам
озверевшей страсти.
Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер

рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,
гром
ругней
в небесной драме,—
не гроза,
а это
просто
ревность
двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски,—
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
жены,
слезы...
ну их! —

вспухнут веки,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты —
ста мильонам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны —
спортом
выпрямишь не многих,—
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.
Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.

Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

[1928]

ОТВЕТ НА БУДУЩИЕ СПЛЕТНИ

Москва
меня
обступает, сипя,
до шепота
голос понижен:
«Скажите,
правда ль,
что вы
для себя
авто
купили в Париже?
Товарищ,
смотрите,
чтоб не было бед,
чтоб пресса
на вас не нацыкала.
Купили бы дрожки...
велосипед...
Ну
не более же ж мотоцикла!»
С меня
эти сплетни,
как с гуся вода;
надел
хладнокровия панцырь.
— Купил — говорите?
Конешно,
да.

Купил,
и бросьте трепаться.
Довольно я шлепал,
дохл
да тих,
на разных
кобылах-выдрах.
Теперь
забензинено
шесть лошадих
в моих
четырех цилиндрах.
Разят
желтизною
из медных глазниц
глаза —
не глаза,
а жуть!
И целая
улица
падает ниц,
когда
кобылицы ржут.
Я рифм
накосил
чуть-чуть не стог,
аж в пору
бухгалтеру сбиться.
Две тыщи шестьсот
бессоннейших строк
в руле,
в рессорах
и в спицах.
И мчишься,
и пишешь,
и лучше, чем в кресле.
Напрасно
завистники злятся.

Но если
объявят опасность
и если
бой
и мобилизация —
я, взяв под уздцы,
кобылиц подам
товарищу комиссару,
чтоб мчаться
навстречу
жданным годам
в последнюю
грозную свару.
Не избежать мне
сплетни дрянной.
Ну что ж,
простите, пожалуйста,
что я
из Парижа
привез Рено,
а не духи
и не галстук.

[*1928*]

БОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНКА

Христу
причинили бы много обид,
но богу помог
товарищ Лебит.
Он,
приведя резоны разные,
по-христиански елку празднует.
Что толку
в поздних
упреках колких.
Сидите, Лебит,
на стихах,
как на елке.

[*1928*]

ЛЫЖНАЯ ЗВЕЗДА

Метр за метром
вымериваем лыжами,
желаньем
              и ветром
по снегу
            движимы.
Где нету
            места
                      для езды
и не скрипят
                      полозья —
сиянье
         ста
              лучей звезды
от лыж
            к Москве сползлося.
Продрогший
                  мир
                        уснул во льду,
из мрамора
                высечен.
По снегу
              и по льдам
                                идут
рабочие тысячи.
Идут,
         размеренно дыша,

стройно
            и ровно,—
телам
         таким
                  не труден шаг —
работой тренированы.
И цель
           видна уже вам —
километры вымеряя,
вперед
           с Орла и Ржева,
из Тулы
            и Владимира!
Учись, товарищ,
                        классно
лыжами
           катиться,
в военную
               в опасность
уменье пригодится.
Куда глаза ни кинешь —
закалены
            на холоде,
к цели
          на финиш
команды подходят.
Последними
                 полосками
врезались
              и замерли.
Со стадиона Томского
выходят
           с призами.
Метр за метром
вымеривают лыжами,
желаньем
             и ветром
по снегу движимы.

[1928]

ЧЬЕ РОЖДЕСТВО?

Праздники
на носу.
Люди
жаждут праздновать.
Эти дни
понанесут
безобразия разного.
Нынче лозунг:
«Водкой вылей
все свои получки».
Из кулёчков
от бутылей
засияют лучики.
Поплывет
из церкви
гул —
развеселый оченно.
Будет
сотня с лишним скул
в драке разворочена.
Будут
месть
ступени лестниц
бородьем лохматым.
Поплывут
обрывки песен
вперемежку...
с матом.

Целоваться
спьяну
лезть
к дочкам
и к женам!
Перекинется
болезнь
к свежезараженным.
Будут
пятна
винных брызг
стлаться
по обоям.
Будут
семьи
драться вдрызг
пьяным мордобоем.
По деньгам
и даром —
только б угостили —
будут пить
по старым
и по новым стилям.
Упадет
и пьян,
и лих...
«Жалко,
што ли,
рожи нам?!»
Сколько их
на мостовых
будет заморожено!
В самогон
вгоняя рожь,
сёла
хлещут зелие.
Не опишешь!
Словом,
сплошь
радость и веселие.

Смотрю я
на радостное торжество,
глаз
оторвать
не смея...
Но почему оно
зовется
«христово рождество»,
а не
«рождество
зеленого змея»?!

[*1928*]

МРАЗЬ

Подступает
голод к гландам...
Только,
будто бы на пире,
ходит
взяточников банда,
кошельки порастопыря.
Родные
снуют:
— Ублажь, да уважь-ка! —
Снуют
и суют
в бумажке барашка.
Белей, чем саван,
из портфеля кончики...
Частники
завам
суют червончики.
Частник добрый,
частник рад
бросить
в допры
наш аппарат.
Допру нить не выдавая,
там,
где быт
и где грызня,

ходит
        взятка бытовая,—
сердце,
            душу изгрязня.
Безработный
                    ждет работку.
Волокита
            с бирж рычит:
«Ставь закуску, выставь водку,
им
  всучи
        магарычи!»
Для копеек
                    пропотелых,
с голодухи
                бросив
                        срам,—
девушки
            рабочье тело
взяткой
            тычут мастерам.

Чтобы выбиться нам
                        сквозь продажную смрадь
из грязного быта
                        и вшивого —
давайте
            не взятки брать,
а взяточника
                    брать за шиворот!

[*1928*]

БАЛЛАДА О ПОЧТИ ЧТО ФАКТЕ

Завтрест
с возмущением
скребется в гриве:
— Секундная стрелка
восемь гривен!—

И трест,
возмутясь,
за границу
для поисков
за стрелками
выслал
целое войско.
Гоняли вовсю
от Польши до Чили.
Точили язык,
доклады строчили.
(Швейцарию
лишь
отклонили ласково,—
не знали, мол,
языка швейцарского.)
Носились в авто
по пóлю,
по пыли.

(Купили галстуки,
шляпы купили.)

Обзаводились
многие
сами
не только стрелками,
но...
и часами.
Как будто в трубу
от ветра лютого
летели червонцы,
летела валюта.
Вернулись,
свезли чемоданчики на́ дом,
достали портфели,
пошли с докладом.
И после поездки
пошла продаваться
секундная стрелка
по рубль по двадцать.

[*1928*]

ТЕХНИКЕ ВНИМАНИЕ ВИДАТЬ ЛИ?

Коммуну,
сколько руками ни маши,
не выстроишь
голыми руками.
Тысячесильной
мощью машин
в стройку
вздымай
камень!
Выместь
паутину и хлам бы!
Прорезать
и выветрить
копоть и гарь!
Помни, товарищ:
электрическая лампа —
то же,
что хороший
стих и букварь.
Мы
прославляли
художников и артистов...
А к технике
внимание
видать ли?

На первое
такое же
место выставь —
рабочих,
техников,
изобретателей!
Врывайся
в обывательские
норы мышиные,
лозунгом
новым
тряся и теребя.
Помни,
что, встряхивая
быт
машиною,
ты
продолжаешь
дело Октября.

[1928]

НЕОКОНЧЕННОЕ

[ПРО ШКОЛУ И ПРО УЧЕНИЕ (ИЗ ЧУДНОЙ ШКОЛЫ ДРЯННЫЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ)][1]

Что делается
у нас
под школьной корой
алгебр
и геометрий?
Глазам
трудящихся
школу открой,
[за] лежалых
педагогов
проветри!
[Целясь в щеку
злей, чем доги[2],
взяв
линейки подлиннее,
мордобойцы-педагоги[3]

[1] Квадратными скобками здесь и далее отмечается текст, вычеркнутый Маяковским карандашом.

[2] «доги» переправлено красными чернилами на «дог».

[3] «мордобойцы-педагоги» переправлено красными чернилами на «мордобоец-педагог» (но «лупят» не исправлено).

лупят
посвистом линеек][1].
[Войны классов,
драки партий
обошли
умишкой тощим.
Но...
Каллиников под партой,
провоняли
парту
«Мощи».
Распустив
над порнографией
слюну,
прочитав
похабные тома,
с правой стороны
луну
у себя
устроят по домам.]
Опустивши
глазки-кнопки,
боком вертят
будто утки,
не умнее
средней пробки
подрастают институтки.
Это
видели и раньше <мы>

---

[1] После строки 18-й вставлено красными чернилами:

В школах
разных ступеней
этот
озаботился,
чтоб росла
глупее пней
смена
из оболтусов.

Слово «этот» после вычеркивания строк 12—18 заменено карандашом на «педагог».

робки
        школьницы-молчальницы,
и[1] ступают
                генеральшами
пышногрудые начальницы.
У подобных
                пастухов
девочки
        прочли уже
прейскуранты
                всех духов
сочинителя
                Тэжэ.
Нам
    характер
                нужен круче,
чтоб текли
            у нас
                в трудах дни.
Мы ж
        выращиваем курочек
для
    семейственных кудахтаний.

Товарищи,
            непорядок в дебрях школ,
под сводами
                алгебр и геометрий.
Надо
        школу
                взять за ушко,
промыть
            и высушить на ветре.

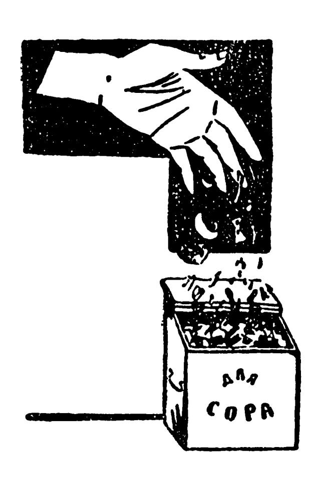
[1] Сначала было написано «но», затем исправлено на «и».

ПЛАКАТЫ

СОР — В ЯЩИК

Бросишь взор:
видишь...
сор,
объедки,
огрызки,

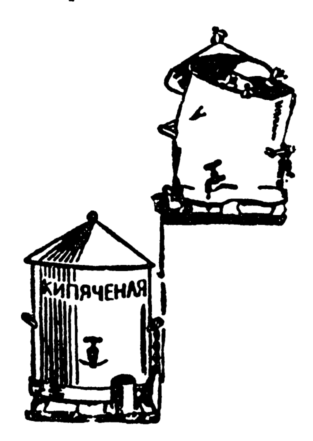
чтоб крысы рыскали.
Вид — противный,
от грязи
кора,
в сетях паутины
окурков гора.

Рабочие морщатся:
«Где же уборщица?»
Метлою сор не прокопать,
метет уборщица на ять,
с тоскою
сор таская!
Прибрала,
смотрит —
и опять
в грязище мастерская.
Рабочие топорщатся,
ругаются едко:
«Это не уборщица,
это —
дармоедка!»
Тише, товарищи!
О чем спор?
Учите
курящих и сорящих —
будьте культурны:
собственный сор
бросайте
в мусорный ящик!

БЕРЕГИ БАК

Видел я
с водою баки.
Бак с водой
грязней собаки.
Кран поломан,
сбита крышка,
в баке
мух
полсотни с лишком.
На зловредность невзирая,
влита
в бак
вода сырая.

И висит
у бока бочки
клок
ободранной цепочки.

Кружка лежит
с такими краями,
как будто
валялась
в помойной яме.
Немыслимо
в губы
взять заразу.
Выпил раз —
и умер сразу.
Чтоб жажда
не жгла
работой денной,
храни
как следует
бак водяной!
Вымой
бак,
от грязи черный,
сырую воду
смени кипяченой!

Чтоб не болеть,
заражая друг дружку,
перед питьем
промывайте кружку!
А лучше всего,
подставляй под кран
с собой принесенный
свой стакан.
Или,
чтоб кружки
не касалась губа,
замени фонтанчиком
старый бак.
Одно из важнейших
культурных благ —
водой
кипяченой
наполненный бак.

МОЙ РУКИ

Не видали разве
на руках грязь вы?
А в грязи —
живет зараза,
незаметная для глаза.
Если,
руки не помыв,
пообедать сели мы —
вся зараза
эта вот
к нам отправится
в живот.
В холере будешь корчиться,
гореть
в брюшном тифу...
Кому
болеть не хочется,

купите
мыла фунт
и воде
под струйки
подставляйте руки.

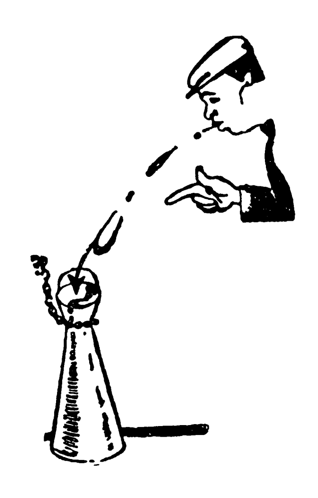

Грязные руки
грозят бедой.
Чтоб хворь
тебя
не сломила —
будь культурен:
перед едой
мой
руки
мылом!

ПЛЮЙ В УРНУ

Омерзительное явление,
что же это будет?
По всем направлениям
плюются люди.

Плюются чистые,
плюются грязные,
плюют здоровые,
плюют заразные.
Плевки просохнут,
станут легки,
и вместе с пылью
летают плевки.
В легкие,
в глотку
несут чахотку.
Плевки убивают
по нашей вине
народу
больше,
чем на войне.

Товарищи люди,
будьте культурны!
На пол не плюйте,
а плюйте
в урны.

[*1928*]

ОТДЫХАЙ!

Этот плакат увидя,
запомни правило простое:
работаешь —
                    сидя,
отдыхая —
               стой!

*

Запомни правило простое,
Этот плакат увидя:
работаешь —
                    стоя,
отдыхай —
               сидя!

[*1928*]

ПОЖАРНЫЕ ЛОЗУНГИ

(ДЛЯ ГОРОДА)

1

Горят
электрические
машины и провода.
Засыпь песком!
Вредна вода.

2

Тряпки воспламеняются.
Гляди лучше!
Грязные тряпки —
не складывай кучей!
Тряпки,
измазанные в масло и жир,
в ящике
огнеупорном
держи!

3

Маленький окурок —
этот вот —
может
сжечь огромный завод.

4

Во всех домах
все жители
проверьте
исправность огнетушителей!

5

Чтоб вас
врасплох
не застало несчастье,
проверьте
исправность
пожарной части.

6

Молнию
не тушат
никакие воды.
Хранят от пожара —
громоотводы.

7

Курящий на сцене —
просто убийца.
На сцене
пожар
моментально клубится.

8

С огнем
не шути!
Сгореть можно.
С огнем
обращайся
страшно осторожно.

9

Валится у пьяницы
окурок с пальца.
Пламя протянется —
дом спа́лится.

10

Легко воспламеняются
нефть и бензин —
в вагоне
с собой
никогда не вози.

11

Ребят
не оставляйте
с горящими примусами.—
Дети сгорят,
и сгорите сами.

12

Вредители
нам
грозятся пожарами.
Следи
за их
фигурами поджарыми.

[ДЛЯ ДЕРЕВНИ]

13

Сажа горит —
пожаров тыщи.
Трубы
от сажи
чисть чище.

14

Не оставляй детей одних.
Дети балуются,
пожар от них.

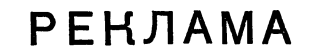
15

Туши окурок,
чтоб сразу потух.
Идет
от окурков
красный петух.

16

Водка —
яд.
От пьяной руки
деревни горят.

[*1928*]

РЕКЛАМА

[ГАЗЕТА «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»]

Стой!
        Предлагаю
                        не в шутку,
                                        а вправду
подписаться на
                        «Пионерскую правду».

[*1928*]

ОЧЕРК

РОЖДЕННЫЕ СТОЛИЦЫ

Тот, кто никогда не был в так называемой «провинции», плохо сейчас себе эту провинцию представляет.

Тот, кто был в этой провинции до революции, —не представляет ее совсем.

Прежде всего, самое название «провинция» дико устарело. Архаический язык еще склонен называть провинцией даже такие города, как Минск, Казань, Симферополь, а эти города, волей революции ставшие столицами, растут, строятся, а главное, дышат самостоятельной культурой своей освобожденной страны.

Наши дни — начало культурной революции — постоянно отмечают рост интересов рабочей массы к литературе.

Мне, по моей разъездной специальности чтеца стихов и лектора литературы, нагляднее и виднее этот рост.

За последние два месяца я выступал около 40 раз по разным городам Союза.

Первое впечатление — аудитория круто изменилась. Раньше редкий город мог бы выдержать более, чем один литературный вечер. И аудитория — прежде густые, потом битые сливки города. Расходились задолго до окончания, чтобы не обменяли их ботики и шубы. Расстанешься после вечера и больше никогда и никого не видишь, разве что у зубного врача на приеме.

Сейчас любой платный вечер, рассчитанный на парурублевые билеты, неизменно горит. Тем не менее барьеры поломаны и стекла выбиты — это идут по два, по три на каждый входной и галерочный билет. Неизменная

фраза перед началом каждого чтения: «Прошу товарищей галерочников слезть в партер!»

Настоящая аудитория и настоящее чтение начинается только на другой день.

Так, в Баку, после вечера в бывшем особняке бывшего миллионера, теперь Дворце тюркской культуры, звонки — «отношения».

— Товарищ Маяковский, ждем тебя в доках!

— Товарищ Маяковский, красноармейцы и комсостав такой-то и такой-то дивизии ждут тебя в Доме Красной Армии!

— Студенты не могут думать, что ты уедешь, не побывав у них...— и т. д., и т. д.

Зато и слушатель встречается по-другому.

Грузчик в Одессе, свалив на пароход чьи-то чемоданы, здоровается со мной без всякого обмена фамилиями и, вместо: «Как поживаете?» — валит: «Скажи Госиздату, чтобы Ленина твоего дешевле издал».

Красноармеец из уличного патруля (3 года назад в Тифлисе) сам удостоверяет мою поэтическую личность.

За один день читал (за один, но не один) от гудка до гудка, в обеденный перерыв, прямо с токарного станка, на заводе Шмидта; от пяти до семи — красноармейцам и матросам в только что строенном, прекрасном, но холодном, нетопленном Доме Красной Армии; от девяти до часу — в университете,— это Баку. Еще бы, он столичнится на моих глазах.

Я помню дореволюционный Баку. Узкая дворцовая прибрежная полоса, за ней грязь Черного и Белого города, за ней — тройная грязь промыслов, с архаической фонтанной и желоночной добычей нефти. Где жили эти добыватели — аллах ведает, а если и жили где, то не долго.

Пыльно, безлисто.

Культура — «интернациональная».

Язык — среднерусский: «беру манташевские, даю манташевские!»

Запросы простые — заплатить копейку, вышибить рупь.

А тюркский язык — к чему он? Манташев и без него в Париже обойдется, а манташевский рабочий читать все равно не умеет.

Я видел Баку 24-го года.

Свобода наций бурно выплеснулась на каждый дом тюркским алфавитом вывесок.

С неба непрерывный дождь, с боков непролазная грязь (она течет с боков горок, делая улицы непроходимыми). С моря — непродуваемый, непродыхаемый норд-ост.

Каждый день моего недельного визита, пробираясь с кем-нибудь или к кому-нибудь из бакинцев, я слушал бесконечные планы, проекты.

Азцик. Тов. Агамали-Оглы говорит: «Тюркский алфавит — уже препятствие нашей культуре, мы переведем его на европейский, латинский».

Азнефть. Тов. Киферис говорит: «Желонки, фонтаны уже препятствие для нефтепромышленности. Мы переведем ее, выравняем на Америку, на групповой привод».

Азпролеты. Поэт говорит: экзотика, чадры, «синь тюркская» и прочие восточные сладости, вывозимые отсюда Есениным,— уже препятствие для нашей культуры,— мы должны ориентировать ее на рабочего, на индустрию.

После годовщины десятилетия я опять объехал Баку.

Часов в 6 утра протираю глаза. И от утра, и от необычайности зрелища. Навстречу прогромыхал электропоезд. Огромнейшие, чистейшие вагоны поднимали к проводам пàры стальных иксов. На таких иксах вели поезда электровозы по тоннелям под Нью-Йорком. В двадцать четвертом я трясся здесь в чем-то теплушечном, обдаваемый копотью. Тогда дорога шла через песок и пустырь, сейчас — через европейские коттеджи, в садиках и цветниках.

Въезжаю в Баку.

В первый раз в жизни читаю тюркские слова вывесок латинским шрифтом.

Этот шрифт — культурнейшая революция,— это сближены пониманием начертания — четверти человечества.

Хожу. На пригорке сад. Лестница белого камня. Было кладбище. Велели родственников перенести. Теперь разрастается парк и сад, а лестница из невзятых памятников.

Вечером читаю в Доме тюркской культуры. До начала меня ведут в просторный зал читальни. Тов. Юрин, талантливый поэт из Бакинской ассоциации пролетписателей, знакомит с тюркскими, уже большими и знаменитыми (4 года!) писателями.

На столе развернуты журналы — толстый лит-политический — полутюркский, полулатинский алфавит. Тоньше — пионерский.

Это уже не сколок с московской культуры. Разница не количественная, а качественная. Это столичная культура — экономического, политического и культурного центра Азербайджана.

Сходства культуры — это не насилие сотни миллионов над десятком,— это общность идей одного трудового человечества, на разных языках строящего одну коммунистическую культуру.

На другой день я сорок минут мчал трамваем через новенький город в клуб Шаумяна — рабочие-подростки слушали стихи, не шелохнувшись, а потом — засыпали снегом записок.

— Что такое рифма?

— Как выучиться стать поэтом?.. и т. д.

Через три часа заторопились, но и торопливость особенная.

— Кончай, товарищ, а то завтра, в 7 утра трубы таскать, а уходить не хочется.

Я взялся писать и о Минске, и о Харькове, и о Краснодаре, и о Казани, но не могу оторваться на коротком расстоянии фельетона и от одного Баку.

Поэты и писатели, где живая хроника городов и людей?

Жизнь интереснее и сложнее поэтических и беллетристических книг о ней.

Я видел, как хохотали рабочие Баку над Яковом Шведовым, повертевшимся по Баку в качестве метра и потом тиснувшего в Москве стих (проснитесь, тов. редактор! У вас есть Б. С. Э.?) о том, что баржи наливаются нефтью прямо в Баку и прямо прут на Босфор, и даже без крохотной пересадки. А в хвост к этому стиху пристегнул от стиха бакинского поэта Юрина и без всяких кавычек.

Это пишет «знаменитый», бывший в Баку, а что пишут не знаменитые и не бывшие?

Провинция слопает! — так, что ли?

Фактов я еще наприведу в других очерках, но выводы и сейчас ясны.

Провинций много и сейчас, но они не то и не там, где были раньше. Провинция — думать, что для стихов подойдет и Каспийское море, впадающее в Черное.

Провинция — думать, что стихи величественнее газетной заметки, хотя их, как видите, можно высасывать из пальца (даже из чужого!), и никто за это из поэтов не выгоняет.

По Советской республике накопились новые факты, и ловить их в записную книжку интереснее, чем размусоливать потрепанный любовный фактик в целый роман или рассказ. Интереснее и читателю и писателю. Если писатель продолжит по-старому, его перерастет и массовый читатель, как уже перерос многие категории культработников.

Союз Советских Республик — это не политическая формула. Это жизнь тела территорий и наций со светлыми и особенными головами столиц.

[*1928*]

ВАРИАНТЫ
И
РАЗНОЧТЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Без руля и без ветрил (стр. 7)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 7, 8 января:

26—28 Задумался,
губки
сердечком сложа;

Три тысячи и три сестры (стр. 13)

Беловой автограф и газ. «Ленинградская правда», 1928, № 18, 21 января:

Заглавие: 3003
сестры

1—3 Помню
раньше
дела провинции:

Вместо строк 11—14:

«В Москву!
В Москву!
В Москву!
В Москву!
В Москву!
В Москву!!
В Москву!!!

22—25 Москва — пиджачок—
для Союза узок...
И видно мне,
за столицей столица

37—39 живой
громóвый
железобетонный.

42—43 Поезда
разбежались свистать
50—56 ласкало
безрыбое море,—
дворцом и бульваром
ласкает Баку
того,
кто нефтью изморен.
57—59 А здесь,
где афишу
щипала коза

Беловой автограф с поправками в записной книжке 1928 г., № 54:
Заглавие отсутствует.

1—3 I Я помню
чем раньше
была провинция
II Помните
раньше
дела провинции?
III Помню
раньше
дела провинции —
7—8 I не три
три тысячи
впада⟨я⟩
II не три
три тысячи
до боли скул
III три тысячи три
до боли скул

После строки 14:
в Моску
в Моску
в Моску [1]
40—41 I За горами угля
километрами рельс
II За горами угля́
и рельс

[1] Пародийное воспроизведение французского «Moscou» русской транскрипцией.

50—51 ласкало
безрыбое море
57—59 I Где раньше
афиши
щипала коза,
II А здесь
где афиши
щипала коза
62—63 I величьем сказаний
встает Казань
II сказанием
встает Казань

Дядя ЭМЭСПЭО (стр. 16)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 21, 25 января:
Эпиграф отсутствует.
7—8 в голод
знаньем грузятся
53—54 в месяц
на все
15 рублей!»
67—68 с поднебесья на вонючие столовки

Екатеринбург — Свердловск (стр. 19)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г. № 55:
Заглавие отсутствует.
3—5 I из перепутанных
веток и хвои
II из перепутанных
сучьев и хвои
9—10 Особенный город
работник и воин
20—21 У шахт в боках
24—26 I Октябрь миллионы в улицы ринул
II Октябрь из шахт на улицы ринул
35—36 Грабя и испепеляя
37 орда какая то
38—40 прошла по Свердловску войну волоча
67—70 а рядом хибарка
дыра преисподняя

71—74 I У этого города
нету сегодня
II Как будто у города
нету сегодня
75—77 а только завтра
и только вчера
81—83 I За‹свистывай?›
II Свисти
во весь
широченный проспект
94—96 I И *(неразборчиво)*
дымят Тагилы
II И грудью *(неразборчиво)*
дышут Тагилы
97—99 да трубки заводов
курят Иссеты
106—108 у вас
на глазах
городище родится
110—112 из воли уральской труда
и энергии

Не вошедшие в текст заготовки: Влез
в лес
Здесь прел Чернов

Лит. приложение к газ. «Ленинградская правда», 1928, № 4, 25 февраля и газ. «Вечерний Киев», 1928, № 54, 3 марта:

Заглавие: Где золото роют в горах

Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру (стр. 23)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55:

Заглавие: Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении его в новую квартиру

3—4 I Живу как мать произвела родив
II Жил как мать произвела родив
11—12 I Во в ширину вышина во
II Во ширина вышина во
29—30 I Желты краны блестящие крайне
II В одном кране
холодная крайне
33 не тронуть рукой

39—42	I	На каждом кране
	II	На кране одном написано хол
45—46	I	хочется
	II	Придешь усталый вешаться хочется
49—50	I	расхохочется
	II	А чайкой поплещешься и мертвый рас-хохочется
51—52		от этого плещущего щекотанья
66—68		Словом моешься пока охота
72—73	I	Только что рыбы нет и пароходов
	II	Только что нет стерляди и пароходов
77—80	I	Сажа как кора с дерева
	II	С тебя корою с дерева чуть не лыками сходит сажа
81	I	См<ывается>
	II	Слезает стерва
	III	Смывается стерва
82 — 83		И уж разжаришься, распаришься уж
86 — 88	I	и каплет прохладой дождиком душ
	II	и каплет прохладой дождик душ
92 — 94	I	Тебя никакой не возьмет упадок
	II	Никакой тебя не возьмет упадок
95 — 96	I	погладит волосы потре<плет>
	II	погладит волосы поплещет уши
100—102	I	Стираете воду с вашего с тельца
	II	Стираете воду с мокрого с тельца
103—104	I	Мохнатой простыней и полотенцем мохнатым
	II	Полотенцем как зверь мохнатым
105—107	I	чтоб суше <*неразборчиво*>
	II	чтоб суше подошвам полы стелятся
	III	чтоб суше пяткам полы стелятся
108—109		Извините за выражение пробковым матом
110—111	I	оправленная
	II	Себя разглядевши в зеркало вправленное
112—114	I	И в ванну влазь[1]
	II	В рубашку чистую влазь

[1] Первый вариант строк 112—116 и вариант строк 117—119 являются одним из первоначальных набросков стихотворения; в позднейшей переработке строки эти вошли в заключительную строфу.

III В рубашку чистую чистый влазь
IV В рубашку чистую влазь
115—116 I влез и думаю очень интересная
II влез и думаю очень правильная
III Влажу и думаю очень правильная
IV Влажу с удовольствием очень правильная
117—119 эта самая советская власть

Неавторизованная машинописная копия и газ. «Правда», М. 1928, № 42, 18 февраля:

Над заглавием: Из книги «Культурная революция»

Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:

Заглавие: Хол. и Гор.

Беловой автограф строк: 1, 29—30, 34—36, 45—46, 53—55, 63—65, 74, 82—83, 91, 100—102, 110—114 в записной книжке 1928 г., № 63 (сентябрь):

63—65 Сидишь и моешься долго долго
82—83 Уж разжаришься распаришься уж
91 Ну и ласковость в этом душе
100—102 Вылезешь ‹из ванны› [1] и трешь тельце
110—114 Поглядевшись в зеркало вправленное
в рубаху чистую влазь

Император (стр. 27)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55:

Заглавие отсутствует.

1—4 I Помню я гимназист
носаст неказист
II ‹Помню› то ли пасха
то ли торжество [2]
вымыто и насухо
расчищено торжество
8—10 По Тверской шпалерами стояли рядовые
16—17 I Так точно арестовать
II Може прикажут арестовать
III Ваше благородие арестовать
18—20 I Полицмейстер крутит на уши ус
II Полицмейстер крутит за уши ус
21—22 пристава козыряют слушаюсь

---

[1] Оборван край листка с текстом.
[2] Описка — вместо «рождество».

23—24	I	И вижу движется ландо
	II	И вижу катится ландо
28	I	в рос⟨кошной?⟩
	II	в холеной бороде
29—36		*отсутствуют.*
37		И зазвонившие колокола
40—41	I	Ура ура государь Николай
	II	Ура царь государь Николай
50—52	I	и остался на ней висеть
	II	Он остался на ней висеть
53—54	I	На всю Сибирь на весь Урал
	II	Во всю Сибирь в⟨о⟩ весь Урал
55	I	идет метельная мура
	II	метельная мура

Первоначальный вариант строк 56—63:

На девятой версте
так же снег блестел
Уж не этот товарищ лес ли
Это он и есть слезли

60—61	I	Захмурел исполкомовский кучер
	II	Примолк исполкомовский кучер
64—65	I	Землю снегом заволокло
	II	Вселенную снегом заволокло
68—72	I	Да лишь брюхатые следы волков и мелкие диких козлов
	II	И лишь по следу диких козлов брюхатый след волков
	III	И только по следу диких козлов брюхатый след волков
	IV	И только следы от брюха волков По следу диких козлов
73—74	I	В шесть пудов шагает он вам
	II	(Шесть пудов для веса ровного)
75—76	I	Будто правит снегов полком он
	II	Будто правит кедров полком он
79—80		Под товарищем предисполкома
88—89	I	Топор этот кедр перетрогал
	II	Здесь этот кедр перетроган
	III	Топором здесь ⟨кедр⟩ перетроган
90—91	I	Зарубки у корня коры
	II	Зарубки под корень коры

92—94 I под этим под кедром
II У корня под кедром дорога
97—98 I Лишь тучи штандартами плавают
II Лишь тучи флагами плавают
99—100 а в тучах птичье вранье
102 I кружится вверху воронье
II ругается воронье
После 105 Ну что ж пожалте сюда палачи
106—107 I Все и бояре и шляхта
II Но знайте бояре и шляхта
108—110 I Корону вновь на башку получить
II Корону можно на лоб получить
III Корону можно у нас получить

Неиспользованные рифмы и строки:

I Снег не маленький
валенки
II Снегу навалено
валенок
I положили
Скопе
жилы
копей
II В короне из золотожилья
Башкой в изумрудные копи
Лежит как его уложили
на лоб драгоценности копит
I Я вскину две моих пятерни
II Я сразу вскину две пятерни
I Что я голосую против
II Я голосую против
Спросите руку твою протяни
казнить или нет человечьи дни
не встать мне на повороте
Живые так можно в зверинец их
Промежду гиеной и волком
И как ни крошечен толк от живых
от мертвого меньше толку
Мы повернули истории бег
Старье навсегда провожайте
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден

Журнал «Красная новь», М. 1928, кн. 4, апрель:

34—36 свита
едет
в орлах и в гербах

Сборник «Но.с»:

23—24 И видно —
катится ландо,

62—63 и стал
на девятой версте.

Беловой автограф строк: 1—4, 8—9, 18—20, 23—24, 32—37, 44—45, 53—57, 64—65, 81—84, 88, 97—98, 103—105 в записной книжке 1928 г., № 63 (сентябрь).

34—36 Свита прет в орденах и гербах
37 И раззвонившиеся колокола
56—57 За Исетью где горы и кручи

Сердечная просьба (стр. 31)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55:

Заглавие отсутствует.

1—7 I Культурная революция
велено и крыть нечем
и льются и льются
речи речи и речи
II Культурная революция!
И пустились! Каждый вечер
Брызжут слюни фразы льются
пухнут диспуты и речи
8 Потрясая мыслей кладом
11—13 Нынче выступил с докладом
14—15 Сам товарищ Лунамашко
21—22 Что то плел о юбилярах
23—24 о Шекспире и Толстом
27—29 I напрягая мощный рот
II напрягая тихий рот
34—35 Будто ртом чулок вязал он
36—37 I безмятежен говор гладкий
II однотонен говор гладкий
38—40 и мелькали вон из зала
41 I бегством спасшиеся пятки
II уносящиеся пятки

42—43 I чтоб рассеять эту мрачность
II чтоб рассеять гроб и мрачность
50—57 I Вновь выкладывает в пене
II С час выкладывает в пене
арсенал вегетарьянцев
школьники второй ступени
эти мысли носят в ранце
58—66 I умолк когда
Отросла за час у Маркса
под Толстого борода
II Час как частникова такса
час разросся как года
Даже выросла у Маркса
под Толстого борода
67—71 В заключенье
вывод ясен
Прямо поп
хотя не в рясе
72—74 I Надо мя<со>
II Надо рыбу вилкой есть
III Рыбу надо вилкой есть
IV Рыбу ножиком не есть
75—77 I Чай хлестать не надо с блюдца
II Чай в гостях не пейте с блюдца
78 I Это
II Товарищи это и есть
III Это вот оно и есть
80—81 А пока гремело эхо
84—85 Лунамашко рысью ехал
86 I на четырнадц<атый>
II на шестнадцатый доклад
92—93 А революционеры — не очень
94—96 Трибуна это не клирос
97—98 I Наркомпросовские няни
II Слушайте милые няни
III Няни мужского звания
99—100 Советский рабочий вырос
101—102 I и требует точных знаний
II и просит не соску а знания

Две строфы, не вошедшие в текст:

I рассиявшись потом лысин

тряс шишкастой[1] головою
половой
II Пел он будто няня им
тряс шишкастой[2] головою
1 по воспоминаниям
2 и по воспоминаниям
крыл беспутство половое

нагоняя одурь сонную
I он вещает впав в азарт
II повторяет впав в азарт
снова речь произнесенную
8 месяцев назад

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 44, 21 февраля:

92—93 и докладчики...
тоже.

Десятилетняя песня (стр. 34)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55:
Заглавие отсутствует.

4—5 лезли с 16-ти
12 антантовский стан
13—14 I Билась голодная
II Билась советская
21—22 Мы защищали
31—35 Белой ораве
крикнули стой
I Красная армия
с красной звездою
II серые шлемы
с красной звездой
39—41 так же с дороги
любого смахнем
42—43 Хрустнул разломанный
44 Крымский хребет
45—46 Красная крепнет
56 I с самых низов
II с наших низов
57 стомиллионный

---

[1] В автографе описка: «шискастой».
[2] В автографе описка: «шискастой».

61 I двинутся дивизии
II двинут дивизии
67—70 лавы буденовцев
пойдут на рысях
77—79 Славься победная
выше веков

Заготовки, не использованные в стихотворении:

танка
шли в атаку
и пулемет татакал
тюки
танков
утюги

Газ. «Рабочая Москва», 1928, № 46, 23 февраля:

Заглавие: Красноармейская песнь
39—40 так и
любого
77—82 В Красной
в армии
крепни, блестя
сила рабочего,
сила крестьян!

Лозунги-рифмы (стр. 37)

Заготовки-рифмы в записной книжке 1928 г., № 55:

20 показывая
17 газовые
22 Уймет его
25 пулеметово

не вошедшие в текст:

держу его
буржуево

Голубой лампас (стр. 42)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 51:

Заглавие и эпиграф отсутствуют.

3 I Пролил на вечер краску
II Меняет вечер краску
8—11 Туманы и пятна
Темно и непонятно
22—25 I Площадь и ширь соборова

II Тут тебе площадь ширь собор вишь
26—29 I Если путь до небес отделить пополам
вот досюда и дойдут золотые купола
II Пути до небес отдели пополам
до этой черты и дойдут золотые купола
30—31 I А позади посреди дерьма
II А посреди дерьма
III А позади меж сора и дерьма
32 этакой медной гирей
39 I выходит генерал Каледин
II идет генерал Каледин
40—41 За ним другие из метели и тумана
46—47 На рысях краса Расеева
48 Из под шапки свисают пряди
55—56 I бьют тулумбасы
II под бубны и тулумбасы
59—61 И желтеют по ляжкам лампасы
77 от мысли острее сабли
78—79 I закройте старых дней лабаз
II закройся дней ушедших лабаз

После строки 11-й записано двустишие, не вошедшее в текст:

Здесь жить и я бы начал
писать по пастерначьи.

Сборник «Но.с»:
Эпиграф отсутствует.

Лицо классового врага

I. Буржуй-нуво (стр. 45)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55:
Заглавие и подзаголовок отсутствуют.

2—3 он настоен на спирту
8—14 *отсутствуют.*
18—22 I Так буржуев за днями дни
Карикатурил товарищ Дени
II Таких буржуев за днями дни
преподносит нам товарищ Дени
23—24 А буржуй сегодня кроткий
27—29 шляется в косоворотке
30—31 и ничем не отличим
32—34 I Кроткий взгляд и худ с лица
II Взгляд приятный худ с лица

42—44	I	Он лезет под вывески разных артелей
	II	гнездясь под вывеск⟨ой⟩ разных артелей
45—46		дутых как пузырь
47—49		он не любит открытых лон
66—67	I	что вы уйдете растроганным
	II	что вы прослезитесь растроганн⟨о⟩
68—75		не прямо штурмует волк матерый
		твой канцелярский замок
	I	сначала шлет он парламентеров
	II	шлет он сначала парламентеров
78—87	I	Бывает раскиснет работник иной
	II	Бывает раскиснет партиец иной
		еще ничем не замаран
	I	Нэпач⟨?⟩ стоит за его спиной
	II	а он уж стоит за его спиной
94—96	I	Сей заказ получает Сидоров
	II	Получает заказ на сии дрова
97—98		Артель гражданина Сидорова
99—102	I	При⟨носи⟩
	II	Больше Сидоров приноси даров
	III	Больше Сидоров подноси даров
103—110		*отсутствуют.*
113—114		прозодежа для фининспектора
119—120		Обеспечены советские рублики
121		всем достоянием республики
122	I	Миллион оттопырил ⟨карман его⟩
	II	Миллионом набит карман его
125—126	I	Он мечтает увидеть Романова
	II	Он мечтает узреть Романова
139—141		Пускай он лицо свое перекрасил
142	I	грузно
	II	и пузо его не грузно
143—145	I	он враг как прежде рабочего класса
	II	он враг как и прежде рабочего класса
146—148	I	узнан
	II	он должен быть понят и узнан
149—159	I	нажив ножи выкате выгоде
	II	Там где речь о личной выгоде

У него глаза на выкате
Там где речь о трудах для своих нажив
У него не зубы — ножи
163—165 Что кроет времени мрак
169—170 таится классовый враг

Подзаголовок и строки 171—417 отсутствуют.

Заготовки, не вошедшие в текст, записаны после строки 93:

I сева[1]
зева
зава
II прет росток из червонного сева
III произрос росток из сева
и идет о заве слава
что одни слова из зева
у свихнувшегося зава
I Вот и зав у частника
всех делов участником
II зав теперь у частника
пайщик и участник
III Это зав у частника
прибылей участником

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 68, 21 марта:

Строки: 171—417
Подзаголовок: 2. Кулак
319—321 Скостит
в копейку
задолженность с вас
383—384 не вернуть
советского времени

Газ. «Смена», Л. 1928, № 68, 21 марта:

Строки: 171—417
Заглавие: Лицо врага
319—321 Скостит
в копейку
задолженность с вас
383—384 не вернуть
советского времени

Сб. «Слоны в комсомоле», строки 1—170:

Заглавие: Буржуй-нуво

---

[1] В автографе описка «сова».

Даешь тухлые яйца! (стр. 56)

Черновой автограф строк 1—8, 88—95, 104—114 в записной книжке 1928 г., № 55:

88—89 Я бежал от сих насилий

113—114 в десять пальцев свистеть

Газ. «Рабочая Москва», 1928, № 55, 4 марта:

Строки: 96—114

Заглавие: Товарищи, где свистки?

Подзаголовок: (Вместо рецензии)

104—107 Пускай
глупцы
рукоплещут —
— Браво!

Две культуры (стр. 60)

Заготовки строк 71—72, 74—77 в записной книжке 1927—1928 гг., № 56:

71—72 И отдавая дань годам

74—75 Сидит культурная мадам

76—77 и с жир<н>ой мордой пухнет

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55:

Заглавие отсутствует.

1— 2 Я был у дамы в те года

14—15 I Я был культурой поражен
II сижу культурой поражен
III гляжу культурой поражен

17—21 I не режут рыбищу ножом
и не едят с ножа
II никто не режет рыб ножом
никто не ест с ножа

24—25 I ногою
II они одной ногой

28 I аргентинскою тангой
II увлечены тангой

31—32 напившись разных зелий

33—34 I ждущую замужества
II романсы <для> замужества

35 I игру мадмуазели
II двух мадмуазел<ей>

38—39 утробным низким ржанием

52—53 I Вослед гостям ушли когда
II Вослед гостям идут когда

63—64 Она как горил<л>а

67—68		суп переварила
69		У мужичье рыло
71—72		И отдавая дань голам
73		роман сменяя кухней
74—75	I	жила культурная мадам
	II	сидит культурная мадам
	III	живет культурная мадам
78—80		В Париже мадам и ее родня
86—87	I	плит
	II	уводит от плит
	III	от примусов и от плит
91—92		не в танце снующие пары
96—97		но только совсем не на барынь
98—100	I	Не знает работа ни баб ни мужчин
	II	Работа не знает ни баб ни мужчин
101—102	I	Белой работой стала черная
	II	ни белой работы ни черной
	III	ни белый труд и ни черный
105—106	I	раскрепощенная
	II	на фабрике раскрепощенной
107—108		Растет революция Нашей стране
112—115		и голова другая на ней
118—120		Новая культура здравствуй
123—124		в советах управляют государством
125—126	I	ткачиха и швея и кухарка
	II	крестьянка тка⟨чиха и кухарка⟩
	III	крестьянка швея и кухарка

Заготовки, не использованные в тексте:

I	Такую даму
II	Мадам хозяйку помнит всякий
III	Мадам хозяйку знает всякий
I	словестностью с Глашей торгашей
II	а вечером с кухаркой Глашей

Газ. «Труд», М. 1928, № 58, 8 марта и газ. «Звезда», Днепропетровск, 1928, № 58, 8 марта:

38—40	утробным низким ржанием, слушали, кто с кем живет,
73	роман сменяя кухней

Кичо и вино (стр. 64)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 63, 15 марта:

19—21 Но фильм иной
догоняет вино

24—27 *отсутствуют.*

Детский театр из собственной квартирки—вышибают товарищи сатирики (стр. 65)

Газ. «Пионерская правда», М. 1928, № 22, 17 марта:

14—16 за хорошую цену —
смотреть
на сцену.

Парижская коммуна (стр. 67)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55:

Заглавие отсутствует.

1—3		Храни эту память бережно
15—16	I	Волками которые ⟨бесятся⟩
	II	Волком который бесится
32—33	I	ладони
	II	молит подымая ладони
36—37	I	Каледонии
	II	пошли
	III	звенело по Новой Каледонии
38—40	I	Когда п⟨ушечные?⟩
	II	когда ружейные дулица
43—45	I	Сорок тысяч
	II	и 40 тысяч в плевках повели
46—47	I	в сыр⟨ость⟩
	II	в темень тюремных подвалов
51—53	I	партией силу собрав
	II	партией силы собрав
	III	одной громадой бушуя
54—55	I	полков дисциплиной выкрепить гнев
	II	полков дисциплиной выкрепив гнев
58—60	I	И вот выползает веселья лиса
	II	И вот выползает дворянства лиса
61—63	I	праздновать
	II	Буржуи начали праздновать
	III	пошла осмотревшись праздновать
64—66	I	плясать

	II	пошел Галифе сапогами плясать
	III	и сам Галифе припустился плясать
67—68	I	на рвани знамени красного
	II	на клочьях знамени красного
72—73	I	хотелось
	II	и многим бы очень хотелось
76—77	I	мягкотелость
	II	расплылись в мягкотелость
78—80	I	Но мы провести себя не дадим
	II	Но мы себя провести не дадим
91—92	I	Каркаю<т>
	II	Чемберлены каркают вороном
	III	И Кулиджи каркают вороном
93—94	I	Но умных история учит
	II	Но зрячих история учит
95—97		что она приходит повторно
98—100	I	кануном
	II	И явится война кануном
	III	Будет война кануном
101—102	I	Кануном того что близко
	II	За войнами явится близкая
103—104	I	коммуна
	II	вторая Парижская коммуна
105—107		Лондонская римская и берлинская

Газ. «Труд», М. 1928, № 66, 18 марта:

36—37	на каторгах Каледонии

Фабрика мертвых душ (стр. 70)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:

Заглавие: Фабрикант мертвых душ

Эпиграф отсутствует.

8—10		Ваня здесь а Маня там
21—23	I	В райком<е> меж других тирад
	II	В бюро провел докладов ряд
24—25	I	готов вв<ернуть>
	II	готов сказать при случае
	III	райком надул при случае
26—28		у нас ячейка лучшая
29—31	I	Райком папаша горд и рад
	II	Райком с бюро и горд и рад
32		Не жизнь благополучие

37—38 I Ему ве⟨сти⟩
II А он ведет фабричный хор
III А на него фабричный хор
49—50 I Бороться против сусликов
II Бороться против суслика
51—53 I Попов силач Единый чих
II Попов силач Испустит чих
73 I И животное блюдя
II И животного блюдя
83—85 I то и мы таскать не будем
II то и мы носить не будем
86—89 I и комса как верблюды
разбежалась кто куды
II и бегут
III и народ как верблюды
разбежался кто куды
90—93 I внес членский взнос
и не кажет больше нос
II внес рублевку членский взнос
и не кажет больше нос
III Заплативши членский взнос
не показывают нос
100—102 Активист отчаянный
шпарит на гитаре
103—105 От чая льет четыре пота
108—111 Прощай активная работа
прощай любимый комсомол

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 78, 1 апреля:

73 И животного блюдя,

Сб. «Слоны в комсомоле»:

Эпиграф отсутствует.

Нагрузка по макушку (стр. 74)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:

9—10 I Петя резвой рысью
II Петя утром резвой рысью
11—13 мчит на культкомиссию
49—52 я б и часу не помешкал
короля мол ешьте пешкой
59—60 и торчит в кармане френча
62—63 I Посетил собраний двести

II Просидел собраний двести
66—68 I Аж натер мо<золь>
II Аж мозоль на том на месте
III Аж мозоль натер на месте
После 84 словом дела полон рот
95 перегрузок этих

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 81, 5 апреля и сб. «Слоны в комсомоле»:

59—60 и торчит
в кармане френча

Солнечный флаг (стр. 77)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:
Заглавие отсутствует.

4—5 I Вечно гори над нашей республикой [1]
II Вечно гори над республикой нашей
III Вечно сияй над республикой нашей
6—8 I день свет май
II труд мир май
9—13 Рдей над Европой в тюрьмы коробки
майского зарева сноп
14—15 Пар из котла приглушайте топки
16—18 I Вон пар стоп
II Сталь стой стоп
24—26 I проверим на ширь своих демонстраций
II проверим на счетах своих демонстраций
III проверим по счетам шагов демонстраций
27—29 I всех сил мощь
II сил стран мощь
III всех тыщ мощь
30—34 Но маем не стоплена память литая
а в ней чернее чем грач
35—37 I и шли с палачо<м> по лачугам Китая
II идут с палачо<м> по лачугам Китая
III как шли палачи по лачугам Китая
38—40 I стон сон плач
II сон смерть плач
III ночь корчь плач
41—42 В дальних колониях гнет оголеннее
45—46 I В красных знаменах шагайте колонии

---

[1] Возможно, первый вариант является авторской опиской.

II В красных знаменах вступайте колонии
52 I Внимательней ухо и глаз
II Внимание ухо и глаз
53—55 I Слушай английских сабель и пушек
II Слушай движенье антантовских пушек
56—58 I стон визг лязг
II бряк визг лязг
III хряск визг лязг
59—61 I Враг в открытую зубы повыломив
II Враг в открытую зубы повыломил
62—63 I лез под земною корой
II влез под земною корой
64—65 Шахты расчисть и с новою сило‹й›
66—68 I в высь в ширь строй
II в сто сил строй
69—70 I В общее зарево слейте мильоны
II В общее зарево слейтесь мильоны
74—76 I чтоб не свалился утомленный
II чтоб не свалился кто утомленный
III чтоб не свалился один утомленный
IV чтобы никто не отстал утомленный
77—79 I слил нас класс
II нес нас класс
80—83 Время буржую могилу вырой
87—89 I Вечно сияй над республикой мира
II Время зажечь над республикой мира
III Надо зажечь над республикой мира

Заготовки, не вошедшие в текст:

бодр
I Рад
рот смотр
II Вот
рот смотр

Газ. «Правда», 1928, № 101, 1 мая:

Подзаголовок: (Песня-марш)

9—13 Рдей над Европой,
в тюрьмы-коробки
майского зарева сноп!

16—18 Сталь,
стой,
стоп!

52 Целься, ухо и глаз!

56—58 Рев,
визг,
лязг.

74—76 Чтоб
ни один
не отстал утомленный —

Сб. «Слоны в комсомоле»

9—13 Рдей над Европой
в тюрьмы-коробки
майского
зарева
сноп

16—18 Сталь,
стой,
стоп!

«Телевоксы»? Что такое? (стр. 80)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:
Заглавие и эпиграф отсутствуют.

4—5 I ходят телевоксы
II работают телевоксы
III орудуют телевоксы

9—10 и что за профессия

11 I Взглянул и увлекся
II Народ увлекся

12 I Надули мошенники
II Ну и мошенники

20 I Только у железных леших
II У железных леших

21—23 I только ухо огромной величины
II одно ухо огромной величины

24—26 в это ухо
приказы бухай

27—29 может любой наговориться досыта

41—43 I Давай каравай
да стол накрывай
II Икру каравай
крой накрывай

46—48 I кладет вилку ложку и ножик
II вилку выкладывает ложку и ножик

49—50 I Хорошо и чисто это не люди
II Хорошо машина это не люди
51—53 для блеска на ложку плевать не будет
60—61 это значит аппетиту для
62—63 I рюмку подай и суп неси
II рюмку мне и суп неси
64—67 I Затем говоришь си до
II Кончил благодарствую си до
68—69 и вытираешь нос
замасленный от съедания
70—73 I Телевоксы кланяются значит до
свидания
II Это значит до
свидания
74—75 Лампами глаз любезно вращая
телевокс подает перчатки прощай
78—82 I Кладешь ему двугривенный на чай
то есть на машинное масло
II кладу ему всего пятачок на чай
то есть на смазочное масло
83 I Посрамлен бог сам
II Посрамлен и бог сам
85—89 Телевоксы эти
на цветном паркете
97 I Хорошо с автоматом
II Лафа с автоматом
104—107 Скольких можно упразднить заменя
109—110 Или взять например бокс
111—112 I физиономия фонарями зацвела
II рожа фонарями зацвела
118—122 Слушатель спит свернувшись калачиком
Годами доклады одинаковые льются
123—125 I Я бы
II Завесть бы телевокс и пустить докладчиком
126—127 Хотя бы по культурной революции
133—137 левой рукою будут согласовывать
а правой рукой увязывать
138—139 Совершенно достаточно
141—143 I И мир обеспечен поэзией паточной
II И мир обеспечен лирикой паточной
151—152 I Ура

II Марш внешторгцы в Нью-Йорк Сити
153—155 I фокса
II От радости прыгает сердце фокс
III Тряси от радости сердце фокс
IV Играй от радости сердце фокс
159 I Телевокса
II Спасительный телевокс

После строки 43 записано двустишие, не вошедшее в текст:

Телевоксы катятся
столик стелят скатертцей

Беловой автограф:

11 I Нар<од>
II Янки увлекся
68—69 и вытираю нос
обмасленный от съедания
70—73 «Си — до»
это значит —
до—
свидания.
81—82 I то-есть,
II Простите,—
на смазочное масло.
120—122 Доклады
годы
одинаково льются.

Газ. «Смена», Л. 1928, № 110, 13 мая:

68—69 и вытираю нос
обмасленный от съедания
120—122 Доклады
годы
одинаково льются.

Сб. «Слоны в комсомоле»:

70—73 «Си — до»,—
это значит —
до—
свидания.
120—122 Доклады
годы
одинаково льются.

Добудь второй! (стр. 85)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:
Заглавие отсутствует.

11—13 I Хранит миллионной
Вас массы мол
II Хранит миллионной
массы мол
18—19 I Деникин Юденич Краснов
II Деникин Колчак и Краснов
III Юденич Колчак и Краснов
20—21 I Запомнит семнадцатилетних
II Запомнил семнадцатилетних
III Союз восемнадцатилетних
23 I Сдай мильоны
II Сыпь мильоны
27 горд комсомол
37—41 I Метлой миллионной
чтоб старое смел
Краснознаменный
вперед комсомол
II Чтоб веник миллионный
старое смел
Краснознаменный
мети комсомол
42—43 I Червонным отчаянным чортом
II Отчаянным красным чортом
III Красным отчаянным чортом
47—50 I Нам если не третий с четвертым
то нужен орден второй
II Нам нужен не третий с четвертым
нужен орден второй
III Нужен не третий с четвертым
нужен орден второй
IV Нам нужен третий с четвертым
и нужен орден второй
V Чтоб третий зажегся с четвертым
чтоб орден зацвел второй
VI Чтоб третий зацвел с четвертым
чтоб орден зажегся второй
VII Чтоб третий горел с четвертым
чтоб орден горел второй

VIII Чтоб орден третий с четвертым
чтоб орден горел втор⟨ой⟩
IX Зажгитесь третий с четвертым
развес⟨ь⟩ся орден второй
X На знамя третий с четвертым
привинтим орден второй
XI На знамя третий с четвертым
на знамя орден второй
51—52 I Поет с миллионом
II Поет миллионы

Бей белых и зеленых (стр. 87)

Заготовка-рифма в записной книжке 1927 г., № 40:
224 куток
230 гудок
Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:
Заглавие отсутствует.
1—2 Что грустить? Наливайте-ка пейте-ка
3 I бульк французского в горле узком
II бульк французского в горлышке узком
4—9 А вокруг бутылки поэтика
а под хлопанье пробок музыка
10—12 I Дети еще не знали азов
II Дети еще не знают азов
13—14 а уже кутежами балованы
15—16 I пели про то как некий философ
II певали про то как некий философ
23—24 над омаром фарфоровых блюд
25—26 ты спроси Александра Сергеича
39—42 I и пьяный Блок поет я знаю
II и пьяный Блок бурчит я знаю
44—46 И в бокал от пены золоторунный
петербургские буруны
47—49 I черных роз насадили пучки
II черных роз намели пучки
52—59 *отсутствуют.*
60—62 I Сдавались флейты пастушеским дудкам
II Смычки сдавались пастушеским дудкам
III Сдавалися скрипки пастушеским дудкам
65—66 Сергей Есенин прилип к проституткам
68—76 *отсутствуют.*

77—79		Травиаты канареются из театров больших
80—81	I	чтоб плавал на винной волне я
	II	чтоб несся на винной волне я
	III	чтоб мчался на винной волне я
	IV	чтоб в качку мчался на винной волне я
82—84		и каждый подначивает безголос и фальшив
85		Налейте налейте бокалы полнее
86—95		*отсутствуют.*
96—97	I	Рвань окраин и царственный Питер
	II	Рвань окраин и пышный Питер
98—99	I	По канавам жильцов ложите
	II	По канавам жильцы ложитесь
100—101	I	На Руси есть веселие пити
	II	На Руси веселие пити
102—104		Не можем без выпивки жити
105—106	I	Пили под селедку и под свет луны
	II	Пили под селедку и под луч луны
107—108		все от царей и до голи
109—111	I	и паслись по России белые слоны
	II	и завелись под Рязанью белые слоны
	III	и шли на лыжах белые слоны
112—113		и змии в зеленый колер
114—116	I	Но рифме ‹*неразборчиво*›
	II	Но рифме о жирных нечего ныться
	III	Но рифмой о жирных нечего ныться
119—123	I	Пускай согревают под солнцами Ницц наследство своих подагр
	II	Целебно греют солнца Ницц наследство ваших подагр
	III	Целебно греет разная Ницца наследство столь‹ких подагр›
	IV	Целебно греет разная Ницца наследство маститых подагр
124—126		Поэтам и рифмам близка и жалка
127—128	I	российская нищь да голь
	II	рабочая нищь да голь
После 128	I	Над кем небеса взамен потолка
	II	Ей небеса взамен потолка
	III	Над ним небеса взамен потолка
	IV	Тебе небеса взамен потолка
129—131	I	кому времена в коммуну толкать

	II	ему времена в коммуну толкать
	III	тебе времена в коммуну толкать
132—133		но четверть блеснет и вся недолга
134—136	I	и топит его алкоголь
	II	и топит тебя алкоголь
137—138	I	Я вытру подкрашенный густо
	II	Я вытру наложенный густо
139—141		манящий грим искусства
142—147		чтоб рыскало без прикрас вино взбесившейся тушей свиной
148—150	I	в нищий
	II	Вон в подвал вонючий и нищий
151—153	I	винище
	II	хрюкало пьяное рыло винища
	III	вхрюкнуло пьяное рыло винища
154—165	I	Зачем работать зачем бороться
	II	За мной людишки за мной народцы довольно трудиться довольно бороться зовет братву в подвалах задушенную Я вам построю жилплощадь воздушную
166—175		*отсутствуют.*
176—186	I	черепах раскраивает черепа
	II	Панель метет бороденки веник пластает вино в черепах и вдруг медведем встав с четверенек бутылью громит черепа
187—196	I	Женский вой да сочны<й мат его>
	II	Женский вой да бархатный мат его карежат потом тишину на руку жидкий волос наматывая почтению учит жену
197		Хоронитесь только
202—203		прячься за шкапом
205	I	фонари
	II	фонарей сияние
206	I	разбежались клопики
	II	телом клопики
213—220	I	В окне рассвет
	II	В окне рассвело
	III	Светлеет ясь

в голове опустевшей гул
ненужной винтовкой лежит разрядясь
впустую а не по врагу
221—222 Последний выплюнул глоток
225—227 I и с неба убран звезд лоток
II а с неба убран звезд лоток
231—233 Стой отрезвись повремени
234—236 I Завод зазывает дымясь
II но ждет завод раздымясь
237—239 I и тащат в свои мясорубки ремни
II в свои мясорубки тащат ремни
240—241 пуды человечьих мяс
242—244 Песня хрипит под гармонь сложена
248—251 Дочь да червонец пиджак да жена
252—254 I Словом жизнь пропита живьем
II Словом жизнь пропиваем живьем
III Жизнь подитожь — пропиваем живьем
255—260 I Последнее в четверть загнали тряпье
II Последнее в четверть загнали репьем
261—262 I Тонут мильоны донцем низом
II Тонут богатства донцем низом
III Тонут богатства бутылью низом
IV Тонут богатства донцем низом
263—266 I Стойте товарищ а што как пропьем
II Стой товарищ а што как пропьем
267—268 Как сапоги пропьем коммунизм
269—351 *отсутствуют.*

Две строфы, не вошедшие в текст:

I И плакали от радости и хоронили весело
II И плача от радости от похорон веселы
За каменным городом горкою
Россия деревни — Россия села
Тянула замертво горькую

Так была в бутыли закупорена
И проза и совесть Куприна
I И Бальмонты всех стран и бальмонтцы
уходили в кабак налимониться
II Шли Бальмонты всех стран и бальмонтцы
в кабак в ресторан налимониться

Авторизованная машинописная копия:

39 и пьяный

89—90 лакали
лаковые дворяне

173—175 к бутылке
тянутся
руки обе

240—241 кило
человеческих мяс

248—251 Завод
и червонец,
пиджак
и жена.

287—288 и кроет четырежды
пьяный бюджет

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 116, 20 мая и Сочинения, т. 7:

39 и пьяный

89—90 лакали
лаковые дворяне

240—241 кило
человеческих мяс

287—288 и кроет четырежды
пьяный бюджет

Кто он? (стр. 97)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:
Заглавие отсутствует.

4—5 I но в ссоре и с мылом и даже с водой
II но мыла противник и в контрах с водой

6—7 Как будто бы окорока ветчины

8—9 I его небритые щеки от грязи черны
II небритые щеки от грязи черны

12—13 I зубной щеткой нетронутый рот
II зубною щеткой нетронутый рот

17—19 бумажки и щепки промеж волосьями

20—23 а в складках френча безвременный гроб
нашел энергично придавленный клоп

24—25 I двухлетнего пота журчащий родник
II трехлетнего пота журчащий родник

32—33 I им трудно держаться на честном слове
II держащиеся на честном слове

39—41	I	Кто мчится кто скачет резво яро
	II	Кто мчится кто скачет резво и яро
47—49		дымя по дороге куря плюясь
56—59	I	Кто мчится кто гонит кто едет кто скачет
	II	Кто мчится и гонит и едет и скачет
60—62	I	Ответ огурца яснее и кратче
	II	Ответ ясней апельсина и кратче
63—65	I	Не провожусь и одной минутцы я
	II	Ответ положу как на блюдце я
66—67		На диспут мчится и скачет докладчик
68—69	I	на тему культурная революция
	II	а тема культурная революция

Электричество — вид энергии (стр. 99)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52: Заглавие отсутствует.

3—5	I	переживаний базар
	II	частных чувств базар
9—11	I	Используй и страсть и азарт
	II	жадность и страсть и азарт

Красные арапы (стр. 100)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52: Заглавие отсутствует.

6—7		Должно быть у многих союзный билет
8—10		А то и вовсе партийный
11—13	I	Пожалте товарищи игра буль
	II	Ответственный банк игра буль
14—15	I	советское Монако
	II	красное советское Монако
16—17		под лампами с каплями пота на лбу
31—35	I	Последний рубль отрыли в тряпье поставили смотрят серо
	II	Последний рубль отрыл в тряпье поставил смотрит серо
36—38	I	Сверк<нул>
	II	Под лампой сверкнул маникюр крупье
49—50	I	в казну грабастает ставки [1]
	II	в казну заграбастала деньги
51—53		Ты можешь владеть и другим и собой

[1] Повидимому, «ставки» — описка.

Журн. «Октябрь», М. 1928, № 6, июнь:

51—53 Ты можешь
владеть
и другим, и собой

Сб. «Но.с»

29—30 чтобы радоваться
и обмирать

51—53 Ты можешь
владеть
и другим, и собой

Точеные слоны (стр. 103)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:
Заглавие отсутствует.

3—4	I	и поляны какие то такие и
	II	поляны такие и
33—35	I	партнера солоны
	II	потеет капли со лба солоны
	III	потеет и капли со лба солоны
	IV	С партнера капли текут солоны
	V	Со второго капли текут солоны
36—37	I	он бьет и вкривь и вкось
	II	он бьет без разбора и вкось
44—46		забыл куда колотить и обо што
52—54	I	показывает эффе и оттяжки
	II	берет эффе и оттяжки
55—57	I	второй от натуги бурак бураком
	II	второй у⟨же⟩ бурак бураком
60—62	I	двух ура положил дураком
	II	два ура положил дураком
73—75		обязательно больше у саратовца
91—93		и шар от борта промелькнув мельком
95—96	I	И по⟨мер⟩
	II	и умер у лузы в дупле
100—101	I	улыбка пропала во рту
	II	улыбка утопла во рту
102—103	I	упал дураком же не повезло
	II	ровные шансы не повезло
104—105		Но в новую партию счастья весло
106—107	I	Он вырвет у всех фортун
	II	Я вырв⟨у⟩ у всех фортун

114—116 Стоит партнер спокойный как Нансен
131—133 I до новой ночи клятвы и гнет
II до новой ночи клятвы да гнет
III до ночи клятвы и стыдный гнет
136—137 I согнет
II какая сила шею свернет

Журн. «Октябрь», М. 1928, № 6, июнь:

126—130 Бери
в залог
профсоюзный билет.
Не хочешь?
Бери партийный».

После 139 — строки 96—105 стихотворения «Весенняя ночь».

Весенняя ночь (стр. 107)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:
Заглавие отсутствует.

1—3 Мир теплее с каждым туром
4—5 I хоть белье сушиться вешай
II хоть белье сушить навешай
14—17 I зам пред
II Зам зав
III Завхоз начканц комендант и зампред
20—21 I За каждым играющим красный стаж
II За каждым играющим парт стаж
28—30 на бывшем участке бывших баррикад
34—36 наддав прикладом под зад
44—45 он все разворотит как бык
49—50 отыгрывает семерку пик
56—58 I но он сегодня рад как рыба
II А он сегодня рад как рыба
67—69 I Как смел негодною фоскою бить
II Как смел паршивою фоскою бить
70—71 самого моего короля
96—98 I Как строить вам культурный октябрь
II Не в ваших душах взовьется октябрь
III Не с вами строить ⟨культурный октябрь⟩
IV Как с вами поднять культурный октябрь
99—101 I Азарта и лени пленные
II Суматошной лени пленные
III Сумбурной лени пленные

IV Деятельной лени пленные
102—105 I Эх применить эту страсть хотя б
II Эх переключить бы азарт хотя б
III Эх переключить эту страсть хотя б
IV Эх перевесть эту страсть хотя б

Заготовка-рифма, не использованная в стихотворении:

кар
карт

Журн. «Октябрь», М. 1928, № 6, июнь:

22—24 длинит
времен река,
28—30 в бывшем
огне
баррикад
34—36 наддав
прикладом
под зад...
67—69 «Кто смел
паршивою фоской
бить...
96—106 *завершают стихотворение «Точеные слоны»*
96—101 Не с вами
поднять
культурный Октябрь,
сумбурной лени
пленные!..

Сб. «Но. с»:

25—27 Каждый
стоял,
как верный страж,
34—36 наддав
прикладом
под зад
67—69 — «Кто смел
паршивою фоской
бить —

Писатели мы (стр. 110)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 119, 24 мая:

29 — 30 Писатель смаковал —
«Как хороши,

43—44 пишем,
героями потрясав,
62—70 Богсмс — бой,
дисциплина —
строга.
Пальбой подымайте
спящих спокойно!
Долой самодовольство.
С дороги врага.
«Тарзан» —
нарзан.
Словесный курорт.
104—105 нам любо
с газетой бодрствовать!

«Жид» (стр. 116)

Беловой автограф с поправками в записной книжке 1928 г., № 57:

2 I обывательская слизь
II черносотенная слизь
3—6 I Убереглись
от рево<люции>
II Убереглись
от пуль
и зимы
III Схоронились от пуль
и зимы
IV Вы
схоронились
от пуль
и зимы

После 57:
Когда
в трамвае
тесно как в курятнике
I жидом
обложат
бородатые комоды
II и жидом
обложат
бородатые комоды
I это
ста<рые?>

II это
бывшие
полицейские и урядники
пробуют
норов
свой
толстомордый.

58—78 *отсутствуют.*

79—81 I Поэт
в пивной
честит жидом

II Поэт
в пивной
кого-то жидом

165—166 I это в их интересах распересорить
II в его интересах распересорить

180—181 I капиталистов без различия наций
II на богатых без различия наций

190—191 I и хозяева бежавшие в парижские кабаре
II помните бежавшие в парижские кабаре

195—196 I оратор дремлющий в кобуре
II стальной оратор дремлющий в кобуре

206—207 I Я обращаюсь
снова и снова

II Мы обращаемся
снова и снова

214—216 I выплюньте начисто это слово
II выплюньте это омерзительное слово

217—218 I вместе с матерщиной и бранью
II выкиньте с матерщиной и бранью

Заготовка, не использованная в стихотворении:

I Чорт вас возьми тех самых
II Чорт бы вас ⟨взял?⟩ тех самых
I что тело по ⟨морю?⟩
II что тело через море октября перевел
самок

Машинопись с авторской правкой и газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 137, 15 июня:

После 57: Когда
в трамвае
тесно, как в курятнике,

и «жидом»
обложат
бородатые комоды,
это
бывшие
полицейские и урядники
пробуют
норов
свой
толстомордый.

58—78 *отсутствуют*

82—83 костит
под бутылочный звон

Служака (стр. 122)

Афиша «Левей Лефа», 1928, 26 сентября:
Заглавие: Сов-служака

Мы отдыхаем (стр. 126)

Газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 141, 20 июня:
Надзаголовок: Маленький фельетон

Критика самокритики (стр. 130)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59:

1—2		Чем у нас объяты все
3—4	I	где размашисто где куцо
	II	и размашисто и куцо
19—20		Не в рабкоровском мычании
24—25	I	вы пи⟨шите⟩
	II	вы впишите замечания
26—27		и пустите по инстанциям
50—52		с этой самой с директивы
58—60	I	Сутки сряду может крыть
	II	Сутки сряду могут крыть
82—84	I	Быть и ей в архиве мод
	II	Быть тебе в архиве мод
85—86	I	моде на самокопанье
	II	мода на самокопанье
87—89	I	Где ж рабочий вот смотрите
	II	А рабочий он смотрите
	III	А рабкор Рабкор смотрите

92—95 I У него от самокритик
вдрызг пcбаливала грива
II От подобных самокритик
у него трещит загривок
115—116 Товарищи не вриге ка
122—123 I тихо меж нами живут молчальники
II меж нами живут молчальники
124—125 I овцами рабочего класса
II овцы рабочего класса
131—133 I В<ы>рвут
II рвут насилуют воруют
III рвут насилуют и грабят
136—137 молчальнико<в> кожа
143—144 где нам жаловаться
145—148 не прощаться с крохотным
с нашим жалованьицем
156—157 разоблачай с макушки до пят

Безработный (стр. 139)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59:

Заглавие отсутствует.

23—28 но нету строек и фартучный хвистик
висит поникшим собачьим хвостом
29—30 I Смени<ть?>
II В оклейке фасадов дождей перебои
31—33 и небо расцветкой похоже на белку
34—36 Сменить бы на солнце ливней обои
39—41 I О п<ерспективах?>
А должно быть кто-то и где-то докладывал
42—43 I о перспективах о срыве сезона
II о перспективе о срыве сезона
44—47 чтоб эти собрались на месяц и на два
стоять голодая бездельно и сонно
50—51 I чтоб каждый обойщик и каждый маляр
II чтоб это<т> обойщик и это<т> маляр
55—56 тянуться нищенской лапой моля
57—58 Орудовали дураки и вредители
61—62 ругались в бога и крыли в родителей
71—72 Но нас поэтов и маляров
75—77 Быть может из трестов чиновная знать
83—85 кому за срыв досталось по шее
89—90 но нас бы другое устроило знание

91—94 Раскрыть бы спецов по срывам сезона
и выгнать их до весны заранее
95—107 *отсутствуют.*
«Рабочая газета», М. 1928, № 150, 30 июня:
89—90 Но нас бы
другое устроило знание:

Дачный случай (стр. 142)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 58:
Заглавие отсутствует.

1—3 I Я летошний год проживаю опять
II Я нынешний год проживаю опять
19—21 I Жирком одеж отложились года
II Одежным жирком отложились года
24—26 I У бывших товарищей нынешних дам
II Товарищи бывшие стали мадам
28—38 I разминать
лютиков
меня
нуте ка
II Пошли пообедав живот разминать
А ну не размякните нуте ка
Цветов детвора обступает меня
так называемых лютиков
39—41 I Вокруг зеленеет березная рядь
II Вверху зеленеет березная рядь
44—46 Пошли языком ковырять и врать
50—54 без малейшего предлога досадного
без всякой причины зря
61—62 I прежние подымались года
II про⟨шедшие⟩
III ушедшие подымались года
87—89 Моя революция не стала седа
90—91 I кротово
II в жиру не слепнет кротово
94—95 I готово
II всегда молода и готова
Заготовки-рифмы, не использованные в тексте:
Заря
маузера
взирай

Слегка нахальные стихи товарищам из Эмкахи (стр. 145)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59:

Заглавие:		Слегка нахальные стихи товарищу из Эмкахи
8—9		Чтоб на площади и в скверах
12—15		подымая морду вверх чтобы видели великих
25—26	I	отдавая грезам дань я
	II	слышу давши грезам дань я
27—28	I	Звуки
	II	но⟨гки⟩
	III	звуки
	IV	нотки шопота такого
	V	отзвук шопота такого
29—30	I	я назначу вам свиданье
	II	приходите на свиданье
39		строго воспрещается
40—42	I	А там где мороженым морят желудки
	II	А там где мороженое морит желудки
48—50		чтоб не клеить два лица
51—52		Жаров Уткин сделан им
55—56	I	Миг
	II	Но едва лишь
	III	Но лишь только глаза пара
	IV	Но лишь глаз прохожих пара
61		раскорячился карамора
67—69		и летит с колдобин в грязь [1]
74		Порасставили страшилищей —
84—85	I	Р⟨вань⟩
	II	Лом куда ни поглазей
90	I	починили б улицы
	II	вымостили б улицы
97—98		Гоголем и Тимирязевым

Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:

Заглавие: Сов-меценат

---

[1] В автографе описка: «в глаз».

«Общее» и «мое» (стр. 152)

Беловой автограф с поправками:

Заглавие: Общее и мое

28—29 I У парня —
легкость языка

34—35 I речистей
Златоуста

II бубнит
под Златоуста

38—40 I играет
слов
оправой

II играет
слов
оправою

60—62 Блюдя
партийный
древний род

65—68 он
сына
за уши
дерет

72—74 супами
усом
капая:

82—84 I Под граммофон
с женою
час

II Под граммофон
с подругой
час

89—90 сокращены
за древностью

143—146 на вас
глядит
мещан толпа,
на ваши
стол и ложе...

149—150 мы
жизнь свою положим.

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 154, 5 июля:

89—90 сокращены

за древностью

Казань (стр. 161)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59:

Заглавие отсутствует.

27—28 I хоть норвежским хоть шведским мажь

II что норвежским что шведским мажь

37—38 и говорит в кармане порыскав

39—42 Я мариец ваш левый

43—45 дайте я вам прочту по марийски

46—60 *отсутствуют.*

61—63 Как будто бы время взял за чуб я

66—68 рукой своею собственной щупаю

69—70 I бестелую политику

II бестел<ое> слово политика

76—78 I Ворвались в дверь и идут на штурм

II Ворвались в дверь идя на штурм

Беловой автограф с поправками:

39—42 I «Я —

мариец.

Ваш

левый

II «Я —

мариец.

Твой

левый

43—45 I дайте

я

II дай

тебе

прочту по марийски

61—63 I Как будто

время

взял за чуб я

II Как будто

годы

взял за чуб я

Марш — оборона (стр. 166)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие отсутствует.

2 Только и лет

5—8 раз
раз
раз
два

14 жаждут грызни

29 I Д⟨а противогаз?⟩

II Противогаз

39 в ранец положь

89—90 но к лету к зиме ль

Готовься ... (стр. 169)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие отсутствует.

1— 5 *отсутствуют.*

9—11 I Шпора ли не звенит на Деникине

II Не шпора ли звенит на Деникине

III Шпора еще не звенит на Деникине

22—24 I Хоть Врангель теперь в компании ангельей

II Врангель теперь в компании ангельей

25—27 I не куплены ль Англией новые Врангели

II новых накупит Англия Врангелей

31—32 грудь волну крейсерами тискаая

43—44 Не разводить же в тучах кадрили

48—49 крушение

50—52 слаба

53—55 и наша страна одна в окружении

61—68 энергию натяни ровнее струны
на случай заранее крепи оборону
своей рабочей советской страны

Две строки, не вошедшие в текст:

Слушай товарищ в таежных ночах
не шевелится ли новый Колчак

«Рабочая газета», М. 1928, № 159, 11 июля:

31—32 грудь — волну
броненосцем тискаая?!

Готовься! Стой! Строй! (стр. 171)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие отсутствует.

11—13 купили разом знание и разум

19—21 I Республика чтоб враг с тобою

II Республика тебе грозят жестоко

III Республика тебе грозят расправиться жестоко

41—47 *отсутствуют.*

52—53 Не знаем мы войны годов и числ

71—72 I и день и ночь готовьтесь к обороне

II и день и ночь готовься к обороне

73—74 I Чтоб мог ежеминутно наш Союз

II Чтоб мог ежеминутно весь Союз

Товарищи, поспорьте о красном спорте! (стр. 174)

Беловой автограф с поправками:

33—35 I Постепенно
забывая
все на свете

II Постепенно
забывает
все на свете

49—50 клубные
гоняются ловцы

73—75 I величает
Рыкова
«Заведующим СТО»

II величает Рыкова
«Заведующий СТО»

89—92 I Но зато
сильны
в другом
клубнич<ном спорте>

II Но зато
сильны
в другом
изящном спорте:

102—104 I В спорт
не внес Октябрь
особых мен.

II В спорт
пока
не внесено особых мен.

Соберитесь и поговорите-ка вровень с критикой писателя и художника, почему так много сапожников-критиков и нет совершенно критики на сапожников? (стр. 178)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 160, 12 июля и Сочинения, т 7:

27—34 орут:
«Расхвали,
раскатай его!»
Каким
содержанием
фарширован Катаев?
Какие
формы у Катаева

81—102 *отсутствуют.*

118—120 крепок ли
у башмака
идеологический базис,

Дом Герцена (стр. 183)

Неавторизованная машинописная копия:

107—108 Обычно
подобные надписи плоски,

Крест и шампанское (стр. 187)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие отсутствует.

1—4 С десяток кораблей меж льдами северными по́были

33—34 бежал трусливый генералишко

35 I А
II Из льдистой толщи
III С льдистой толщи
IV С скользкой толщи

36—37 I страшный лез
II льдистый лез

38 I крик о помощи
II вопль о помощи

51—56 В Европе гибель предвещали по карте
мешали врали подхихикивали недоверчиво

60—62 I железный Красин лез винты свои заверчивая
II железный Красин лез винты заверчивая
66—68 I они разысканы они в туманной яме
II разысканы они они в туманной яме
III разысканы они в туманной яме
72—74 I что мы хозяйничаем этими ⟨краями⟩
II что мы повелеваем льдистыми ⟨краями⟩
III что мы хозяйничаем льдистыми ⟨краями⟩
78—79 что нахалтурили начальник и Италия
83—85 Мы ждем от Нобиле живого слова
88—89 предали мертвого или живого
93—98 а мы в пространство льда врезаясь в белое
работу сделали и сделаем
104—106 мы должны отыскать матроса

Машинописная копия с авторской правкой:

1—4 С десяток кораблей
меж льдами
северными
пóбыли
33—34 бежал
трусливый генералишко
54—70 *отсутствуют — оторван конец листа.*
90—108 *отсутствуют — оторван конец листа.*

Странно ... но верно (стр. 191)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

4—6 гражданин Советов варвар
15—17 I героична сердечна и гуманна
II сердечна и гуманна
18—19 Нобиле в Ленинграде
22—23 I И скоро о помсщи радио
II Чт⟨об?⟩
III Скоро о помсщи радио
29—30 разобрались у нас в академии
33—34 I и радио слал в отчаянии
II радио шлет в отчаянии
39—41 Мы лед пробиваем тараном

О том, как некие сектантцы зовут рабочего на танцы (стр. 193)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60.

Текст записан в строку, после размечены «ступеньки».

Эпиграф отсутствует.

14—15 I на туалеты из батиста

II на платье лучшего батиста
17—19 I мы попадаем у баптистов
II ты попадаешь у баптистов
31—33 I Айда на бал рабочие
II Айда бегом на бал рабочие
36—37 I и языки прочие
II и языки и проч⟨е⟩е
38—39 I Не пы⟨тайтесь?⟩
II Открыть не трудно сектантский ларчик

Каждый сам себе ВЦИК (стр. 195)

Газ. «Правда», М. 1928, № 165, 18 июля и Сочинения, т. 7:
13—25 *отсутствуют.*

Дом Союзов 17 июля (стр. 197)

Газ. «Ленинградская правда», 1928, № 166, 19 июля:
12—14 Возбуждена
главным
мысль моя,
26—39 Историю
движет
не знатная шайка
не деньги,
не титул,
а имя.
Коминтерн,
рабочая спайка
движет
дни
непобедимо.
Ветер
в редкость
такое нес.
44—46 на позиции
катится
класс
47—50 Простой Бухарин
из-под замызганных пальм
просто говорит —
потеряли кого...
55—65 *отсутствуют:*

Шестой (стр. 200)

«Рабочая газета», М. 1928, № 166, 19 июля и Сочинения т. 7:
Заглавие: Шестой конгресс Коминтерна

Газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1928, № 167, 20 июля:
Заглавие: Пятьдесят стран

Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево (стр. 203)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 61:
Заглавие: I Рабочий требует жилья хорошего
Товарищи стройте хорошо и дешево
II Дождемся ли мы жилья хорошего
Товарищи стройте хорошо и дешево
11—12 I И после октябрьского вала
II На смывах октябрьского вала
18 вошли из сырых подвалов
21 I другие строят домики
II такие строят домики
32 у них прелестный аппетит
35—36 зайди через двенадцать лет
38 I это ноет то болит
II разное болит
39 На годку двенадцатом
43—44 Жизнь прошла и мы в квартире
60—61 Ветром крыша теребится
65—66 I Надави разъедется
II Дунешь разъедется
67—68 I а сквозь крышу видна
II и сквозь крышу видна
69 I большая Медведица
II большущая Медведица
Строфа, не вошедшая в текст:
I Рабочие
II Работников блузы колеблет ветром
стропила гигантские выся
В одной Москве кубических метров
строим семьсот тысяч
Беловой автограф с поправками:
3—4 I и чинились
и строились наново.

II и чинились

и строили наново.

35—36 «Зайди

через 12 лет!»

43—44 I Срок пройдет —

и мы в квартире.

II Жизнь пройдет —

и мы в квартире.

46—48 для всех

готов

и дом и сад.

Газ. «Правда», М. 1928, № 168, 21 июля:

1— 2 Пять годов

и Москва и Иваново

35—36 «Зайди...

через 12 лет!»

45—52 *отсутствуют* [1].

76—80 *отсутствуют* [2].

Про пешеходов и разинь, вонзивших глазки небу в синь (стр. 206)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие отсутствует.

7—8 Пешеходы ругают шоферов и кондукторов

После 12 Понять ли смертным их и как

Какая ихнья психика

21—22 Она приподнимает бровки

38—39 Но простоят до воскресения

40—41 воспоминая прошлогоднее

47 I плетенка из лесов и вех

II плетенка из каких то вех

69—71 I Пропусти пустой трамвай

II Чорт пусти пустой трамвай

72 I протолкавшись между тетей

II и протолкнувшись между тетей

79—85 *отсутствуют.*

86—87 I Уважаемые товарищи тети

II Уважаемые дяди и тети

90—92 чего вы нос под авто суете

---

[1], [2] См. примечания, стр. 569.

Беловой автограф с поправками:

7—8 Пешеходы ругают
шоферов и кондукторов.

После 12 I Понять ли смертным их и как?
II Понять ли мозгом их и как?
какая ихнья психика?

21—22 она
приподымает бровки...

40—41 воспоминая
прошлогоднее

79—80 Поэтому
и у меня

82—83 язык не поворачивается
обвинять

84—85 ни шофера,
ни кондуктриссы.

После 95 зачеркнуто:

Граждане,
которые не в хворости,
не отставайте
от жизни и скорости.
Мораль и выводы
просты.
Разиня,
покупай костыль.

Газ. «Рабочая Москва», 1928, № 171, 25 июля:

7—8 Пешеходы ругают
шоферов и кондукторов.

Трус (стр. 209)

Беловой автограф строк 119—132:

119—120 Гражданин
чего вы дрожите

121—123 в чем
собственно говоря
дело?!

127—128 Революция требует —
чтоб имелась

Журн. «Крокодил», М. 1928, № 28, июль:

Заглавие: Дражэ

Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:
Заглавие: Сов-трус
Сб. «Без доклада не входить»:
Заглавие: Дражэ
97—101 Боится автобусов,
Эркаи,
начальства,
жены,
гриппа,
116—118 дрожью
еж
карежит тело...

Помпадур (стр. 213)
Вариант текста по телеграмме, данной Маяковским с дороги в редакцию журн. «Крокодил»:
75—76 I и беспартийный
катится под стол
II и собеседник
свергзился под стол
Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:
Заглавие: Сов-помпадур

7 часов (стр. 217)
«Рабочая газета», М. 1928, № 179, 3 августа:
Эпиграф: *Вместо*: уже перешло||переходит
7—8 в странах,
буржуем сглоданных

Стих не про дрянь, а про дрянцо. Дрянцо хлещите рифм концом (стр. 219)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 61:
Заглавие: Рифма концом
стегай дрянцо
4—5 I воспета в молодости ранней
II воспета молодостью ранней
6—9 I А в<от?>
II Но дрянь не переводится новая грянь
песня о новой дряни
13—14 I Подновили построй<ки>
II Подновили житьишко предназначенное на слом
15—17 вчерашний силач сегодня осел
18—19 странной разновидности сидячим ослом

23—25 I дряни с настоящим характерным лицом
II дрянь с настоящим характерным лицом
29—31 маленькое мелкое дрянцо
34—36 I ко всему приспособился хитрый на уловки
II ко всему приспособился хитер на уловки
37—40 I и у булавок тоже
II Очевидно не даром тоже
и у булавок бывают головки
51—52 ему тепло и не дует
53—54 Так тихонько стираются грани
57—65 I Давно канареек выкинули вон
надели канареечные платьица
с индустриализации завели граммофон
нечего на канареек тратиться
II Давно канареек выкинули вон
нечего на канареек тратиться
с индустриализации завели граммофон
купили канареечные платьица
66—68 I Устроил в квартирке уютную нишку
II Устроил уютную постельную нишку
69—71 I тиною берега тянут
II тисни тело уютные
III его ли крыть
IV Его ль некультурной ругать ли гадиною
V Его некультурной ругать ли гадиною
72—74 I Он любит в уютце перелистывать книжку
II Берет и с удовольствием перелистывает книжку

Беловой автограф в записной книжке 1928 г., № 61:

6—9 I Но дрянь не переводится
Новая грянь
песня
о новой дряни.
II Но дрянь не переводится
Новый грянь
стих
о новой дряни:

Афиша «Левей Лефа», 1928, 26 сентября:

Заглавие: Сов-обыватель

Крым (стр. 222)

Черновой автограф строк 1—12 на листе из блокнота:

1—2 I Ведь глупо назвать его Красная Ницца

II И глупо назвать его Красная Ницца
6—8 I Этому Крыму с чем сравниться
II Нашему Крыму с чем сравниться
9—12 I Не с чем этому Крыму сравниваться
II Просто не с чем Крыму сравниваться
III Крыму просто не с чем сравниваться

Беловой автограф с поправками:

21—23 в цветах
и вине
Массандра
64—66 I очень
скоро
буду<т грозди>
II с гор
скоро
навезут грозди.
98—101 I Только
II Рвало
здесь
землетрясение
дороги петли

Место написания стихотворения:

I Ялта
II Алупка

Небесный чердак (стр. 226)

Черновой автограф на листе из блокнота:

Заглавие отсутствует.

1—2 I Мы пролетели мы миновали
II Мы пролетели и миновали
3—4 I Странных много наименований
II Села многих наименований
III Села курьезных наименований
10—12 I Сууксу показал кипарисов носы
II Сууксу показал кипарисы носы
13—14 I Унесся в туманную синь
II И унесся в туманную синь
15—22 I Ту
же —
груз
уф

у —
же
Гурз —
уф
II по
ра
груз
уф
III Го —
ра
груз
уф
по
ра
<Гурз
уф>
27—29 правильнее было б сказать Алушка
30—31 I а они как дети называют Алушга
II а они как дети Алушта
32—34 *отсутствуют.*
52—53 и только на поляне
57 мотор хохотун
62 ходу
Строки, не использованные в стихотворении:
пар
шол
про
шол
I где дорожною рекою
подплывали к Деренкою
II Мы дорогою рекою
Черновой автограф строк 55—65 в записной книжке 1928 г., № 62:
63—65 И мы через час в Симферополе
Беловой автограф с поправками:
3—4 I села
странных наименований
II местности
странных наименований
10—12 I Сууксу
показал
кипарисов носы

II Сууксу

показал

кипарисы носы

Газ. «Ленинградская правда», 1928, № 246, 21 октября:

Подзаголовок: Пейзажный отдыхательный стих

Евпатория (стр. 228)

Неавторизованная машинописная копия с посвящением «Л. Б.» <Л. Ю. Брик> и газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 186, 13 августа:

34—35 грязи

евпаторячие

Земля наша обильна (стр. 230)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 195, 23 августа и Сочинения, т. 7:

22—23 — Простите, товарищи,

купаться негде.—

Рифмованный отчет. Так и надо — крой, Спартакиада! (стр. 236)

Черновой автограф строк 1—12, 53—55, 71, 72—78, 85, 88—90, 105—108 на листе из блокнота:

Заглавие: Так и надо

крой спартакиада

1—3 I Щек и знамен здоровые маки

II Щек и знамен алые маки

III Щек и знамен красные маки

IV Щек и знамен костры маки

Чехословакия

72—78 идут пока

не врежется

отряд норвежцев

85 Латвия

Заготовки, не использованные в тексте:

Медсантруде

Змейки и чаши

украсили груди

Физкультура — борьба за новый быт

Физкультура — военная подготовка трудящихся

Эстония Швейцария Швеция

Немцы

Авторизованная машинописная копия:

Заглавие:	I	Так и надо — крой, спартакиада
	II	Рифмованный отчет. Так и надо — крой, спартакиада.

Товарищи хозяйственники! Ответьте на вопрос вы — что сделано, чтоб выросли Казанцевы и Матросовы? (стр. 240)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие:		Товарищи хозяйственники ответьте на вопрос вы что сделано чтоб выдвинулись Казанцевы и Матросовы
4—5		но чтоб подумать о маленьком
	II	А на изобретателя смотрите кривенько
6—8		Миллионы экономятся на рабочем опыте
9—11	I	но вы на опыт жалеете гривенника
	II	А вы на опыт жалеете гривенника
12—16		Из ваших кабинетов вам видать ли как высунув языки носятся изобретатели
19—22	I	все с тобой вертят вола
	II	все вертят с тобой вола
41—42		вы здесь крошечку ошибку
44—46	I	Вновь ему дор<ога скатерть>
	II	Вновь дорога словно скатерть
54—55		Распродавши стол и платье
65—66	I	парню горы денег снятся
	II	парню аж бифштексы снятся
71—73		и язык сухой и вяленый
76—79		опоздали премиальный на банкет истрачен фонд
107—109		Даешь оживш<и>с лаборатории
115—116		На самом почетном и видном месте

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 189, 16 августа:

1—3	Вы на пустяки деньгу ухлопываете
78—79	на банкет ухлопан фонд

Это те же (стр. 244)

Заготовки к строкам 10—15, 23—27 на листе из блокнота:

10—15 это идут те которые
кривили конторы
23—27 это идут те
плетей

Заготовки, не вошедшие в текст (записаны на машинописной копии стихотворения «Рифмованный отчет»):

На врага пошла
на исконного двинулась

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:
Заглавие отсутствует.

3—5 Глаз в изумленьи держу на теле
6—8 I тело прямое крепкое ладное
II тело здоровое л⟨адное⟩
III тело здоровое ровное ладно⟨е⟩
9 Что же за чудо в самом деле
10—11 I Неужели же это те которых
II Неужели же это те
которые
12 в пятнадцатичасовой темноте
18—20 I безработица выгоняла из фабричных ворот
II безработица выталкивала из фабричных ворот
28—29 I чтоб рвали тело ядра и порох
II чтоб рвали тело об ядра и порох
35—36 I был машиной изуродован
II был трудом изуродован
37—39 I Да это прежняя масса
II Да это прежняя рабочая масса
42—44 I Нам обмускулило обвисшее мясо
II Нам обмускулило висевшее мясо
45—46 10 лет свободного труда

Шутка, похожая на правду (стр. 246)

Беловой автограф с поправками:

85—86 I И Известиям
приятная близость,
II И Известиям
приятна близость

100—102 I страницы
печатная
мысль расплещет
II страницы
печатные
мысль располощут

Корректурные гранки с авторской правкой:

46—50 I «Известиям»
тоже
не весело, братцы,
заскучали
от Орешиных и Зозуль.
II Ниве
тоже
не весело, братцы,
заскучала
от Орешиных и Зозуль.
85—86 I И «Известиям»
приятна близость.
II И Нивам
будет
приятна близость.

Газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 33, 18 августа:

46—48 «Ниве»
очень
невесело, братцы,
85—86 И «Нивам»
будет приятна близость.
100—102 страница
печатная
мысль располощет

Костоломы и мясники (стр. 252)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

Заглавие отсутствует.

1—2 Газетой барабаньте в стихах растрезвоньте
13—14 Неотвратима эта опасность
После 14 [зреет в мире]
15—19 пока существует оружием опоясана
хоть одна страна дерущихся богачей
20—22 не верим потокам речистой патоки

23—25		вижу куда глаза ни кинь
26—28		напяливают боенскую прозодежу фартуки
31—32	I	пока о
	II	пока про запрещение войны
35—40	I	штыками саблями и оружием иным оскаля<сь> выходят из берлоги
	II	штыками саблями и оружием иным Пилсудские оскалясь выходят из берлоги
	III	Пилсудские запахом крови опоены штыками саблями и оружием иным оскалясь выходят из берлоги
41—43	I	Тебя подлавливают Ты пойдешь
	II	Бойня готова Ты пойдешь
	III	Прикажут ты пойдешь
	IV	На вас охотятся Ты пойдешь
	V	Охота за тобою ты пойдешь
45—48		Не обезоружена не развенчана война еще
49—51	I	Красивой кажется слепым и глухим
	II	Любуются блестками мундирной трухи
52—54		И она заявится падалью воняющая
58—63		Готовьте готовьте отца и сына горы готовьте траурных венков
78—80		милому набок своротит рыло
84—86	I	черепов и позвонков хряск
	II	посудой ломаемых позвоночный хряск
87—89		и спрячет смерть у зимы в холодильниках
96—98		и взорванный мир загремит в обрыв
105—110		Наша привычка атака лобовая а потом пером привычное копание
114—115		гремите лозунгами этой кампании
119—121	I	Жизнь защищая стой <скалой>
	II	жизнь защищая стань скалой
	III	мир защищая станьте скалой
122—123		Крикни хозяевам мы не позволим

128—137 *отсутствуют.*

Газ. «Комсомольская правда», 1928 г., 20 августа:

26—28 напяливают
боенскую
прозодежу-фартуки

45—48 Хотите,
не хотите ль,
будет война еще

52—54 Она
заявится
падалью воняющая

81—83 Дюжина
жизней
дешевле полтинника

96—98 И взорванный
мир
загремит об обрыв.

111—113 Товарищи,
не ослабевая —

Сочинения, т. 7:

45—48 Хотите,
не хотите ль
не обезоружена
будет война еще.

96—98 и взорванный
мир
загремит об обрыв

Помощь Наркомпросу, Главискусству в кубе, по жгучему вопросу, вопросу о клубе (стр. 256)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

Заглавие: I С т и х
по вопросу жгучему
и важному в кубе
в помощь Наркомпросу
по вопросу о клубе
II Помощь Наркомпросу
Главискусству в кубе
по жгучему вопросу
вопросу о клубе

Эпиграф отсутствует.

13—15 чтоб клубу расцвесть
а не завять
24—25 умный доклад Авербаха
32—34 Молчанов будет читать стихи
35 под рукоплескания девушек
39 скажем
40—44 *отсутствуют.*
58—59 I без разных скатерт<ей> и прочих финтифлюжин
II без скатерт<ей> разных и прочих финтифлюжин
III без скатерти и прочих финтифлюжин
74—75 не надоедающий и в течение дня
81—83 а слушали честных красных бардов
84—85 и честных красных менестрелей
86—88 I Настоящему кр<итику?>
II Настоящему писателю мил и люб

Беловой автограф с поправками и вставкой:

32—34 I Пускай
Молчанов
читает стихи
II Пусть
Молчанов
читает стихи
35 I под рукоплескания девушек
II под аплодисменты девушек

Строфа 36—44 записана на полях между строками 35 и 45.

81—83 I а слушали
честных
<красных бардов>
II а слушали
бесхитростных
красных бардов
84—85 I и прочих
красных менестрелей
II и прочих
самородков менестрелей

Газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 34, 25 августа и сб. «Без доклада не входить»:

Перед заглавием: Вместо ответа на анкету

Эпиграф отсутствует.

Афиша «Левей Лефа», 1928, 26 сентября:

Заглавие: Клуб

Важнейший совет домашней хозяйке (стр. 259)

Беловой автограф:

Строки 10—18 вставлены на полях.

29—31 I И ссоры
и сор
и сплетни с грязищею

II И ссоры
и сор
и сплетни с грязищей

Размышления у парадного подъезда (стр. 261)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

Заглавие отсутствует.

1—3 Трудно торф доставать из боло<т> из луж

4—6 Трудно кучи мусоров выгребать от рождения[1]

7—8 но самая тяжелая из тяжелых служб

9 хождения по учреждениям

20—21 I В ноздрю указательный перст зарыв

II В ноздрю указательный палец зарыв

III Секретарь указательный в ноздри зарыв

22—23 сидит самомнением задран

24—25 вопросом не оторвать от ноздри

26—27 бормочет зайдите завтра

41—42 I А он не подымает глаза

II не подымает мужчина глаза

45—48 I Рабочий зовем расп<утать>

II Рабочий зовем помочь пора

50—56 Чтоб каждый зам чтоб каждый зав
дело твое моментально взяв
не отвернув чиновный нос
справки тебе немедленно нес

59 обессилевших от хождения

Газ. «Правда», 1928, № 197, 25 августа:

Заглавие: Размышление у парадного подъезда

49 улучшить наш аппарат!

Явление Христа (стр. 263)

Черновой автограф:

11—12 I Он не пешком идет по воде

---

[1] Строки 4—6 вписаны позже чернилами.

II Христос не пешком идет по воде
13—15 I Ноги мочить не охота
II Подметки мочить не охота
16—17 I Он развалился смокинг надев
II Христос новоявленный смокинг надев
III Христос новоявленный смокинг надел
18—20 и едет в Париж пароходом
30 I долларовое сияньице
II долларное сияньице
34—35 I он будет от чистого сердца
II и будет от чистого сердца
41—45 I Пускай в конце договорного листа
просыхают подпись
II Подписан мир на глади листа
промокнуты подписи насухо
55—57 и самый могучий на свете флот
60—62 Готов у Христа для всех арсенал
73—74 I и речи текут без шлюзов
II на фоне пальмовых веток
75—77 крестьянин рабочий плотнее стань
78—79 I Стражей свободы союза
II На страже свободы союза
III Защитой свободы советов

Повальная болезнь (стр. 266)

Черновой автограф:

Заглавие отсутствует.

42—43 I Вот мамаша всех забыв
II А мамаша всех забьет
66—68 I навострил из дома лыжи
II навострю из дома лыжи

Белсвой автограф:

40—41 I всем
лежащим под рукой
II всем
лежащим под рукою
69—75 Красная спартакиада
весь союз позаразила.
Каждый
надо иль не надо

спорт
    к себе
        заносит на дом
и тщедушный
        и верзила.

Баллада о бюрократе и о рабкоре (стр. 269)

Заготовка к строкам 26—27, 36—37, 46—47, 55—56, 63—64 в записной книжке 1928 г., № 62:

Васька слушает да ест

Заготовка-рифма, не использованная в стихотворении:

безопасность
гласность

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 201, 30 августа и сб. «Без доклада не входить»:

89—90 под френчем
    схвати за жабры.

Плюшкин. Послеоктябрьский скопидом обстраивает стол и дом (стр. 272)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 61:

Заглавие: I Послеоктябрьский скопидом обстраивает и
II Послеоктябрьский скопидом обстраивает жизнь и дом
11 Многосортны эти люди
14—15 I этот парень не забудет
II этот дядя не забудет
27 I думает он по-своему
II обыватель мыслит по-своему
III думает он по-своему
38—40 I нам
II мне готовят битв года
III нам готовят битв года
48—49 I с блюдца чай привычка свах
II с блюдца пить привычка свах
60—61 укупил четыре гросса
78—79 и покамест дешево
80—84 I что тебе в концертном гвалте
ты не Никиш а бухгалтер
II что же вам в концертном гвалте
вы ж не Никиш а бухгалтер

91—92 I плюхали пушки
II Бурлили бури плюхали пушки

Строфа, не вошедшая в текст:

Вот для чистки нету лучше
посмотрите чуть не даром
я купил на всякий случай
две цистерны скипидара

Беловой автограф в записной книжке 1928 г., № 61:

Заглавие: I Послеоктябрьский скопидом
отстраивает
стол и дом
II Послеоктябрьский скопидом
обстраивает
стол и дом

19—21 I Если
Республике
день затруднел
II Если
Союзу
день затруднел

27 I об⟨ыватель⟩
II этот мыслит по своему

34—35 I и
⟨купить?⟩
II накупить
и приобресть

Неавторизованная машинописная копия; журн. «Крокодил», М. 1928, № 31, август; сб. «Без доклада не входить»:

Заглавие: Послеоктябрьский скопидом
обстраивает стол и дом

Беловой автограф, записанный карандашом рядом с стихотворением «Идиллия», без разбивки на «ступеньки» и без пунктуации:

Заглавие отсутствует.

11 Многосортны эти люди
14—15 этот малый не забудет
19—21 I Если респ⟨ублике⟩
II Если ре⟨спублике⟩
III Если Союзу день затруднел

Строки 28—35 записаны после строки 55:

32—33 запастись всего побольше

34—35 I укупить и приобресть
II накупить и приобресть
36—37 Массу испытаний тяжких
41—42 Где же ж граждане подтяжки
48—49 Пить в прикуску дело свах
70—71 Глядь а палочек и нет
80—81 Вам то что в концертном гвалте
85—86 Знаете на всякий случай
93—95 А этот как был такой и есть

Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:

Заглавие: Сов-Плюшкин

Халтурщик (стр. 275)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие: Халтурщики
14—15 с ним до совершеннолетья
16—18 I можно только что ⟨сюсюкать⟩
II можно только посюсюкать
21—22 отрастив волосьев кущи
29—30 I он из театров покрикивает
II он из опер покрикивает
50—51 I жанр разрежет и поштучно
II жанр изрежет и поштучно
62—63 из Лассаля сделают Калинина
64—67 I Год прошел скатясь в обрыв
К Фердинанду вновь добры
II Близок юбилейный риф
на заказы вновь добры
68 I им помеха волоса ли
II помешают волоса ли
70—71 бодро бороду обрив
83—84 Он к наркому с кистью лазя
90 в канцелярии вождя
97—98 этот нарост бездарности
102—104 I Рабочий крестьянин метлу возьми
II Рабочий крестьянин швабру возьми
105—106 I густо
II метущую чисто и густо
110—112 I искусство
II смети халтуру с искусства

Неавторизованная машинописная копия:

21—22 шевелюру
взбивши кущей
27—33 Это
он
бездарно оря
Нам
из опер покрикивая
Переделывает
жизнь за царя
36—38 Он
возьмет
былую оду
48—49 И узря
заказов нету
64—67 Годы
катятся
в обрыв
вновь
заказчики добры
75—77 И стоит
Лассаль
в продаже
83—86 По приемным
годы
лазя
день-деньской
заказы ждя
107—109 и год
метя
часов по восьми

Журн. «Крокодил», М. 1928, № 33, сентябрь и Сочинения, т. 7:
Заглавие: Халтурщики
Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:
Заглавие: Сов-халтурщик

Всесоюзный поход (стр. 282)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 204, 2 сентября:
38—40 режут
ночь
истошным визгом

73—83 Строй
заместо
пижонских див
культуру,
— свою!—
коллектив.

91—94 где
и как
деньгу расходуют.

Галопщик по писателям (стр. 290)

Беловой автограф с поправками:

57—59 I По лире
крыл
пулемет-обормот

II Лиры
крыл
пулемет-обормот

60—61 I и взяв
поэтические манатки

II и взяв
лирические манатки

120 I для динамита лазейку

II к революции лазейку

147—148 скача
на меня с Олеши

Авторизованная машинописная копия и газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 36, 8 сентября:

147—148 скача
на меня с Олёши

Беловой автограф строк 118—130 в записной книжке 1928 г., № 62:

126—129 Мне только как бы получше уесть

Счастье искусств (стр. 295)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие отсутствует.

9—10 I Жалко губ

II Жалко губы

13—14 I в губы ему бы

II да в губы ему бы
18—19 I звуки все р<ояли́шек>
II слабые звуки роялишек
40—42 I воскрешает радио
II воскрешает нынче радио
45—46 I лозунг и песня текут
II и песня и лозунг текут
54—57 Наш голос не шопот а гром
Наш день прекрасная небыль
58—60 I мы
II Я счастлив что мы живем
61—62 в дни сообщений по небу

После строки 23 записано двустишие, не вошедшее в текст:

Эх ему бы
да радиотрубы

Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:
Заглавие: Гимн

Вопль кустаря (стр. 297)

Беловой автограф:

Заглавие: I Вопль кустарей
II Вопль кустаря
8—9 I хотим
индус<триализироваться>
II хотим
механизироваться
43—44 I от ваших
каракуль да строчек
II от ваших
каракулей да строчек
55—57 I хвост
II Аж хвост
отрастишь,
получаючи аванс
75—77 I Немедля
спасителя
мы назовем
II Немедля
избавителя
мы назовем

80—83 I Беги
и купи
сегодня же!
заем
II Товарищ,
беги
и купи
заем

Лучше тоньше, да лучше (стр. 300)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:
Заглавие отсутствует.

1—2 I Я не люблю книжек
II Я не терплю книг
10—11 Я книг не могу терпеть
12—13 I которые пуд весом
II пуд которые весом
III лежащих пудом прессом
14—17 I начистив застежек медь
гордятся золотым обрезом
II начистят застежек медь
гордясь золотым обрезом
20—21 I славы гул
II бунтующий времени гул
24—25 I смогу
II я терпеть не могу
30—31 I вбивает в страницы ⟨обоймы⟩
II но вкладывает в страницы обоймы
34—35 Меня печатать прошу

Враги хлеба (стр. 302)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:
Заглавие: Хлебные враги

6—8 I Любому к щам нужны хлеба
II к щам любому нужны хлеба
12—13 I А кому это выгодно чтоб в наши дни
II Кому это выгодно чтоб в наши дни
16—17 I Только врагу од⟨ни⟩
II Только врагам они одни
22—23 I путаются у коня меж ⟨ногами⟩
II путаются у коней меж ⟨ногами⟩

III между конскими путаются ногами
31—32 I в ухо зудят и не ленятся
II в ухо зудят не ленятся
33—37 крестьянин мол гарнцевый сбор
смотри не плати на мельнице
65—67 I но те кому свобода люба
II но если тебе свобода люба
70—75 I кто хочет чтоб те съедали хлеба
кто делает <машины и ситцы>
II а хочет чтоб ели его хлеба
делатели машин и ситцев

Беловой автограф с поправками:

33—37 I Крестьянин
хлебом
гарнцевый сбор
смотри
не плати на мельнице
II Крестьянин
советуем
гарнцевый сбор
им
не плати на мельнице...

Вегетарианцы (стр. 308)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 63:

Заглавие отсутствует.

1—3 Бородой своей белея
9 Каждый вечер
17—18 мы против высшей меры
20—21 орут не надо армии
27—29 Прекрасный по-моему лозунг кидается
39—41 Можете там не снедаемы ленью
42—43 I разагитировать страну Чемберленью
II поагитировать страну Чемберленью

Беловой автограф с поправками:

Заглавие: I Беленький юбилей
II Вегетари<анцы>
1— 3 I Бородой своей белея
II Обликом своим белея

1—5 *перечеркнуты и восстановлены* [1]
9 I Каждый вечер
II В тихий вечер
22—26 *перечеркнуты и восстановлены* [2]
27—29 I Прекрасный
по моему
лозунг кидается
II Не глупый
по моему
лозунг кидается

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 217, 18 сентября:
Строки 1—5 и 22—26 отсутствуют.

Студенту пролетарию (стр. 312)

Беловой автограф с поправками:
Заглавие: I Студенту пролетарию
II Студент пролетари<й?>
36—38 На тифы,
на оспы
в бой
50—52 I землю
сами
без бога улучшим
II Землю
сами
без бога утучним
88—93 I мы
пройдя
пролетарский вуз
для подъема
выстроим кран
II мы
построим
пройдя вуз
для подъема
хозяйства
кран

[1, 2] Справа от перечеркнутых строк Маяковский написал: «Надо».

Журн. «Красное студенчество», М. учебный год 1928/29, № 1, 1 октября:

36—38 на тифы,
на оспы
в бой

Даешь автомобиль! (стр. 315)

Черновой автограф на обороте беловой рукописи «Студенту пролетарию»:

Заглавие отсутствует.

1—2	I	Мы пешеходы шага<е>м в пыли
	II	Мы пешеходы шага<е>м пылью
5—7	I	лазить
	II	Ездить в кузове автомобильном
	III	Лезть в карету в автомобилью
11—12		Товарищ нечего пешком сопеть
18—19		должен быть автомобиль
20—33		*отсутствуют.*
34—35		Нечего тогда рабочему <люду>
41—42		И дешевы и в рассрочку [1]

Рассказ рабочего Павла Катушкина о приобретении одного чемодана (стр. 317)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

Заглавие отсутствует.

13—14	I	на фибровой крышке расчерчен узор
18—19	I	громкоговоритель системы Дифузор
	II	репродуктор типа Дифузор
27—29	I	одна механика и никакого волшебства
	II	словом механика и никакого волшебства
37—42	I	А тут тебе утром ало ало с вами хочет разговаривать тов. Калинин
	II	И тут к тебе из чемодана Алло ало К вам сейчас появются товарищ Калинин
	III	А тут к тебе из чемодана Алло ало К вам сейчас появются товарищ Калинин
48—49		Мы говорим его выбрали

---

[1] По-видимому, описка — вместо «и в рассрочку и дешевы».

53—55 Пусть Михал Иваныч с нами говорит

Строки 56—63 записаны сначала в последовательности: 59—62, 58, 56—57, 63 и затем переставлены.

56— 57 и вид на урожай и на промышленность вид
79— 81 Львов послушать пожалуйста вот они
91— 93 Завтра воскресение в самую рань
97— 99 правда часто играют дрянь
105—107 либо с докладом с музыкой либо
108—109 Советской власти с Маркони и Эдисонами

Беловой автограф:

Над заглавием:

I Из книги Культурное радио[1]
II Из книги Культурная революция

56—57 I И вид
II О видах на урожаи
и на промышленность вид

108—109 Советской власти
с Маркони и Эдисонами

Сочинения, т. 7

108—109 Советской власти
с Поповыми и Эдисонами

Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября.

Заглавие: Радио

Сб. «Без доклада не входить»

108—109 Советской власти
с Маркони и Эдисонами

Горящий волос (стр. 321)

Беловой автограф с поправками:

25—28 I Склян‹ка›
II Вижу —
склянка.
В склянке —
волос

29—30 Но, между прочим,
не из бороды и усов...

32—33 I склянку
под потолок подвесил он.
II склянку
под потолок навéсил он.

---

[1] Возможно, описка.

51—53 Что ты,
папаша,
грепишься?»

80—82 ежели б ей
образование.

Афиша «Левей Лефа», 1928 г., 26 сентября:
Заглавие: Электричество

Поиски носков (стр. 324)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 63:
Заглавие отсутствует.

27—30 I и в мясо какие то щепки и узлы
II и в ногу сучки задоринки и узлы
31—32 вонзаются из фильдекоса
33—35 Третьи на таксу фасон нехитрый
37—40 У носков у этих цвет панихиды
42—44 I Четвертые соперничают с любой рекой
II Четвертые соперничают с Волгой рекой
53—54 Пятый носок ценой раззор
93—94 Это не значит что влюбленный

Почему? (стр. 327)

Беловой автограф с поправками:

9—11 I борцам
бытовым
присуждать ⟨премии⟩
II борцам
бытовым
премии?
42—44 I Чего
притаились
жетоны жалея?!
II Чего
притаились
жетон жалея?!

Рассказ одного об одной мечте (стр. 337)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:
Заглавие отсутствует.

8—10 I будет значит лотерея Автодорова
II будет жду лотерея Автодорова
13—14 лотереи оскомину набили
17—18 и думаю об автомобиле

25—26 I тридца⟨ть⟩ киломегров
II в час километров 30 пру
45—46 рядом по ветру развеяв флажки
49—51 I птицы
II а птицы догоняя
III а птицы запыхавшись высунули языки
59—60 I Сутки увели⟨чены⟩
II Сутки удвоены скорость не шутка
63—66 I стало сразу в коротких сутках
ровно 48 часов
II сразу тебе в коротких сутках
стало 48 часов
75—77 и даже представьте ничего не гадит
94—99 I Обгоняй лошадей товарищ НАМИ
Обгоняй лошадей АМО
II Крой лошадей товарищ НАМИ
Крой лошадей АМО
100—101 *отсутствуют.*

Беловой автограф и журн. «За рулем», М. 1928, № 6, сентябрь:

Над заглавием: Из книги Культурная революция

100—101 Еду
я
в автомобиле катя

Идиллия (стр. 340)

Заготовки-рифмы в записной книжке 1927—1928 гг., № 56:

15 гари
13 пыли
16 Гар⟨р⟩ей
17 Пилей

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60:

Заглавие отсутствует.

46—47 тетя служит в Коминтерне
50—52 смотрят с час листами вея
53—55 I звякнет
II полиставши спросит Фия
56—57 I Клара Цеткин это фея
II те⟨тя⟩
III папа Цеткин это фея
58—60 I старший бра⟨тец⟩
II братец Павлик фыркнул фи как

73—75	I	пизырь коки черви масти
	II	пизырь коки игры масти
76—77	I	игровой обряд сполна
	II	игр обряд свершен сполна
81—82	I	семь фарфоровых слонов
	II	три фарфоровых слона
86—88	I	вьет дымок
	II	вьет домком семейный дым
	III	вьет очаг семейный дым
89—91		и доволен он домком<ом>
96—97	I	покрывает приближающийся гул
	II	покрывает битвы приближающийся гул
	III	покрывает приближающийся битвы гул
98—100	I	Слушайте заплывшие господа мещане
	II	Слушайте многоуважаемые господа мещане
	III	в трубы в самоварные господа мещане

Беловой автограф, записанный карандашом справа от стихотворения «Плюшкин», без разбивки на «ступеньки» и без пунктуации:

Заглавие отсутствует.

19—21	Желтой дыней лампа свисла
29—31	Трудно править варку стирку
44—45	Это детки Клара Цеткин
46—47	тетя служит в Коминтерне
48—49	Все картинки глазом выев
50—52	смотрят детки Нивой вея
65—66	Граммофон кричит неистов
67—68	целый день зудит романс
89—91	И доволен он домкомом
96—97	Бури приближающейся кроет гул

Запись-памятка строк 1—2, 9—13, 19—21, 29—31, 39—41, 48—49, сделанная вслед за аналогичной записью строк «Стихотворения о проданной телятине», в записной книжке 1929 г., № 67:

9—11	Желтые обои кари
19—21	Желтой дыней лампа свисла
29—31	Трудно править варку стирку
48—49	все картинки глазом выев

Столп (стр. 343)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

Заглавие отсутствует.

1—2	I	Товарищ Попов от сохи и плуга
	II	Товарищ Попов чуть-чуть не от плуга
3—5	I	Чуть-чуть ли не от сохи
	II	Чуть-чуть не от станка и сохи
6—9	I	Он сам партиец но он перепуган
	II	Он чуть не партиец но он перепуган
14—16	I	Союза
	II	любая колеблется глыба
17—19	I	чистят кого аж волосья
	II	кроют кого аж волосья
20—22		встают от критики дыбом
35—37	I	такая критика это яд
	II	критика снизу это яд
38—39	I	критика сверху это лекарство
	II	а сверху вот это лекарство
	III	сверху вот это лекарство
40—43	I	нельзя ж позволить низам подряд
	II	но можно ль позволить низам подряд
51—53		Ну я ошибся так в тресте ж моем
56—57	I	Ведь можно ж не задевая никаких столпов
	II	Ведь можно ж не задевая столпов
85—86		а послезавтра Совнарком
89—90	I	разговор о подрывах ложь
	II	болтовня о подрывах ложь
91—93		Сказали мы чтоб в лоб а не пятясь

Во избежание умственных брожений, стихи написав, объясняю их: стихи в защиту трудовых сбережений, но против стяжателей, глупых и скупых (стр. 346)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

Заглавие: 3—4	I	Стихи написал и объясняю их
	II	стихи написав объясняю их
Заглавие: 8—10		но против стяжателей слепых и скупых
7—8	I	Тот кто глуп на книжку эту
	II	Иванов на книжку эту
20—22	I	все ж в кино идет не вместе
	II	он в кино идет не вместе
33—34	I	друга выгонит из дома

II брата выгонит из дома
54—56 но его на случай спрятав
60—62 Какое дело до стройки и ломки
68—69 личная своя экономия
85—86 I помни
II но надо чтоб книжкой сберегательной
III но помни чтоб книжкой сберегательной
97—99 скупые глаза расширь

Беловой автограф с поправками:

33—34 I Др<уга>
II Брата выгонит из дома
54—56 I но
его
II но
кольцо
на случай спрятав
68—69 I своя
гр<ошовая>
II только
своя экономия
82—84 I Кладите
на книжку
лишки
II Клади
на книжку
лишки
97—99 I скупые
глаза расширь!
II на жизнь
глаза расширь!

Зевс-опровержец (стр. 351)

Черновой автограф чернилами в записной книжке 1928 г., № 63:

1—4 *отсутствуют.*
5—13 Как лава из вулкана в смердении и жжении
низвергается в огне и грозе
вот точно так же опровержения
лавятся на страницы газет
14—23 I Вышла газета а в ней
II Вышла газета а в ей
вписано известием новым

I триста пья ⟨пятьдесят?⟩
II Суд признал триста рублей
украдено гражд⟨анином⟩ Поповым
24—28 Еще и краска не просохла а он
пишет от гнева в мыле
33—39 Куда деваться от критических клопов
ихние статьи плоски
Фамилия моя отнюдь не Попов
42—49 Надоели газетные врали
что толку в их волчьем вое
у нас в семействе никогда не крали
53—57 Критики врут по газетам блея
такая критика яд
61—62 а присвоил и триста пятьдесят
63—70 Массам нужно сериозное чтение
а не пустые газетные полоски
примите уверения в совершенном почтении
76—77 впились в рабкоров как клещи

Черновой автограф карандашом в записной книжке 1928 г., № 62: Заглавие отсутствует.

3—4 I и стих одинаков и случаи схожи
II и стих и случаи очень схожи
5—7 I Как вверх из Везувия в смердении и в жжении
II Как вверх из Везувия в смерденьи и в жжении
10—11 точно так же огнедышащие опровержения
12—13 извергаются на поля газет
14—16 Опровергателю всегда найдется повод
17—18 I Ведром заметки лей
II Ведром возражения лей
19—21 Напечатано Суд осудил Попова
27—28 строчит от ярости в мыле
35—36 они бездарны и плоски
50—52 I Я не крал а присвоил
II И я не крал а присвоил
61—62 а присвоил и триста пятьдесят
63—65 Массы требуют сериозного чтения
78—80 не опровергайте ни день ни ночь

Журн. «Крокодил», 1928, № 37, октябрь:

5—7 Как вверх
из Везувия
в смерденьи и в жжении

В чем дело (стр. 354)

Неавторизованная машинописная копия:

Заглавие: Почему?

1—2 Хлеба нету,
хлеба мало.

Поп (стр. 357)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

4—5 I Жестка сатиры палка
II Жестка сатириков палка
6—8 Я не пойду по их стопам
9—11 Мне попов жалко
17—19 Спрашивают не видавшие попов октябрята
20—21 Что это за смешная старуха
24—25 в религии мало прока
31—42 *отсутствуют.*
43—45 I Люди отды<хать?>
II Люди на отдых ездят по месяцам
46—47 I Райский крымский край
II В райский крымский край
53—54 I Богомольцы глупей чем пни
II Богомольцы скупы как пни
55—56 и в месяц не выбубнишь
60—62 I а хочется итти в кинематограф
II а хочется итти в киноматошку

Беловой автограф:

6—8 Я
не пойду
по крокодильским стопам
9—11 I мне
попов
жалко.
II мне
попа
жалко.
24—25 I в (религии)
II от бога
мало прока.

Неавторизованная машинописная копия:

6—8 Я
не пойду
по крокодильским стопам

Сплетник (стр. 363)

Журн. «Крокодил», М. 1928, № 47, декабрь:

51—61 *отсутствуют.*

Сочинения, т. 7:

59—61 говорит,
что Розенель...»

62—71 *отсутствуют.*

74—76 с новостишкой
с дряхлой
с этой,

Ханжа (стр. 367)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

2—3 I к бо<гу>
II бога беспокоит много

23—24 I На вопрос откуда это
II на вопрос откуда взяли

25—26 I Т<ихо>
II Скажет тихо Бог послал

55—57 Вор сидит с ворами вкупе

58—59 он взглянул и скрылся вбок

Первоначальный вариант строк 64—70:

отвернувши нос от вас
обворовывая массу
подытожил Бог подаст

66 I и жирея понемногу
II разжиревши понемногу

69 I жизнь прожил
II день прожил

70 *пропущена в тексте.*

71—80 *отсутствуют.*

81—83 измочалив жене и душу и тело

84—86 женин гнев остудя

89—91 I Брак священный
II Бог нам судья

92—102 *отсутствуют.*
103—104 I пробавляется куличом да пасхой
II пробавляясь куличом да пасхой
105—106 нагоняя довольство и жир
107—109 I пр<оживают?>
II живут как у Христа за пазухой
110—111 кругосветные ханжи

Стихи о разнице вкусов (стр. 371)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 64:
Заглавие отсутствует.

4—6 I Фу какая лошадь ублюдок
II Какая гигантская лошадь ублюдок
7—9 I Но фыркнул
II Верблюд же фыркнул
10—12 I Да ты ж лилипут верблюд недоразвитый
II Ведь ты ж лилипут верблюд недоразвитый
13—17 Но видит бог седобородый
что эти животные разной породы

Журн. «Чудак», М. 1929, № 2, январь:

1—3 Лошадь
сказала,
смотря на верблюда:
7—9 Но фыркнул верблюд:
«Да лошадь разве ты?
13—14 Лишь знает бог седобородый

Стихотворение о проданной телятине (стр. 372)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 64:

4—6 Не зря это слово притянуто рифмачами
13—15 I дамы с кавалерами возбужденней петухов
II дамы кавалеры возбужденней петухов
III месье и мадамы возбужденней петухов
22—24 чем у нас бесплатной простой вони
31—33 по тысячам франков покупают американки
40—42 I Аршинные букв<ы> подымают ор
II Аршины букв подымают ор
48—49 I Въевшись в печенку промежду повис
II И въевшись в печенку промежду повис
57—58 I в углу карикатурка как не затосковать
II сбоку нарисовано как не затосковать

61—63		нарисовано коммунистам сыпет Москва
После 64		А мы мол оскорблены и проходим мимо
65—67	I	На плакате портрет французик как французики
	II	с другого портрет французик как французики
87—88		влюбился Лапорт и по уши и по колени
100—102	I	Чего задумался? Не нравится? Кати
	II	Чего задумался? Хочется? Кати
104—105	I	Билет партийная девственная плева
	II	А билет партийный девственная плева
106—108	I	Сытыми парижскими вечерочками
	II	Лишайтесь с Коти развлекаясь вечерочками
	III	Лишайтесь с Коти пируя вечерочками
109—111	I	где нам ваших буржуев перешибить
	II	Где уж нам уж ваших пере<плевать>
112—113	I	нашими худосочными червончиками
	II	с нашими худосочными червончиками
117—119	I	вы попались милый теленок
	II	вас укупили милый теленок
122—123	I	цепкие лапки уютных квартиренок
	II	за шелковые портьеры уютных квартиренок

Беловой автограф в записной книжке 1928 г., № 65:

7—9 Воришки
по вашему
«нуво-риш»

После 64 Мы, мол,
оскорблены
и проходим мимо

112—113 с нашими
паршивыми червончиками

Неавторизованная машинописная копия строк 104—139:

112—113 с нашими
паршивыми червончиками

Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 292, 16 декабря:

7—9 Воришки,
по вашему
«нуво-риш»

После 64 Мы, мол,
оскорблены
и проходим мимо

Сб. «Туда и обратно»:

После 64 Мы, мол,
оскорблены
и проходим мимо.

Беловой автограф строк 1—3, 13—15, 25—27, 37—39, 48—49, 65—67, 75—80, 85—88, 94—96, 104—105, 114—116, 124—126 в записной книжке 1929 г., № 67:

48—49 и въевшись в печенки промежду повис
65—67 С уголочка карточка
французик как французики
75—80 Должно быть сосуночек первый сорт
ходил бузил под руководством мамаши
85—86 Вырос Лапорт в грудях трещит
114—116 Лапорт вы продались нашему врагу
124—126 Спрашиваю оборвав поэтическую строфу

Стихи о красотах архитектуры (стр. 376)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 64:

Заглавие и эпиграф отсутствуют.

5—7 I кр<асивы>
II прекрасны очень дома ампир
III прекрасны очень пале ампир
8—9 I прекрасны дома ренесанс
II прекрасны пале ренесанс
10—14 I В Париже чтут тротуары метя
творца культурных даров
II Здесь спорят о стилях бульвары метя
искусству почет здоров
III Здесь чтут красоту бульвары метя
искусству почет здоров
15—18 I Сияют века на дощечных медях
великих архитекторов
II сияют векам на дворцовых медях
фамилии архитекторов
19—26 Людовиков дюжин красавцы дворцы
лежат собакой на Сене
а этих дворцов творцы и отцы
27—28 I лежат на обломках в Венсене
II лежат на камнях в Венсене
31—33 I бровь о бровь

II Лишь трется платок о бровь
III Надвинута кепка на бровь
34—36 I На камне в очередь к богу в ряд
II по камню в очередь к богу в ряд
37—38 I 30 гробов
II тридцать рабочих гробов
39—47 I Дело простое дело в том
нету дела проще
1 Дело в том что рух<нул дом>
2 дело в том что строился дом
и рухнул на строящих
II Громок парижских событий содом
но это из нестоющих
наспех буржую строили дом
и дом обвалился на строющих
53—55 Каменное небо и каменные дома
57—58 I Закат позедноват
II Закат кончается час позедноват
59—60 I вечер прикрыл искалеченности
II вечер скрыл искалеченности
61—63 I очень трудно распознавать
II трудно любых распознавать
III трудно любимых распознавать
66—67 I испугались крови
II Дети чего испугались крови
68—70 I от крови щеку
II Отмойте папе от крови щеку
74—75 I вашему мужу кровельщику
II вашему папе кровельщику
95—96 I Горе уймись угомонись
II уймись жена угомонись
97—99 I утри
II слезы утритесь у щек на коре
111 I пухлую руку в перчатке
II пухлую ручку в перчатке
117—120 I Их лозунг прост пасэ а табак
то есть бей до крови
II прикажут им пасэ а табак
и будут бить до крови
121—129 I Один затягивает песню и с ней
идет из толпы разини

1 Но в глаз вогнано⟨ы⟩ обломки пенсне
2 но в глаз вогнали обломки пенсне
3 но врезаны в глаз обломки пенсне
1 об
2 пощечиной палки резины
3 ударом дубины резины
II Слышите крики и песни клочки
домчались на спинах ветров
это ажаны в нос и в очки
наших бьют у метро
130—139 I 1 Любуюсь я из под дома кубика
2 Любуюсь я из за дома кубика
1 на попечение отеческое
2 на радение отеческое
Вот это да вот это республика
вот это демократическая
II 1 Пусть дурню восхваливают свой насест
2 Пусть глупые хвалят свой насест
претит похвальба отеческая
Я славлю тебя републик франсез
свободная и демократическая
140—148 I Свободные на торцах творцы
небесного ждут вознесения
чтоб новые вырастая дворцы
лежали собакой на Сене
II Свободно братья свободно отцы
1 Зд⟨есь⟩
2 ждите здесь вознесения
чтоб новых Людовиков пале и дворцы
легли собакой на Сене
159—166 I В дела во внутренние не вмешиваюсь гостя
лишь думаю куря папироску
граждане на скольких на чьих костях
покоится эта роскошь
II В политику я не влажу гостя
лишь думаю куря папироску
мусье Париж на скольких костях
твоя покоится роскошь

Две строфы, не вошедшие в текст:

В разметанном горем тумане волос
шпильки штыков льдистых

I да парно вокруг на паре колес
II попарно вокруг на паре колес
III Стопарно вокруг на паре колес
ажаны велосипедисты
Уставился как баран в ворота новые
глаза разгипнотизируй бараньи
это тебе свобода слова
свобода совести собрания

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви (стр. 381)

Черновой автограф строк 68—77 в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:

68—77 Любовь это кажется выше рост
I и гру<дь>
II и кажется грудь здорова
и ты бежишь на мороз
рубить и колоть дрова

Черновой автограф строк 1—58, 62—97, 107—121 в записной книжке 1928 г., № 64:

Заглавие отсутствует.

1—10 I Прости комсомол и товарищ Костров
прости с комсомольской ширью
но часть Парижу отпущенных строф
на лирику я растранжирю
II Простите меня товарищ Костров
с присущей душевной ширью
на лирику часть отпущенных строф
растрачу я и растранжирю
11—13 I И входит представьте красавица в зал
II Представьте входит красавица в зал
14—15 в меха и в бусы оправленная
16—18 I И я ей Костров все сказал
II И я эту девушку взял и сказал
19—20 I правильно сказал правильно
II думаю сказал правильно
III правильно сказал или неправильно
26—27 я любил девиц стройнее
33—34 I ты только слушать согласись
II только слушать согласись
38—39 I на прохожей паре чувств
II на случайной паре чувств

40—42 I Я навек любовью ранен
II Я ж навек любовью ранен
44—48 не ловить арканом веры
если б даже уплыла
53 Что в подробности вдаваться
54 I дело простенькое
II шутки бросьте-ка
55—56 мне красавица не двадцать
59—61 *отсутствуют.*
62—65 не те что жгут угольями
а то что горит над горами грудей
66—67 I над волосами джунглями
II и над волосами джунглями
81—82 I вставать
II срываться ревнуя к Копернику
88—97 I Трусь как лодка бортом к борту
льну и думаю про то
1 чтоб опять пошел в работу
2 чтоб опять пошло в работу
сердце стынущий мотор
II Нам любовь не рай да кущи
нам любовь орет про то
что опять работать пущен
сердце выстывший мотор
III Мне любовь не рай да кущи
мне любовь орет про то
что опять работать пущен
сердца выстывший мотор
98—106 *отсутствуют.*
109—111 I Звезд — до чорта!
II в синем небе звезд до чорта
114—116 I звездочета
II я бы стал бы звездочетом
119—120 я хожу стихи пишу
122—180 *отсутствуют.*

Строки, не вошедшие в текст, записаны после строки 52:

I Чего мне корчить аскета
II Мне товарищ не корчить аскета
III Чего мне товарищ корчить аскета
здесь и комсомольская зелень
I Из под ⟨неразборчиво⟩ каскеток

II Из под рабочих каскеток
III из под своих пролетарских каскеток
глаза косит на мамзелей

Беловой автограф в записной книжке 1928 г. хранящийся у Т. Яковлевой (по публикации Р. О. Якобсона):

Заглавие: Тов. Кострову
письмо
о
любви.

14—15 и в бархат
и в бусы оправленная.

26—27 я любил
девиц стройнее

Строки 35—43 следуют за строкой 52.

55—56 Мне красавица
не двадцать

66—67 и над
волосяными джунглями

88—90 Мне
любовь
не рай да кущи

91—93 мне
любовь
гудит про то

137—139 И вот
из пивной
из паршивой столовой

149—150 горит
и блестит оперенье его

Письмо Татьяне Яковлевой (стр. 386)

Черновые заготовки строк 1—2, 5—7, 12, 15—23, 41—46 в записной книжке 1928 г., № 64:

1—2 В целованьи рук ли губ ли
5—7 Красный шелк моих республик
12 любовь
15—17 Я говорю тубо
18—19 I собакам страсти
II собакам беспокойной страсти

Заготовка-рифма к строкам 20—28, не вошедшая в текст:

рядом
рад вам
20—23 брови
странно видеть с бровью вровень
41—43 стрелы молний злы и прямы
44—46 нет не гром а знаю это

Заготовки, не вошедшие в текст:

Если скажешь что не надо
не ворвусь грозиться на дом
губ насильно не помну

это старый пережиток
в глубине моей души
по другому пережита

Беловой автограф в записной книжке 1928 г., хранящейся у Т. Яковлевой (по факсимиле в публикации Р. О. Якобсона):

31—33 пуст
людей
дремучий бор
102—103 Что бояться,
щурясь просто

Ответ на будущие сплетни (стр. 390)

Черновой автограф строк 80—88 в записной книжке 1928 г., № 64:

80—81 I дрянной
II мудрено
III От сплетен мне спастись мудрено
IV От сплетен знаю спастись мудрено
82—83 I но вы
II простите меня пожалуста
III Ну что ж простите пожалуста
84—86 I что я из Парижа привез Рено
II но я из Парижа привез Рено

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 65:

Заглавие отсутствует.

1—3 Молва меня обступает сипя
12—14 I Товарищ смотрите чтоб не было бы
II Товарищ смотрите чтоб не было бед

17—18 I Купили б телегу велосипед
II Купили б дрожки велосипед
19—20 но не более же ж мотоцикла
21—23 I Но это с меня как с гуся вода
II Но сплетня с меня как с гуся вода
31—33 I Довольно я шлепал лиричен и тих
II Довольно я шлепал и дохл и тих
36—38 I Теперь припрятано 6 лошадих
II теперь забензинено 6 лошадих
59—61 в рулях в рессорах и в спицах
65—66 Напрасно товарищи злятся
67—69 Но если объявят опасность но если
78—79 I в кипящую грозную свару
II в последнюю грозную свару
82—83 Ну что ж простите пожалуста

Беловой автограф:

1—3 I Москва
меня
обступает сипя
II Молва
меня
обступает сипя
31—33 I Довольно я шлепал
и дохл
и тих
II Довольно я шлепал
дохл
да тих

НЕОКОНЧЕННОЕ

[Про школу и про учение (из чудной школы дрянные исключения)] (стр. 405)

Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62:

Заглавие: I О школе и учении
(из хорошей школы вредные исключения)
II Про школу и учение
(из хорошей школы дрянные исключения)
9—11 педагогов залежалых проветри
14—15 взяв линейки подлинней
17—18 I Хлещут

II лупят посвистом линеек
31—36 прочитают дрянные тома
чтобы с правой стороны Луну
прочитав устроить по домам
37—38 Опустили глазки кнопки
48—49 но ступают генеральшами
51—58 *отсутствуют.*
65—68 мы выращиваем курочек
для семейного кудахтанья
69—70 Товарищи непорядки в дебрях школ
76—77 I на солнышко и проветрить
II промыть и просушить на ветре

Строфа, не вошедшая в первоначальный текст белового автографа:

В школах разных ступеней
кто то озаботился
чтоб росла глупее пней
смена из оболтусов

ПЛАКАТЫ

Сор — в ящик (стр. 411)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:

7 I Смотреть противно
II Вид противный
8—9 I Пыль корой
II от пыли кора
III от грязи кора
10 I вв⟨ерху?⟩
II висит паутина
III в сетях паутины
11 I окурки горой
II окурков гора
24 I Она
II Это не уборщица
27—28 I Тише товарищи бросьте спор
II Тише товарищи об чем спор
29—30 I Чтоб вам работать в условиях настоящих
II Учите курящих и сорящих
31—34 Будьте культурны разный сор
сами бросайте в мусорный ящик

Береги бак (стр. 412)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., ***№ 52:***

3—4 I Этот бак
II бак с водой грязней собаки
5—6 I Кружка смята сбита крышка
II Кран поломан сбита крышка
7—9 I Му⟨х⟩
II В баке мух полсотни слишком
10 и на вредность не взирая
18—19 I Валяется
II Кружка лежит с такими краями
III А кружка лежит с такими краями
28—30 I Чтоб жаждой не гореть за работой денной
II Чтоб не гореть от
III Чтоб жажда не жгла за работой ⟨денной⟩
IV Чтоб жажда от работы не жгла ⟨денной⟩
V Чтоб жажда не жгла от работы денной
VI Чтоб жажда не жгла за работой денной
31—33 I держи в порядке бак водяной
II храни в порядке бак водяной
III в порядке храни бак водяной
IV храни как следует бак водяной
34—36 I Вымойте бак от к⟨опоти?⟩
II Вымойте бак от грязищи черный
III Вымойте бак от грязищ черный
37—38 I сырую смени водой кипяченой
39—40 I Чтоб вам не болеть заражая друг дружку
II Чтоб не болеть заражая друг дружку
41—42 I Мойте
II Перед питьем промывайте кружку

Неавторизованная машинописная копия и текст плаката:

34—38 *отсутствуют.*
43—51 *отсутствуют.*

Мой руки (стр. 414)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., ***№ 52:***

9—10 I Вся грязища эта вот
II Вся зараза эта вот
13 I И в холере корчит⟨ь⟩ся
II Потом в холере корчит⟨ь⟩ся

Текст плаката:

14—21 гореть в тифу брюшном...
Кому
хворать захочется?—
И спрашивать смешно.
Скорей воде
под струйки

Плюй в урну (стр. 415)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52:

Заглавие: I Не плюй
II Плюй в урну
1—4 I Омерзительное явление
люди плюют по всем направлениям
II Омерзительное явление
плюются по всем направлениям
III Что ж это будет
Омерзительное явление
Плюются люди
по всем направлениям
13—14 В легкие и в глотку
16—17 I Плевки убивают по нашей вине
II Плевком убивают по нашей вине
18—20 I больше народу чем на войне
II народу больше чем на войне
24—25 I П⟨люйте⟩
II А плюйте в урны

Отдыхай! (стр. 417)

Заглавие: I Как ⟨отдыхать⟩
II Отдыхай!
8 I этот ри⟨сунок⟩
II этот плакат увидя

Пожарные лозунги (стр. 418)

Черновой автограф лозунгов 1—7 (строки 1—38) в записной книжке 1928 г., № 59:

6—9 Тряпки воспламеняются смотри лучше
Грязных тряпок не складывай в кучи
12—14 I в ящи ке в огнеупорном держи
II в ящике огнеупорном держи

32—33 I Против молний поставь громоотводы
II Против молний ставь громоотводы
34—35 I Курящий на сцене — просто убийца
II Курящий на сцене — преступник убийца
36—38 I Пож<ар>
II На сцене пожар моментально клубится

ОЧЕРК

Рожденные столицы (стр. 429)

Авторизованная машинописная копия:

Стр. 429

14 *Вместо:* По моей разъездной // [1] по своей разъездной

20—21 *Вместо:* потом битые // теперь битые

23—25 *Вместо:* Расстанешься после вечера и больше никогда и никого не видишь // Расстанешься с ними после вечера и больше их никогда не видишь

Стр. 430

24—25 *Вместо:* в только что строенном, прекрасном, но холодном // в холодном

Стр. 431

14 *Вместо:* Киферис говорит // Киферис говорил

17 *Вместо:* Поэт говорит // Поэт говорил

36 *Вместо:* культурнейшая революция // культурнейшая революцийща

Стр. 432

3 *Вместо:* талантливый // очень талантливый

8 *Вместо:* Тоньше // Больше

13 *Вместо:* Сходства // Сходство

34 *Вместо:* Яковом // Яшкой

39—41 *Слова:* [А хвост] А в хвост ..... кавычек — *вставлены.*

---

[1] Знаком // отделяется текст основного источника от его первоначального варианта.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ В ДЕВЯТЫЙ ТОМ

Н о. с (Новые стихи), изд. «Федерация», М. 1928, 108 стр.

Слоны в комсомоле, изд. «Молодая гвардия», М. 1929, 96 стр.

Сочинения, т. 4, ГИЗ, М.—Л. 1929, 382 стр.

Туда и обратно, изд. «Федерация», М. 1930, 93 стр.

Сочинения, т. 6, ГИЗ, М.—Л. 1930, 256 стр.

Сочинения, т. 7, ГИЗ, М.—Л. 1930, 351 стр.

Без доклада не входить, ГИЗ, М.—Л. 1930, 112 стр.

Сочинения, т. 8, ГИЗ, М.—Л. 1931, 333 стр.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ — Библиотека-Музей В. Маяковского,

ГЛМ — Государственный литературный музей.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

СТИХОТВОРЕНИЯ

В 1928 г. Маяковский написал (не считая стихотворных плакатов) 125 стихотворений. Подавляющее большинство из них было опубликовано в газетах.

Работе для газет Маяковский придавал принципиальное значение. В статье «Казалось бы ясно» (1929) он писал:

«Мы настолько сейчас изощрены в поэтической технике и в способах владения словом, что состязаться в этой области скучно и непродуктивно.

Было много противоречивых определений поэзии. Мы выдвигаем единственное правильное и новое, это — «поэзия — путь к социализму».

Сейчас этот путь идет между газетными полями.....

Газета не только не располагает писателя к халтуре, а, наоборот, искореняет его неряшливость и приучает его к ответственности» (см. т. 12 настоящего издания).

В 1928 г. Маяковский помещал свои стихи в газетах: «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Ленинградская правда», «Рабочая Москва», «Читатель и писатель», «Смена», «Постройка», «Уральский рабочий». В ряде случаев они, кроме того, перепечатывались в периферийных газетах.

Больше всего поэт работал для «Комсомольской правды». Редакция этой газеты особенно широко использовала опыт Маяковского как поэта-агитатора, поэта-общественника, привлекала его к участию в проводимых ею кампаниях. На страницах «Комсомольской правды» в 1928 г. напечатано 46 стихотворений Маяковского.

Некоторые стихи поэт писал по прямому заданию редакции, другие предлагал сам. Однако во всех случаях они были тесно связаны с содержанием газеты.

Очень часто стихи Маяковского печатались на газетной полосе (странице) среди материалов, подобранных редакцией по определенному вопросу — в так называемых «подборках».

Подборка состояла из редакционной передовой, рабкоровских заметок, писем читателей, фельетона (функцию которого часто исполняло стихотворение Маяковского) и нередко иллюстрировалась рисунками, карикатурами, фотографиями.

Подборка объединялась общим заголовком — так называемой «шапкой». Редакционные «шапки» иногда имели лозунговый характер, иногда были просто названием темы, иногда раскрывали ее содержание: в них излагалось все, что было в материалах подборки наиболее интересного и принципиального. В зависимости от значительности темы подборка занимала или целую полосу газеты, или только ее часть.

Эту специфику газетной работы Маяковского следует учитывать, знакомясь с примечаниями к настоящему тому. Следует учитывать также то, что для стихов 1928 г. десятитомник, положенный в основу настоящего издания (см. т. 1, стр. 5 наст. изд.) во многих случаях является более *ранним* источником текста, чем отдельные сборники Маяковского и даже некоторые публикации в периодике. Поэтому и в «Примечаниях» при перечислении источников том Сочинений далеко не всегда назван последним. Если Сочинения совсем не упомянуты в числе источников, подразумевается, что данное стихотворение либо совсем не вошло в десятитомник (в этом случае делается оговорка: «В Собрание сочинений не вошло»), либо вошло в один из двух последних томов, которые были подготовлены к изданию уже после смерти поэта.

Без руля и без ветрил (стр. 7). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 7, 8 января; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесено исправление: в строках 11—13 вместо «в перепонку в барабанную забубнила труба» — «в перепонку в барабанную забубнила, груба» (по газ. «Комсомольская правда»).

В «Комсомольской правде» стихотворение напечатано среди других материалов подборки, озаглавленной «Головотяпы забрались в эфир. Бюрократы дезорганизуют радиовещание». Газета возмущалась, что «рабочего слушателя кормят белибердой», и, обращаясь к руководителям радиовещания, писала:

«И доклады вы распределяете не по темам — важным, нужным,

злободневным, а по ведомствам... В тот день, когда мы знали: сегодня решится судьба Сакко и Ванцетти, с трудом дождались радиопередачи, с трепетом надели трубки — мы услышали... лекцию о том, как заготовлять яйца».

Заглавие и строки 1—5. Здесь пародийно использовано четверостишие из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1841):

На воздушном океане
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.

Строки 56—78. Московское радиовещание в первые годы своего существования было технически несовершенно. Это вынуждало в отдельных случаях передавать слова по буквам. В строках 74—78 начальные буквы имен образуют слово «Земля».

Строка 93. *...дедушку радиопередачи.*— «Радиопередача» — название акционерного общества по радиовещанию, существовавшего в 20-х гг.

Строки 94—95 *...и бабушку радиопочтелей.*—Повидимому, Маяковский имеет здесь в виду Народный комиссариат почт и телеграфов («Наркомпочтель»), в ведении которого находилась вся техническая часть радиовещания. Руководитель этого наркомата А. Любович выступил в «Комсомольской правде» со статьей, в которой оспаривал позицию, занятую газетой.

Строки 96—102. См. выше о строках 1—5. В поэме Лермонтова:

Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья,
И прошедшего не жаль.

Даешь хлеб! (стр. 10). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 9, 11 января. В Собрание сочинений не вошло.

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда».

Тремя днями ранее (№ 7, 8 января) в «Комсомольской правде» была помещена передовая статья «На хлебозаготовительный фронт!»

Три тысячи и три сестры (стр. 13). Беловой автограф (ГЛМ); газ. «Ленинградская правда», 1928, № 18, 21 января; беловой автограф с поправками в записной книжке 1928 г., № 54 (БММ); газ. «Уральский рабочий», Свердловск, 1928, № 25, 29 января; Сочинения, т. 7.

Текст первого автографа совпадает с текстом газеты «Ленинградская правда», а текст второго — с текстами газеты «Уральский рабочий» и 7 тома Сочинений. Повидимому, позднейший текст был записан Маяковским по памяти.

Тема стихотворения связана с лекционными поездками Маяковского, во время которых он имел возможность лично убедиться, что привычное, имевшее оттенок пренебрежения слово «провинция», уже неприменимо к городам, ставшим благодаря Октябрьской революции столицами союзных и автономных республик. (См. также очерк «Рожденные столицы» — стр. 429 настоящего тома и примечания к нему —стр. 601).

В заглавии и 1—14 строках Маяковский полемически вспоминает поставленную в 1901 г. на сцене Художественного театра и многие годы сохранявшуюся в его репертуаре пьесу А. П. Чехова «Три сестры».

Строка 36. *Харьков* — до 1934 г. был столицей УССР.

Строки 45—46. Цитата из стихотворения А. А. Блока «Новая Америка» (1913).

Дядя ЭМЭСПЭО (стр. 16). Газ.«Комсомольская правда», М. 1928, № 21, 25 января; Сочинения, т. 6.

В газете стихотворение входит в подборку, озаглавленную «Вузовские будни. 50 тысяч студентов питаются где попало. Студенческие столовки на задворках МСПО. Здоровый обед или груша в хересе?» В заметке «Тетерева в сметане», вошедшей в эту подборку, приведено примерное меню завтраков, обедов и ужинов, которое ЭМЭСПЭО (МСПО — кооперативное объединение «Московский союз потребительских обществ») составило для студентов. В этом меню действительно фигурировали «тетерева в сметане», «жареная куропатка», «груша в хересе» и другие изысканные блюда. Указанная МСПО цена (3 рубля 62 копейки в день), если принять во внимание тогдашний курс рубля, была непомерно высокой (обед в студенческой столовой стоил в те годы 32 копейки).

Строка 36. *Два червяка* (просторечное выражение)— два червонца, или 20 рублей.

Екатеринбург — Свердловск (стр. 19). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ): газ. «Уральский рабочий», Свердловск, 1928, № 25, 29 января; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления (устранены искажения пунктуации, затемнявшие смысл):

в строках 89—93 вместо «Просыпали в ночь расчернее могилы звезды — табачишко из неба кисета» — «Просыпали в ночь расчернее могилы звезды-табачишко из неба кисета»; в строках 109 — 112 вместо «из воли, Урала, труда и энергии!» — «из воли Урала, труда и энергии!» (В черновике — «из воли уральской».)

Стихотворение написано в Свердловске 26—28 января.

Перепечатано (под заглавием «Где золото роют в горах») в Литературном приложении к газете «Ленинградская правда», 1928, № 4, 25 февраля и в газете «Вечерний Киев», 1928, № 54, 3 марта.

Заглавие: *Екатеринбург — Свердловск.*— Город Екатеринбург, основанный в 1723 г. и названный в честь жены Петра Великого (впоследствии императрицы Екатерины Первой), был в 1924 г. переименован в память Я. М. Свердлова, возглавлявшего в 1905—1906 гг. большевистскую организацию на Урале. Маяковский, повидимому, ошибочно связывал название «Екатеринбург» с именем Екатерины Второй (см. строки 11—19), прямым потомком которой (см. строки 30—34) был Николай Второй.

Строка 41. *Пепеляев В. Н.* (1884—1920) — министр внутренних дел в белогвардейском правительстве Колчака, организовывал в Сибири карательные экспедиции против красных партизан. Впоследствии был захвачен вместе с Колчаком восставшими рабочими и по приговору Иркутского ревкома расстрелян.

Строка 42. *Гайда* Рудольф (род. в 1892 г.) — руководитель мятежа, который подняли в мае 1918 г. в Поволжье и Сибири подстрекаемые эсерами и агентами Антанты части чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных бывшей австро-венгерской армии. В 1919 г. руководимый Гайдой чехословацкий корпус, принимавший участие в наступлении Колчака, был разгромлен Красной Армией.

Строка 45. *Верховный Колчак* — А. В. Колчак (1873—1920), адмирал царского флота, возглавлявший в 1918—1920 гг. контрреволюцию в Сибири; был признан правительствами ряда капиталистических стран в качестве «верховного правителя России».

Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру (стр. 23). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); неавторизованная машинописная копия, сохранившаяся в бумагах Маяковского (БММ); газ. «Правда», М. 1928, № 42, 18 февраля; другая (позднейшая) неавторизованная машинописная копия, сделанная при составлении сборника «Слоны в комсомоле» (ИМЛИ); сб. «Слоны в комсомоле»;

Сочинения, т. 7; беловой автограф начальных строк одиннадцати строф в записной книжке 1928 г., № 63 (БММ), являющийся позднейшей записью-памяткой, сделанной осенью 1928 г. к публичному выступлению с чтением стихов.

В машинописной копии БММ и в газете «Правда» над заглавием стихотворения напечатано: «Из книги „Культурная революция“».

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строке 22 вместо «более лунного света» — «белее лунного света» (по черновому автографу, двум машинописным копиям и сборнику «Слоны в комсомоле»).

В Свердловске, где 28 января 1928 г. написано это стихотворение, Маяковский был с 26 по 29 января. Один из встречавшихся с ним в эти дни товарищей в своих воспоминаниях сообщает:

«В дни пребывания В. В. Маяковского в Свердловске по улице Ленина заселяли вновь выстроенный дом. Рабочие Верхне-Исетского завода переезжали из маленьких екатеринбургских хибарок в новые просторные и светлые квартиры. Маяковский не прошел мимо этого простого и будничного факта. Он побывал в квартирах рабочих, беседовал с ними...» (И. Кленовский, Три стихотворения, газ. «Уральский рабочий», 1940, № 86, 14 апреля).

Стихотворение упомянуто под названием «„Хол“ и „гор“» в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа», 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Император (стр. 27). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); авторизованная машинописная копия, сохранившаяся в бумагах Маяковского (БММ); журн. «Красная новь», М. 1928, кн. 4, апрель; сб. «Но. с»; Сочинения, т. 7; беловой автограф начальных строк четырнадцати строф в записной книжке 1928 г., № 63 (БММ), являющийся более поздней записью-памяткой, сделанной осенью 1928 г. к публичному выступлению с чтением стихов.

Стихотворение написано Маяковским в связи с его пребыванием 26—29 января 1928 г. в Свердловске, бывшем Екатеринбурге. 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге, при приближении к нему белых армий, был по постановлению Уральского областного Совета рабочих и крестьянских депутатов расстрелян бывший российский император Николай Второй и члены его семьи.

Строка 25. *...и в этой вот ланде.*— Ландо четырехместный экипаж с откидным верхом (Маяковский иронически склоняет несклоняемое иностранное слово).

Строка 56. *Исеть* — река за Исетским заводом. (Примечание Маяковского к тексту в журнале «Красная новь».)

Строки 92—96 являются перефразировкой строк М. Ю. Лермонтова из стихотворения «Воздушный корабль» (1840):

На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Строки 111—112. *...но только вместе с шахтой.*— Тело расстрелянного царя было спущено в заброшенную шахту.

Сердечная просьба (стр. 31). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 44, 21 февраля; Сочинения, т. 7.

Строка 15. *Лукомашко* — фамилия составлена Маяковским из трех фамилий: наркома просвещения А. В. Луначарского (1875—1933), известного литературного критика П. С. Когана (1872—1932) и наркома здравоохранения Н. А. Семашко (1874—1949). Все трое в 20-х гг. очень часто выступали с публичными докладами. (По первоначальному замыслу в черновом автографе — «Лунамашко».)

Строки 21—24. В 1928 г. отмечался столетний юбилей со дня рождения Л. Н. Толстого.

Строки 48—49. *...на Малашкина с луною.*— Имеется в виду повесть С. И. Малашкина (род. в 1890 г.) «Луна с правой стороны» (1927), в которой упрощенно и опошленно изображалась жизнь комсомольской молодежи. Повесть послужила поводом для многих диспутов по вопросам быта.

Строки 58—61. *Час, как частникова такса, час разросся, как года...*— В 20-х гг. в Москве существовали автомашины частного проката, владельцы которых были обязаны взимать с пассажиров плату в соответствии с установленной советскими органами повременной таксой. На практике шоферы-частники нередко при помощи разных ухищрений получали за час плату значительно больше официальной таксы.

Десятилетняя песня (стр. 34). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); газ. «Пионерская правда», М. 1928, № 15, 22 февраля; газ. «Рабочая Москва», 1928, № 46, 23 февраля; газ. «Ленинградская правда», 1928, № 46, 23 февраля; газ. «Смена», Л. 1928, № 46, 23 февраля; Сочинения, т. 6.

В газете «Рабочая Москва» стихотворение напечатано рядом с передовой. Заглавие и заключительная строфа изменены (см. «Варианты и разночтения», стр. 447—448 настоящего тома).

Написано к десятой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Строка 1. *Дрянь адмиральская...*— то есть адмирал Колчак (см. примечание к стихотворению «Екатеринбург—Свердловск», стр. 542).

Строки 2—3. ...*пан и барон*...— Имеются в виду наступление панской Польши и наступление южных белогвардейских армий под командой генерала царской армии барона фон Врангеля летом 1920 г.

Строки 4—6. ...*шли от шестнадцати разных сторон.*—Имеется в виду знаменитый «поход четырнадцати держав» против Советской России. Известен сделанный рукой В. И. Ленина перечень четырнадцати воевавших против Советской России государств. (См. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXIV, стр. 814.) На полях этого перечня Ленин приписал в скобках: «Колчакия, Деникия» (то есть всего перечисляются шестнадцать «разных сторон»). Знал ли об этом факте Маяковский, точно не установлено.

Не исключено, что Маяковский подразумевает здесь также стороны света (на компасе шестнадцать основных делений — румбов).

Строки 10—12. *Белым папаша антантовый стан.*— Антанта (франц. Entente — согласие, соглашение) — наименование союза держав, воевавших во время первой мировой войны против Германии. После Октябрьской революции и разрыва советского правительства с империалистическими странами Антанта объединяла враждебные Советской России капиталистические государства, поддерживавшие белые «правительства».

Строка 36. *Деникин* А. И. (1872—1947) — генерал царской армии. В 1919 г., будучи «главнокомандующим вооруженными силами Юга России», организовал при содействии Антанты два белогвардейских похода на Москву. Потерпев поражение, сдал (в начале 1920 г.) командование остатками белых армий генералу Врангелю.

Строка 38. *Махно* Н. И. (1884—1934) — главарь анархистско-кулацких банд, действовавших на Украине в 1918—1920 гг. Разгромленный советскими войсками, в 1921 г. бежал за границу.

Строки 42—44. *Хрустнул, проломанный, Крыма хребет.*— В ноябре 1920 г. советские войска прорвали сильно укрепленные позиции Врангеля на Перекопском перешейке, ликвидировали последний оплот белогвардейцев в Крыму и победоносно завершили гражданскую войну на юге.

Лозунги-рифмы (стр. 37). Заготовки-рифмы в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 46, 23 февраля; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 6.

Написано к десятилетию Красной Армии.

Хочу воровать (стр. 40). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 48, 25 февраля (с подзаголовком — «Рабочей газете»); Сочинения, т. 7.

В «Комсомольской правде» стихотворение напечатано в подборке «Против буржуазно-бульварной литературы в рабочей печати», в которой приведены примеры смакования в «Рабочей газете» биографий уголовников, преподносимых в духе приключенческих рассказов (приводы, судимости, побег из Соловков по Белому морю и т. п.). Подборка иллюстрирована сатирическим рисунком Гр. Розе «Героические приключения заслуженного вора с 18-летним стажем».

Строка 20. *Соловки* — бывший Соловецкий монастырь на Соловецком острове. В 20-х гг. Соловки были местом заключения уголовников.

Строки 27—30. Начальные строки стихотворения Д. П. Давыдова (1811—1888) «Думы беглеца на Байкале», которое в несколько измененном виде стало народной песней.

Строка 38. *...от муров...* — МУР — Московский уголовный розыск.

Строки 47—48. *Сонька Золотая ручка* — кличка широко известной в России конца XIX — начала XX в. воровки и авантюристки.

Строка 55. *Рокамболия* — производное от «Рокамболь» — имя плута и мошенника, героя популярного приключенческого романа «Похождения Рокамболя» французского писателя Понсон дю Террайля (1829—1871).

Голубой лампас (стр. 42). Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 51 (БММ); газ. «Ленинградская правда», 1928, № 49, 26 февраля; сб. «Но.с (Новые стихи)»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строке 29 вместо «дотуда пойдут купола!» — «дотуда дойдут купола!» (по текстам газ. «Ленинградская правда» и сб. «Но.с»).

В записной книжке № 51 автограф стихотворения предшествует автографам стихотворений «Баку» и «Солдаты Дзержинского». Оче-

видно, оно было вчерне закончено во время пребывания Маяковского в Новочеркасске 24—27 декабря 1927 г.

Строки 33—34. ...*стоит казак, казак Ермак.*— Памятник казачьему атаману Ермаку Тимофеевичу (ум. в 1584 г.), сыгравшему выдающуюся роль в присоединении Сибири к русскому государству, стоит на центральной площади Новочеркасска.

Строка 39. *Генерал Каледин* А. М. (1861—1918) — наказной атаман Войска Донского. После Октябрьской революции начал на Дону гражданскую войну против советской власти, пытаясь создать «самостоятельное» казачье государство, покровительствуемое Антантой. Потерпев неудачу, застрелился.

Строки 44—45. ...*по улице атамана Платова* — главная улица Новочеркасска (теперь Подтелковская). Платов М. И. (1751—1818) атаман Донского казачьего войска, участник войны 1812 г.

Строка 49. *Асеев* Н. Н. (род. в 1889 г.) — советский поэт, друг Маяковского.

Лицо классового врага (стр. 45). 1. Буржуй-нуво — черновой автограф строк 1—7, 15—102, 111—170 в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 51, 29 февраля; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7. 2. Новый кулак — газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 68, 21 марта; газ. «Смена», Л. 1928, № 68, 21 марта; Сочинения, т. 7.

В 7 томе Сочинений оба стихотворения объединены заглавием «Лицо классового врага».

Под общим заголовком-«шапкой» «Лицо классового врага» в «Комсомольской правде» был напечатан (до и после публикации стихотворения) ряд очерков и корреспонденций с мест. Во второй части стихотворения («Новый кулак») использованы материалы большой корреспонденции из села Дмитриевка, Самарской губернии, напечатанной в «Комсомольской правде» 3 февраля 1928 г. (№ 29) под заглавием «Лицо классового врага. «Благодетель» Николай Сидорыч Пальнов».

Подзаголовок: ... *нуво* (франц. nouveau)— новый.

Строка 22. *Дени* (псевдоним Денисова В. Н., 1893—1946) — советский художник, мастер политической карикатуры и плаката.

Строки 108, 268. *Рыков* А. И. (1881—1938)—был в 1924—1930 гг. председателем Совета Народных Комиссаров СССР. (Впоследствии исключен из Коммунистической партии как один из лидеров правой оппозиции.)

Строка 124. *Советским «лимоном»* назывался в бытовом обиходе миллион рублей в обесцененных в результате инфляции денежных знаках первых лет революции. В 1924 г. старые обесценившиеся знаки были обменены на новые, обеспеченные золотом, советские деньги по курсу 500 миллионов за 1 рубль (денежная реформа 1922—1924 гг.).

Строки 126—128. *Пантелеймон Романов* (1884—1938) — советский писатель. Сборник его рассказов «Без черемухи», в котором было много обывательского смакования нездоровых явлений в быту советских людей, вызывал особый интерес в новобуржуазной, нэпманской среде.

Строка 138. *Булгаков* М. А. (1891—1940) — советский писатель. Его пьеса «Дни Турбиных», поставленная на сцене МХАТ (1926), советской критикой 20-х гг. расценивалась как идеализация белого офицерства и проявление классово чуждых тенденций в советской литературе.

Строки 303—314. Перефразировка одной строфы и припева известной песни на слова стихотворения В. И. Богданова (1838—1886) «Дубинушка», переработанного А. А. Ольхиным (1839—1897):

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину... и т. д.

Даешь тухлые яйца (стр. 56). Черновой автограф строк 1—8, 88—95, 104—114 в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); строки 96—114 в газ. «Рабочая Москва», 1928, № 55, 4 марта; Сочинения, т. 7.

Черновая запись в книжке № 55 была сделана Маяковским 21 февраля 1928 г. непосредственно после посещения театра Корша, где он смотрел пьесу Б. Пушмина «Проходная комната»:

«Когда опускался занавес после первого действия, Маяковский начал очень громко свистеть. В публике зашипели и завозмущались. Тогда он встал во весь рост и еще громче пересвистел аплодисменты зала. После третьего действия мы ушли из театра, не досмотрев пьесу до конца. Маяковский, как бы грозясь, сказал:

— Теперь я им напишу об этом...

Уже возвращаясь из театра, Маяковский написал четыре строчки. Он шел, бормотал, останавливался и писал. Записывал прямо на Петровке, поднося к свету магазинных витрин альбомчик с розовенькими и желтыми листочками, как у гимназисток для стихов» (Н. А. Брюханенко, Воспоминания, 1952, БММ).

В газете «Рабочая Москва» конец стихотворения под заглавием «Товарищи, где свистки? (Вместо рецензии)» напечатан среди других материалов подборки, состоящей из возмущенных отзывов зрителей о пьесе Б. Пушмина и требований «немедленно и навсегда» снять ее с репертуара советского театра. Подборка озаглавлена «Закройте «Проходную комнату».

Две культуры (стр. 60). Заготовки строк 71—72, 74—77 в записной книжке 1927—1928 гг. № 56 (БММ); черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); газ. «Труд», М. 1928, № 58, 8 марта; газ. «Звезда», Днепропетровск, 1928, № 58, 8 марта; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 54—55 вместо «два запасных лакея» — «два заспанных лакея» (по черновому автографу и по тексту газет «Труд» и «Звезда»).

Стихотворение написано к Международному женскому дню.

Строка 50. *Бонтон* (франц. bon ton) — светский «хороший тон», уменье держать себя с изысканной вежливостью.

Строка 51. *Бламанже* — бланманже (франц. blanc-manger) — желе из сливок. Здесь — ироническое определение изысканности.

Строки 123—126. Здесь имеется в виду выражение: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством», вошедшее в обиход в связи со статьей В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» (См. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 26, стр. 88—89).

Кино и вино (стр. 64). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 63, 15 марта; Сочинения, т. 7.

В газете стихотворение напечатано среди других материалов подборки, озаглавленной: «Сегодня открывается партийное совещание по вопросам кино. Кино должно стать оружием культурной революции». Подборке предпосланы как эпиграфы высказывания Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина о значении кино и его месте в культурной и хозяйственной жизни СССР, а также обывательски извращающее позицию партии в этом вопросе высказывание руководителя Совкино К. М. Шведчикова:

«Нужно ставить вопрос не так: перематывать доход от водки на кино,— а принципиально... Почему советская власть и партия допустили водку? Если мы отвечаем на этот вопрос так, как нужно отвечать,— почему мы в кинематографии этот принцип не можем применить?»

Детский театр из собственной квартирки — вышибают товарищи сатирики (стр. 65). Газ· «Пионерская правда», М. 1928, № 22, 17 марта; Сочинения, т. 7.

В «Пионерской правде» стихотворение напечатано в подборке, составленной из писем читателей, требующих восстановить в Москве театр для детей, и иллюстрировано сатирическим рисунком.

Парижская коммуна (стр. 67). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 55 (ЦГАЛИ); газ. «Труд», М. 1928, № 66, 18 марта; газ. «Ленинградская правда», 1928, № 66, 18 марта; Сочинения, т. 7.

Стихотворение написано ко Дню Парижской коммуны (18 марта).

Строка 19. *Версальцы.*— Реакционное буржуазное правительство Тьера и значительная часть парижской буржуазии после победы Коммуны бежали из Парижа в бывшую резиденцию французских королей Версаль (в восемнадцати километрах от Парижа). Через два месяца, накопив силы, версальцы учинили кровавую расправу над коммунарами в Париже.

Строка 65. *Галифе* Гастон (1830—1909) — французский генерал, один из главных палачей Парижской коммуны.

Фабрика мертвых душ (стр. 70). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 78, 1 апреля; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

В связи с предстоявшим Восьмым съездом ВЛКСМ в «Комсомольской правде», на основе опубликованного еще 22 февраля 1928 г. письма ЦК ВЛКСМ, развернулось широкое обсуждение вопросов, поставленных в порядок дня съезда, и, в частности, обсуждались и «пути оживления мертвых душ» в комсомоле. «Трудность в разрешении этого большого для ВЛКСМ вопроса,— говорилось в письме,— состоит в том, что его нельзя разрешить путем механической нагрузки, а нужно решить на основе добровольчества».

Нагрузка по макушку (стр. 74). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 81, 5 апреля; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

Написано в связи с подготовкой к Восьмому съезду ВЛКСМ.

В том же номере «Комсомольской правды», в предсъездовской статье «На другие позиции» один из разделов озаглавлен «Мертвые души и придуманные нагрузки».

Строки 38—41. Осенью 1927 г. в Буэнос-Айресе состоялся матч по шахматам между кубинским шахматистом, чемпионом мира Хозе Раулем Капабланкой (1888—1942) и виднейшим представителем русской шахматной школы А. А. Алехиным (1892—1946). Матч закончился победой Алехина, завоевавшего звание чемпиона мира.

Строки 79—84. Идея Научной организации труда (*НОТ*), в частности, заранее продуманное распределение времени, пропагандировалось возникшим в 1923 г. добровольным обществом, называвшимся «Лига «Время» (позднее «Лига НОТ» и «Лига «Время—НОТ»). Эту «Лигу» возглавлял П. М. *Керженцев* (псевдоним, настоящая фамилия — Лебедев, 1881—1940) — политический деятель и литератор, в 1919 — 1921 гг. — ответственный руководитель РОСТА. А. К. *Гастев* (1882—1941) — известный в начале 20-х гг. поэт и деятель «Пролеткульта», был энтузиастом идеи «НОТ» и возглавлял созданный по его инициативе Центральный институт труда (ЦИТ).

С о л н е ч н ы й ф л а г (стр. 77). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); газ. «Правда», М. 1928, № 101, 1 мая (с подзаголовком «Песня — марш»); сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

Перепечатано в журнале «Искусство в школе», М. 1929, № 4, апрель.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 16—18 вместо «Сталь, стой, стоп!» — «Сталь, стоп, стой!» (По рифме, с учетом всех остальных источников. См. «Варианты и разночтения», стр. 457) и в строках 35—37 вместо «Шли с палачом по лагерям Китая» — «шли с палачом по лачугам Китая» (по черновому автографу, газ. «Правда» и сб. «Слоны в комсомоле»).

Строки 59—68. Имеется в виду процесс «шахтинцев»; см. примечания к стихотворению «Вредитель» (стр. 561 настоящего тома).

«Т е л е в о к с ы»? Ч т о т а к о е? (стр. 80). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); беловой автограф (БММ); газ. «Смена», Л. 1928, № 110, 13 мая; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 14—15 вместо «не люди — а машины» — «не люди,

а машинки»; в строках 41—42 вместо «Искру. Каравай» — «Икру! Каравай!»; в строке 83 вместо «Обезглавлен бог сам» — «Обесславлен бог сам»; в строках 147—150 вместо «Телевокс» всемогущий, скажите им, кто незаменим» — «Телевокс» — всемогущий. Скажите — им кто не заменим?» (по беловому автографу, газете «Смена» и сборнику «Слоны в комсомоле»).

В заглавии Маяковский пародийно использует первую строку стихотворения А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы» (1834):

«Черногорцы? что такое?»—
Бонапарте вопросил...

Строка 35. *Эсперанто* — искусственный международный язык.

Строка 96. *НОТ* — см. примечание к стихотворению «Нагрузка по макушку», стр. 551 настоящего тома.

Добудь второй! (стр. 85). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 104, 6 мая; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

23 февраля 1928 г. в связи с десятилетием Красной Армии Ленинский комсомол был награжден боевым орденом Красного Знамени. 5 мая на торжественном открытии Восьмого съезда ВЛКСМ состоялось вручение ордена Центральному Комитету ВЛКСМ.

В «Комсомольской правде» стихотворение помещено на первой полосе, посвященной открытию съезда. На той же полосе — крупный заголовок: «Отныне стал краснознаменным десятилетний комсомол. Орден не только награда. Орден — большое обязательство. Даем клятву не опускать рук до тех пор, пока не раздавлен классовый враг».

Бей белых и зеленых (стр. 87). Заготовка-рифма к строкам 224, 230 в записной книжке 1927 г., № 40 (БММ); черновой автограф строк 1—51, 60—67, 77—85, 96—165, 176—268 в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); авторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 116, 20 мая; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

Печатается по тексту сборника «Слоны в комсомоле». Написано не позднее 17 мая 1928 г., о чем свидетельствует приписка Маяковского на полях машинописной копии: «Тов. Бандину. Тов. Костров принципиально согласен на одновременное помещение этого стиха в «Смене» при обязательном условии точного со-

гласования дня опубликования с тов. Костровым или Чаровым. Вл. Маяковский. 17.V — 28».

В сборнике «Слоны в комсомоле» стихотворение напечатано первым: название сборника связано с его текстом (см. строки 109—111).

Вопрос о борьбе с алкоголизмом в комсомоле широко обсуждался на страницах «Комсомольской правды» во время предшествовавшей Восьмому съезду ВЛКСМ трехмесячной дискуссии.

Строка 15. *Аристотель* (384—322 гг. до н. э.)— древнегреческий философ и ученый. Здесь имеется в виду четверостишие из популярной до революции шуточной студенческой песни:

> Аристотель óный,
> Мудрый филозóф,
> Продал панталоны
> За сивухи штоф.

Строки 30—33. Строфа из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

Строки 42—43. В стихотворении А. А. Блока «Незнакомка» (1906):

> Ты право, пьяное чудовище,
> Я знаю: истина в вине.

Строки 50—51. В стихотворении А. А. Блока «В ресторане» (1910):

> И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
> Исступленно запели смычки.

Строки 58—59. Цитата из стихотворения Игоря Северянина «Каретка куртизанки» (1912).

Строка 67. Цитата из стихотворения С. А. Есенина «Сыпь, гармоника...» (1922).

Строки 74—76. Цитата из стихотворения Маяковского «Эй!» (1916).

Строки 85—86. Строка из либретто оперы Дж. Верди «Травиата».

Строка 88. *Тринкены* (от нем. trinken — пить) — напитки.

Строки 100—104. Согласно легендарному рассказу о крещении Руси, перешедшему из «Повести временных лет» (XII в.) во все дореволюционные учебники истории, выражение «Руси есть веселье питье, не можем без того быти» является ответом великого князя Владимира посольству магометан, религиозные правила которых запрещают употребление вина.

Строка 187. *Ниагара.*— Ниагарский водопад в Северной Америке (один из самых мощных в мире).

Строки 245—247. Измененная цитата из популярной песни на слова И. С. Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец...» (1858). В стихотворении Никитина:

Пей — пропивай! Проживем — наживем.

Кто он? (стр. 97). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); газ. «Ленинградская правда», 1928, № 114, 18 мая; сб. «Слоны в комсомоле».

Строки 1—5. Перефразировка начальных строк стихотворения В. А. Жуковского «Лесной царь» (из Гете):

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
(1818)

Электричество — вид энергии (стр. 99). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); журн. «Октябрь», М. 1928, № 6, июнь; сб. «Но. с»; Сочинения, т. 7.

Четверостишие является как бы вступлением к трем следующим за ним стихотворениям («Красные арапы», «Точеные слоны», «Весенняя ночь»), с которыми оно объединено общей темой — азарт. Все четыре стихотворения, как это явствует из расположения их автографов в записной книжке № 52, написаны в первой половине мая. В журнале «Октябрь» они напечатаны как единый цикл.

Красные арапы (стр. 100). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); журн. «Октябрь», М. 1928, № 6, июнь; сб. «Но. с»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 12—13 вместо «игра в «Буль» — «игра — «Буль» (по черновому автографу, журн. «Октябрь», сб. «Но. с»).

Стихотворение входит в цикл стихов об азарте (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Строка 13. *«Буль»* (франц. la boule — шар) — азартная игра (то же, что рулетка).

Строка 15. *Монако* — формально самостоятельное княжество на побережье Средиземного моря (юг Франции), славящееся крупнейшим игорным домом.

Точеные слоны (стр. 103). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); журн. «Октябрь», М. 1928, № 6, июнь; сб. «Но. с»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 38—40 вместо «Ах, встали вокруг привиденья-слоны» — «Аж встали вокруг,' привиденья-слоны»; в строках 87—88 вместо «А первый, вымажа кий мелком» — «А первый вымелил кий мелком» (по черновому автографу, журн. «Октябрь», сб. «Но. с»).

Стихотворение входит в цикл стихов об азарте (см. выше примечание к стихотворению «Электричество — вид энергии»).

Строки 51, 53, 54, 80, 91. *«Клопштосс»*, *«эффе»*, *«оттяжки»*, *«перл»*, *«дуплет»* — термины биллиардной игры.

Строка 70. *«Саратовец»* — профессиональный игрок, который, прикидываясь неопытным любителем, обыгрывает неумелых игроков.

Весенняя ночь (стр. 107). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); журн. «Октябрь», М. 1928, № 6, июнь; сб. «Но. с»; Сочинения, т. 7.

Стихотворение входит в цикл стихов об азарте (см. выше примечание к стихотворению «Электричество — вид энергии»).

Строка 79. *Юденич* Н. Н. (1862—1933) — белогвардейский генерал, под командованием которого белогвардейские армии в 1919 г. дважды безуспешно наступали на Петроград. Генерал, барон фон *Врангель* П. Н. (1878—1928) возглавлял в 1920 году белогвардейские армии, наступавшие на Советскую Россию с юга.

Писатели мы (стр. 110). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 119, 24 мая; Сочинения, т. 7.

Стихотворение написано к третьей годовщине газеты «Комсомольская правда».

Строка 19. *«Пафос дистанции».*— Это выражение в 20-х годах охотно употреблялось (в положительном смысле) теми писателями и критиками, которые отвергали страстно защищаемое Маяковским требование тесной связи писателя с современностью и участие в газете как одну из форм такой связи. Здесь употреблено иронически.

Строки 30—31. *«Как хороши, как свежи были розы»* (1879) — название одного из «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева, несколько раз повторяющееся как рефрен в его тексте. Тургеневым эта строка взята из стихотворения И. П. Мятлева (1796—1844) «Розы».

Строка 107. *М. К. Х.* (Московское коммунальное хозяйство)— название отдела Моссовета, ведавшего городским хозяйством Москвы.

Арсенал ленинцев (стр. 114). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 123, 29 мая; Сочинения, т. 7.

Стихотворение написано к десятой годовщине Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова — первой по времени высшей партийной школе в республике, готовившей кадры партийных и советских работников. В газете помещено среди других материалов подборки, посвященной этой дате.

«Жид» (стр. 116). Беловой автограф с поправками в записной книжке 1928 г., № 57 (БММ); авторизованная машинописная копия (ЦГАЛИ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 137, 15 июня; газ. «Смена», Л. 1928, № 138, 16 июня; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 70—72 вместо «Это слово слесарню набило доверха» — «Это слово слесарню набило до ве́рха» (по текстам газ. «Комсомольская правда» и сб. «Слоны в комсомоле».)

Написано в начале мая, о чем свидетельствуют пометки на машинописной копии — одна рукой Маяковского: «Прошу согласовать день помещения с Комсомольской правдой. В. Маяковский». Другая — почерком неустановленного лица (очевидно, кого-то из аппарата редакции): «Смена. Спеш⟨ная⟩почта. О дне печатания сообщим по телефону. Раньше Ком⟨сомольской) пр⟨авды⟩ помещать нельзя. 6/VI».

Борьбу с антисемитизмом в быту и на производстве «Комсомольская правда» вела систематически. Этой теме посвящен ряд статей и подборок.

Строки 70—78. О том, что на Нижней фабрике в Иваново-Вознесенске группа мастеров травит еврея-ученика Бейраха, «Комсомольская правда» неоднократно писала еще в 1927 г. (№ 43, 46, 48).

Строка 140. *Соловки* — см. примечание к стихотворению «Хочу воровать» (стр. 546 настоящего тома).

Строка 177. *Соломон Ротшильд* — один из представителей «династии» богатейших банкиров Ротшильдов.

Служака (стр. 122). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 140, 19 июня; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

Под названием «Сов-служака» упомянуто в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа», 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

В «Комсомольской правде» стихотворение помещено в подборке, посвященной отрицательному типу «деляги» в комсомоле. В той же подборке дана карикатура со следующим редакционным пояснением, прямо перекликающимся со стихотворением Маяковского: «Дайте отпуск от революции» — этого требует сегодня узколобый деляга, «прикладной» человек. Его основная цель — получить специальность, стать «дельным человеком и думать о красе ногтей». Кому он будет служить, кому принесет он свои знания — для него неважно. Коммунистическая идея для него не знамя, не цель жизни, а выигрышная облигация, приносящая проценты каждое 1 и 15 число. Узкий профессионализм, забота лишь о своей карьере, своем благополучии, вышелушили в нем революционера, заслонили перед ним задачи коммуниста. Вопросы революции его не мучают, судьба ее — не волнует, за себя он спокоен. Всей силой большевистского огня обрушимся мы на таких службистов с партбилетом в кармане».

Строка 4. *МОПР* — Международное общество помощи борцам революции.

Строка 9. *МКК* — Московская контрольная комиссия. Контрольные комиссии существовали в РКП(б)—ВКП(б) в 1921—1934 гг. как органы партийного контроля.

М ы о т д ы х а е м (стр. 126). Беловой автограф (хранится у М. Б. Чарного); газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 141, 20 июня, с подзаголовком «Маленький фельетон»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 15—16 вместо «Чтобы рассеяться — и грезить бросьте» — «Чтобы рассесться — и грезить бросьте»; в строках 21—22 вместо «вгоняет в вагон, как нарубленный» — «вгонят в вагон, как нарубленный фарш»; в строках 32—34 вместо «Выбрался. Встал. Достоялся, когда» — «Выбрился. Встал. Достоялся когда»; в строках 114—115 вместо «вылегая на параллельных брусьях» — «вылегся на параллельных брусьях» (по беловому автографу).

Строки 36—37. ...*Черноморья растет борода* — то есть длинная, как у Черномора из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820).

Строка 45. «*Вечорка*» — в просторечье название газеты «Вечерняя Москва».

Строка 67. *Нобиле* — см. примечание к стихотворению «Крест и шампанское» (стр. 566 настоящего тома).

Строка 81. *...пингпонгчиться...*— то есть играть в пинг-понг (настольный теннис).

Строка 115. *Параллельные брусья* — здесь шутливое определение складной койки, напоминающей гимнастический снаряд.

Критика самокритики (стр. 130). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 143, 22 июня; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 5—6 вместо «словно бела в колесе» — «словно белка в колесе»; в строках 19—20 вместо «Но... стенгазетное мычанье...» «Но... стенгазное мычанье» (по тексту газ. «Комсомольская правда»); в строках 46—47 вместо «чем семнадцатого разряда» — «чем семнадцтого разряда» (по черновому автографу и тексту газеты «Комсомольская правда»).

На той же полосе «Комсомольской правды», на которой напечатано стихотворение Маяковского, помещены шесть карикатур Б. Ефимова со следующими подписями: «1) Критиковать мои действия на беспартийном собрании? Да это же контр-революция! 2) Я не против самокритики. Боже упаси! Но зачем же затрагивать личности. 3) Полагал бы, что занятие критикой лицами ниже десятого разряда надлежит пресечь! 4) Самокритика, так самокритика! Лишь бы была соответствующая директива свыше. 5) Где уж нам критиковать? Мы малограмотные. Мы и помолчим. 6) Беспокойное дело-с. Сегодня я его критикую — завтра он меня... К чему сие?»

Легкая кавалерия (стр. 135). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 145, 24 июня; перепечатано в газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1928, № 183, 9 августа под заглавием «Вперед, кавалерия!»

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда».

В «Комсомольской правде» стихотворение напечатано в подборке, озаглавленной «В атаку! Возьмем все препятствия».

«Легкая кавалерия» — так назывались в 20—30-х гг. добровольные комсомольские группы, предпринимавшие в целях борьбы с бюрократизмом и злоупотреблениями летучие ревизии на предприятиях и в учреждениях.

Строка 65. *Эркаями* — от РКИ (Рабоче-Крестьянская инспекция)— орган государственного советского контроля, существовавший с 1920 по 1934 г.

Безработный (стр. 139). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59 (БММ); «Рабочая газета», М. 1928, № 150, 30 июня; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 1—7 устранена искажающая смысл и разрушающая рифму опечатка (и в связи с этим уточнена пунктуация): вместо «Веселый автобус то фыркнет, то визгнет, пока на Лубянку с вокзала свезет. В солидной «Экономической жизни» читаю:» — «Веселый автобус то фыркнет, то визгнет. Пока на Лубянку с вокзала свезен, в солидной «Экономической жизни» читаю:» (по черновому автографу).

Дачный случай (стр. 142). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 58 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 150, 30 июня; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 4—5 вместо «в уже классическом Пушкине» — «в уже классическом Пушкино» (по черновому автографу и газете «Комсомольская правда»); в строках 12—13 вместо «Одеты — подстать гостю» — «Одеты — подстать гостьѝ» и в строках 90—91 вместо «в быту не слепнет кротова,»—«в быту не слепнет кротово,—» (по черновому автографу).

Строки 4—5. ...*в уже классическом Пушкино.* — Пушкино — дачная местность под Москвой (теперь город Пушкин), которую Маяковский описал в одном из своих самых популярных стихотворений «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (см. т. 2, стр. 35 настоящего издания).

Слегка нахальные стихи товарищам из Эмкахи (стр. 145). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59 (БММ); газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 151, 2 июля; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 65—66 вместо «вперит в грядах розовых» — «вперит в грезах розовых» (по черновому автографу и газ. «Вечерняя Москва»).

В газете «Вечерняя Москва» стихотворение напечатано с эпиграфом: «Тов. Цивцивадзе возбудил в МКХ вопрос об украшении Москвы скульптурой (из газет)».

Стихотворение упомянуто под названием «Сов-меценат» в со-

ставленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа», 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Заглавие: *Эмкахи* — от МКХ (см. примечание к стихотворению «Писатели мы», стр. 555 настоящего тома).

Строка 6. *Цивцивадзе* — в 1928 г. заведующий МКХ.

Строка 32. *Гладков* Ф. В. (род. в 1883 г.) — советский писатель.

Строки 45, 51 —54. *Жаров* А. А. (род. в 1904 г.), *Уткин* И. П. (1903—1944) — советские поэты.

Строка 61. *Карамора* — длинноногий комар.

Строка 76. *Микел Анжелычи* — ироническое словообразование от имени Микеланджело Буонаротти (1475—1564), гениального итальянского скульптора, живописца и архитектора эпохи Возрождения. Здесь — об авторах плохих скульптур.

Строка 81. ...*Товарищ Ме́дичи* — то есть покровитель искусств. Подразумевается Лоренцо Медичи (1449—1492), правитель Флоренции, за склонность к роскоши и изящным искусствам прозванный «Великолепным».

Строки 95—98. Здесь речь идет о памятнике Н. В. Гоголю работы скульптора Н. А. Андреева, стоявшем с 1909 по 1952 г. на Пречистенском (Гоголевском) бульваре в Москве (в 1952 г. заменен памятником работы Томского), и памятнике русскому ученому-революционеру К. А. Тимирязеву (1843—1920), работы скульпторов Меркурова и Осипова, установленном в 1923 г. на Тверском бульваре.

Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы (стр. 148). Неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 152, 3 июля; Сочинения, т. 7.

Написано в связи с первой поездкой писателей в колхозы, организованной редакцией «Комсомольской правды». В газете включено в подборку, объединенную развернутым редакционным заголовком («шапкой»): «Революция требует: отбиться от нищеты и чересполосицы, прорваться сквозь частоколы бескультурья и кулацкого своекорыстия к общему труду на общей земле, к строю цивилизованных кооператоров. Повестей, песен, плакатов, зовущих к борьбе за коллективизацию, за перепашку межей, ждем мы от писателей и художников, едущих в колхозы». Подборка содержит краткие характеристики уезжающих писателей и завершается статьей А. В. Луначарского «Путешествие в колхозы».

Строки 1—15. *Замятин* Е. Н. (1884—1937) — русский писатель начала XX в. К Октябрьской революции отнесся враждебно. Живя в Советской России, занимал по отношению к советской власти формально «лояльную» позицию, но остался как писатель вне подлинно советской литературы. В 1930 г. уехал за границу.

Строки 16—41. *Пильняк* Б. (псевдоним)— Б. А. Вогау (1894—1941) — русский писатель. Много путешествовал по Европе, Японии, Америке.

Строки 43—65. Имеется в виду очерк Ф. В. Гладкова «Оазис будущего» (об украинской коммуне «Авангард»), напечатанный в «Известиях» (1928, №№ 72, 73, 25 и 27 марта). В очерке сообщалось, что в коммуне колхозники могут за 10 копеек получить в столовой обед с какао на третье. «Комсомольская правда» откликнулась на этот очерк критической статьей «Больше знаний в творчество писателей. Не только поверить, но и проверить» (1928, М. № 104, 6 мая). *«Пьяное солнце»* — повесть Ф. В. Гладкова.

Строки 66—72. *Никулин* Л. В. (род. в 1891 г.) — советский писатель-прозаик.

Строки 73—84. *Доронин* И. И. (род. в 1891 г.) — советский поэт. Маяковский здесь нарочито использует частушечный ритм, которым написано большинство стихов Доронина.

Строки 85—96. *Третьяков* С. М. (1892—1939) — советский писатель: поэт, драматург, прозаик, очеркист, фельетонист, участник группы «Леф».

«О б щ е е» и «м о е» (стр. 152). Беловой автограф (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 154, 5 июля; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 127—128 вместо «Мы кроем быт столетий» — «Мы кроем быт столетний» (по беловому автографу).

Написано по материалам «Комсомольской правды».

Строка 35. *Златоуст.*— Здесь нарицательно, в смысле: красноречивый оратор. (Иоанн — знаменитый христианский писатель и проповедник IV в., славился своим красноречием, за что получил прозвище «Златоуст».)

Строка 59. *По-третье-мещански.*— Третья Мещанская — улица в Москве; «Третья Мещанская» — название советского кинофильма на бытовую тему (режиссер А. М. Роом, выпуск 1927 г.).

Вредитель (стр. 157). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 156, 7 июля; Сочинения, т. 7.

В 1928 г. в Шахтинском районе (Донбасс) была раскрыта крупная вредительская организация, созданная бывшими шахтовладельцами и группой старых специалистов и руководимая так называемым «парижским центром», объединявшим крупнейших русских капиталистов-эмигрантов. Открытый судебный процесс над «шахтинцами» происходил с 18 мая по 5 июля 1928 г. и подробно освещался в газетах.

Строки 28—29. *В голодный волжский мор...* — то есть во время страшного голода в Поволжье в 1921 г.

Казань (стр. 161). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 59 (БММ); беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 156, 7 июля; газ. «Смена», Л. 1928, № 157, 8 июля; Сочинения, т. 7.

В Казани Маяковский был в январе 1928 года. 23 января в номере гостиницы «Казанское подворье» он встретился с местными поэтами. Сопровождавший Маяковского в поездках устроитель его вечеров П. И. Лавут в своих воспоминаниях сообщает:

«В номер старинного «Казанского подворья» началось настоящее паломничество. Журналистов и студентов сменили местные и приезжие поэты. Совсем молодой парень застенчиво вышел и после долгих робких предисловий прочел «Левый марш» по-чувашски. У Маяковского в руках чья-то тетрадь стихов. Снова раздается «Левый марш», на этот раз по-татарски. Маяковский одинаково приветлив со всеми, выслушивает всех, всем отвечает. В третий раз «Левый марш» уже по-марийски. А кругом все время — новые и новые люди, все хотят видеть Маяковского, все хотят узнать его мнение о своих стихах, о литературе, о быте, о газетной работе.

Под впечатлением такого большого литературного дня Маяковский написал стихотворение «Казань». (П. Лавут, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», М. 1940, № 6—7.)

Судя по черновому автографу, стихотворение было написано через полгода после поездки (в июне).

Строки 7—8. «*Шурум... бурум...*» — всякое старье, барахло. В дореволюционной России так, громко и нараспев, зазывали старьевщики, ходившие по дворам и скупавшие старую одежду. Этим промыслом занимались преимущественно казанские татары.

№ 1 7 (стр. 164). Беловой автограф строк 1—14 (БММ); газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 157, 9 июля; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений введена конъектура (в связи с исправлением опечатки): в строках 39—40 вместо «Бандит маникюрщик под каждого назван» — «Бандит маникюрщик под каждою назван».

Стихотворение написано к «Неделе обороны», проводившейся с 8 по 15 июля 1928 г.

Строка 3. *Никольская* — теперь «Улица 25 Октября» — одна из центральных улиц Москвы.

Строки 13—14. *Ос-авиахим* — Осоавиахим (Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству) — массовая добровольная организация граждан СССР, существовавшая с 1927 по 1948 г.

Марш — оборона (стр. 166). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 158, 10 июля; сб. «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строке 63 вместо «Выгладь да выровни» — «Выгладь да выровняй»; в строке 75 вместо «Над пехотинцами» — «Не пехотинцы мы» (по черновому автографу).

Стихотворение написано в связи с «Неделей обороны» (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Строки 13—14. *Антантовы цуцики ждут грызни* — см. примечание к стихотворению «Десятилетняя песня» (стр. 545 настоящего тома).

Строка 15. *Маршал Пилсудский* Юзеф (1867—1935) — возглавлял в 1920 г. нападение белопанской Польши на Советскую Россию; в 1926—1935 гг. — фашистский диктатор Польши.

Строка 78. *Осоавиахим* — см. примечание к предыдущему стихотворению.

Готовься... (стр. 169). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); «Рабочая газета», М. 1928, № 159, 11 июля; Сочинения, т. 7.

Стихотворение написано в связи с «Неделей обороны» (см. примечание к стихотворению «№ 17», стр. 562 настоящего тома).

Строка 11. *Деникин* — см. примечание к стихотворению «Десятилетняя песня» (стр. 545 настоящего тома).

Строка 13. *Генерал Шкуро* А. Г. (1886—1945) — командир кон-

ного корпуса в армии Деникина. В годы гражданской войны был известен жестокими расправами с населением.

Строка 21. *Чемберлен* Остин (1863—1937) — министр иностранных дел Англии в 1924—1929 гг. Проводил антисоветскую политику.

Строка 22. *Врангель* — см. примечание к стихотворению «Весенняя ночь» (стр. 555 настоящего тома).

Строка 46. *Антанта* — см. примечание к стихотворению «Десятилетняя песня» (стр. 545 настоящего тома).

Готовься! Стой! Строй! (стр. 171). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 159, 11 июля; Сочинения, т. 7.

Стихотворение написано в связи с «Неделей обороны» (см. примечание к стихотворению «№ 17», стр. 562 настоящего тома).

Строка 1. *Врангель* — см. примечание к стихотворению «Весенняя ночь» (стр. 555 настоящего тома). *Колчак* — см. примечание к стихотворению «Екатеринбург—Свердловск» (стр. 542 настоящего тома).

Товарищи, поспорьте о красном спорте! (стр. 174). Беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 159, 11 июля; Сочинения, т. 7.

В «Комсомольской правде» стихотворение включено в подборку «Чемпион или физкультурник общественник?» В заметках этой подборки говорится о тех же нездоровых явлениях в советской спортивной жизни, о которых пишет Маяковский: «Переманивание «лучших», перетаскивание чемпионов из одной организации в другую становится бытовым явлением. ...Спросите у любого чемпиона... о составе Политбюро, о китайских событиях, о перевыборах в Германии, о какой угодно кампании — и он начнет мычать, бессвязно выплевывать какие-то нечленораздельные звуки». «Среди чемпионов (главным образом) распространены пьянство, грубые хулиганские поступки, разврат и проч.».

Строки 70—72. *Назсвет товарища Калинина «Давид Василичем»* — то есть не знает имени и отчества главы Советского государства — председателя ЦИК (Центрального Исполнительного комитета Советов) СССР — Михаила Ивановича Калинина (1875—1946).

Строка 74. *Рыков* А. И. — см. примечание к стихотворению «Лицо классового врага» (стр. 547 настоящего тома).

Строка 75. *СТО* — Совет Труда и Обороны при Совнаркоме СССР (существовал до 1937 г.), возглавлялся председателем Совнаркома. Должности «заведующего СТО» не существовало.

Соберитесь и поговорите-ка вровень с критикой писателя и художника, почему так много сапожников-критиков и нет совершенно критики на сапожников? (стр. 178). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 160, 12 июля; Сочинения, т. 7.; сб. «Без доклада не входить».

Строки 146—155 перепечатаны в газете «Комсомольская правда», М. 1929, № 22, 27 января в подборке о качестве товаров.

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить» с исправлением опечаток по текстам газеты «Комсомольская правда» и 7 тома Сочинений: в строках 47—49 вместо «Читатель зрачком на статье поелозит» — «Читатель зрачком по статье поелозит»; в строках 111—112 вместо «Содержанию моей ноги?» — «Содержанию — моей ноге?»; в строках 116—117 вместо «стоят дорого или дешево» — «стоят дорого или дёшевы».

Стихотворение напечатано в подборке, озаглавленной: «Что вы покупаете? Против товарной дряни».

Строка 13. *Жаров* А. А. (род. в 1904 г.)— советский поэт.

Строки 17 и 32. *Никулин* Л. В. (род. в 1891 г.), *Катаев* В. П. (род. в 1897 г.) — советские писатели-прозаики.

Строки 39, 41. *Ермилов* В. В. (род. в 1904 г.), *Горбов* Д. Д. (род. в 1894 г.)—советские критики, принадлежавшие в 20-е гг. к враждовавшим между собой литературным группировкам «На литературном посту» и «Перевал».

Строки 56, 81 и 99—102. *Малашкин* С. И. *«Луна»... «с правой стороны»* — см. примечание к стихотворению «Сердечная просьба» (стр. 544 настоящего тома).

Дом Герцена (стр. 183). Неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 162, 14 июля; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Заглавие.— В доме, в котором родился и жил Герцен (в Москве на Тверском бульваре), в 20-х гг. помещались литературные организации; в подвале дома был ресторан.

Строка 1. *Герцен* А. И. (1812—1870) — см. примечание к стихотворению «Счастье искусств» (стр. 583 настоящего тома).

Строки 53—57. Здесь пародийно использованы строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841):

Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин...

Строки 66—67. Здесь Маяковский пародийно использует первую строку популярной до революции песенки А. Вертинского «Лиловый негр»:

Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?

Крест и шампанское (стр. 187). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); авторизованная машинописная копия (дефектная) (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 163, 15 июля; Сочинения, т. 7; сб. «Туда и обратно».

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно» с исправлением вкравшейся в него ошибки: в строках 102—103 вместо «За Амундсеном! Днями воспользуемся!» — «За Амундсеном! Днями воспользуйся!» (по черновому автографу).

Летом 1928 г. итальянский дирижаблестроитель и полярный путешественник генерал Умберто Нобиле (род. 1885) предпринял экспедицию к Северному полюсу на дирижабле «Италия».

Дирижабль потерпел аварию. Для спасения экипажа было снаряжено несколько экспедиций. Первым был вывезен на самолете сам Нобиле (см. строки 25—34). Остальные члены экипажа «Италии» были спасены советским ледоколом «Красин». В советской прессе подробно освещался и полет Нобиле и спасательные экспедиции советских ледоколов. В частности, в газетах отмечалось, что Нобиле, позаботившись о показной стороне экспедиции (на дирижабль был погружен большой католический крест, который предполагалось установить на полюсе), отнесся недостаточно серьезно к ее технической подготовке.

В «Комсомольской правде» стихотворение «Крест и шампанское» появилось после сообщения о том, что «Красин» снял со льда первую группу спутников Нобиле и продолжает поиски. Оно включено в подборку «На помощь экипажу «Италия» и Амундсену».

В газете «Нью-Йорк Таймс» 16 июля 1928 г. помещена телеграмма московского корреспондента с сообщением об этом стихотворении, а через несколько дней там же напечатан краткий прозаический перевод.

Строка 10. *«Перпетуум-Нобиле»* — игра слов, основанная на созвучии «Нобиле — мобиле». «Перпетуум мобиле» (лат. perpetuum mobile) — вечнодвижущееся. Машину, способную работать без источника энергии, тщетно пытались сконструировать изобретатели, не знавшие физического закона сохранения и превращения энергии.

Строка 39. *«Эс-о-Эс»* — то есть S. O. S.— международный сиг-

нал бедствия, начальные буквы слов английской фразы: «Save our souls» — «Спасите наши души».

Строка 60. *«Красин»* — ледокол, названный в честь Л. Б. Красина (1870—1926), видного деятеля Коммунистической партии и советского дипломата.

Строки 87—89. *Мальмгрен* — шведский ученый, исследователь полярных стран и Арктики. После аварии дирижабля «Италия» отправился с двумя итальянцами, членами экспедиции, к земле, но, сбессилев, не смог продолжать путь и был брошен на произвол судьбы своими спутниками (которых позже спас экипаж «Красина»). Тело Мальмгрена найдено не было.

Строка 102. *Амундсен* Руаль (1872—1928) — известный норвежский полярный путешественник, один из крупнейших исследователей Арктики и Антарктики. 18 июня 1928 г. вылетел на гидроплане «Латам» на розыски экипажа дирижабля «Италия» и бесследно пропал вместе со своими спутниками.

Странно... но верно (стр. 191). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); Сочинения, т. 7.

Было ли это стихотворение напечатано в периодике, не установлено. Его автограф в записной книжке № 60 непосредственно следует за стихотворением «Крест и шампанское», посвященным той же теме (см. примечание к предыдущему стихотворению).

О том, как некие сектантцы зовут рабочего на танцы (стр. 193). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); «Рабочая газета», М. 1928, № 164, 17 июля; Сочинения, т. 7.

Каждый сам себе ВЦИК (стр. 195). Неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Правда», М. 1928, № 165, 18 июля; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в тексте 7 тома Сочинений восстановлены по машинописной копии, сохранившейся в бумагах Маяковского, строки 13—25, пропущенные в печатных источниках, и внесено исправление: в строке 47 вместо «воздушной пленнице моей» — «воздушной пленницы моей» (по машинописной копии и газете «Правда»).

В «Правде» стихотворение напечатано в «Листке Рабоче-Крестьянской инспекции» под заметкой о том, что некий Мещерин, осужденный тамбовским губернским судом за контрреволюционную дея-

тельность на 10 лет, был два с половиной года спустя самовольно «амнистирован»... тамбовским губисполкомом.

Строки 45—47. Цитата из хрестоматийного стихотворения «Птичка», принадлежащего малоизвестному поэту XIX века Ф. А. Туманскому (ум. в 1853 г.).

Дом Союзов 17 июля (стр. 197). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 165, 18 июля; газ. «Ленинградская правда», 1928, № 166, 19 июля; Сочинения, т. 7.

Написано в связи с открытием в Москве 17 июля 1928 г. Шестого Всемирного конгресса Коминтерна (Коммунистического интернационала), международной организации, возникшей в 1919 г. по инициативе В. И. Ленина и объединявшей все коммунистические партии. (Коминтерн существовал до 1943 г.)

Напечатано на первой полосе газеты «Комсомольская правда», целиком посвященной торжественному открытию конгресса.

Строка 47. *Бухарин* Н. И. (1888—1938) — был в 1928 г. членом Политбюро ЦК ВКП(б) и по поручению Центрального Комитета выступал с докладом на Шестом Всемирном конгрессе Коминтерна. Впоследствии исключен из партии как один из лидеров правой оппозиции.

Строки 53—54. *«Вы жертвою пали в борьбе роковой»* — начальная строка текста похоронного марша революционеров, написанного еще в 70-х гг. неизвестным автором. Пением этого марша делегаты Шестого конгресса почтили память погибших в борьбе коммунистов.

Строки 73—75. Измененные строки из припева партийного гимна «Интернационал».

Строки 86—95. В конце отчета о торжественном открытии Конгресса (помещенного в газете на той же полосе, что и стихотворение) говорится: «Перед трибуной, встреченные бурной овацией, выстраиваются красноармейцы, которых московский гарнизон послал приветствовать Конгресс... Мощное ура прокатывается по залу. Красноармейцу долго не дают говорить, он не в силах приостановить овацию».

Шестой (стр. 200). «Рабочая газета», М. 1928, № 166, 19 июля; Сочинения, т. 7; сб. «Туда и обратно».

Перепечатано в газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1928, № 167, 20 июля (под заглавием «Пятьдесят стран»); «Коммуна», Калуга, 1928, 22 июля; «Красная Татария», Казань, 1928, 22 июля.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Написано в связи с открытием Шестого Всемирного конгресса Коминтерна (см. выше примечание к стихотворению «Дом Союзов 17 июля»).

Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево! (стр. 203). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 61 (БММ); беловой автограф (БММ); газ. «Правда», М. 1928, № 168, 21 июля; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строке 69 вместо «Большая Медведица» — «Большущая Медведица» (по всем другим источникам).

По свидетельству работавшего в «Правде» в 1928 г. писателя А. Н. Зуева, стихотворение, при его публикации в газете, было сокращено без ведома Маяковского (выброшены строки 45—52 и 76—80), что вызвало недовольство поэта.

В «Правде» стихотворение напечатано в «Листке Рабоче-Крестьянской инспекции» и входит в подборку, озаглавленную: «На борьбу за дешевое, хорошее и удобное жилье! Строим без проектов, из плохого материала, неэкономно, неразумно». Маяковским использованы факты, приведенные в заметках рабочих:

«Пока дождешься в жилкоопе квартиры, можно состариться и перейти на пенсию. Размер пенсии 25—40 рублей, а платить из этой пенсии придется за квартиру 20 рублей в месяц».

«...Хотя кооперативы именуют себя рабочими... известны случаи продажи жилплощади в новых коопдомах нэпманам».

«На чердаках домов светло как на улице, так как черепицу строители плохо приладили».

«Полгода назад въехали в новый дом. А нынче уже ремонт. Благо на балконе жить можно» (подпись над фотографией балконов).

Про пешеходов и разинь, вонзивших глазки небу в синь (стр. 206). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); беловой автограф с позднейшей правкой (БММ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 171, 25 июля; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строке 47 вместо «Плетенка из каких-то вер» — «Плетенка из каких-то вех» (по автографам и газ. «Рабочая Москва»).

Строки 13, 43. *Петровка, Охотный ряд* — улицы в центре Москвы.

Строки 41—42. В 1927 г. в Крыму было сильное землетрясение.

Т р у с (стр. 209). Беловой автограф строк 119—132 (ИМЛИ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 28, июль; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту т. 7 Сочинений.

Беловой автограф написан на обороте рукописного списка строк 97—118, сделанного П. Незнамовым с двумя приписками — сверху: «(из «Крокодила»)» и внизу: «Это писано моей рукой, а на обороте (карандашом) — рукой Маяковского по моей просьбе. П. Незнамов».

Стихотворение упомянуто под названием «Сов-трус» в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа» 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

П о м п а д у р (стр. 213). Журн. «Крокодил», М. 1928, № 29, август; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Факт, положенный в основу стихотворения, описан в фельетоне Михаила Кольцова «В международном вагоне» («Правда», 15 мая 1928 г., № 111). Эпиграф стихотворения является выдержкой из фельетона.

Стихотворение было сдано Маяковским в редакцию журнала «Крокодил» до отъезда поэта в Крым, то есть до 23 июля 1928 г. С дороги он телеграфировал редакции о замене строк 75—76 (см. «Варианты и разночтения», стр. 488 настоящего тома.) В апреле 1930 г. эта телеграмма была воспроизведена в журнале.

Стихотворение упомянуто под названием «Сов-помпадур» в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа» 26 сентября 1928 г. (см. том 13 настоящего издания).

Заглавие. *Помпадур* — администратор-самодур. Это слово ввел в русский язык Салтыков-Щедрин своими сатирическими очерками «Помпадуры и помпадурши» (1863—1874).

Строки 8—9. *...на воды* — то есть на один из курортов группы «Кавказские Минеральные воды».

Строка 46. *«...володеть и княжить»* — фраза из обращения русских князей к варягам в IX в.

Строка 72. *...из ЦИКа и из СТО* — см. примечание к стихотворению «Товарищи, поспорьте о красном спорте» (стр. 564 настоящего тома).

7 ч а с о в (стр. 217). «Рабочая газета», М. 1928, № 179, 3 августа; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 57—58 вместо «Заводы гудком гудят» — «Заводы гудком гудут» (по тексту «Рабочей газеты»).

Стих не про дрянь, а про дрянцо. Дрянцо хлещите рифм концом (стр. 219). Черновой и беловой автографы в записной книжке 1928 г. № 61 (БММ); журн. «Экран», М. 1928, № 32, 5 августа; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту т. 7 Сочинений.

Стихотворение упомянуто под названием «Сов-обыватель» в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа» 26 сентября 1928 г. (см. том 13 настоящего издания).

К строкам 1—5. Здесь речь идет о стихотворении Маяковского «О дряни» (см. т. 2 настоящего издания, стр. 73).

Строка 84. *Допр* — дом предварительного заключения.

Строка 85. *МОПР* — см. примечания к стихотворению «Служака» (стр. 557 настоящего тома).

Крым (стр. 222). Черновой автограф первой строфы на листе из блокнота (БММ); беловой автограф с поправками на трех листах почтовой бумаги (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 223, 25 сентября; Сочинения, т. 7.

Черновой автограф записан на одном листе с черновиком стихотворения «Небесный чердак» и заготовками стихотворений «Рифмованный отчет» и «Это те же».

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 18—20 вместо «Визгом и цветами пьянит Орианда» — «Вином и цветами пьянит Ореанда»; в строках 98—101 вместо «Рвало здесь землетрясение дороги, нет ли,»— «Рвало здесь землетрясение дороги петли,»; в строках 112—114 вместо «подрезая ураганом корни» — «подрезая ураганам корни»; место и дата написания вместо «Алушта 25/VII»— «Алупка 25/VII—28» (по беловому автографу и газ. «Комсомольская правда»).

Строки 20, 23. *Ореанда*, *Массандра* — поселки около Ялты, славящиеся виноделием.

Строка 81. *Чемберлен* — см. примечание к стихотворению «Готовься...» (стр. 564 настоящего тома).

Строки 98—108. В сентябре 1927 г. в Крыму было сильное землетрясение.

Строка 105. *Развезувился* — то есть уподобился Везувию (гора-вулкан в Италии, близ Неаполя).

Строка 106. *Ай-Петри* — одна из вершин главной гряды Крымских гор.

Небесный чердак (стр. 226). Черновой автограф на листе из блокнота (БММ); черновой автограф заключительной строфы в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Ленинградская правда», 1928, № 246, 21 октября; Сочинения, т. 7.

Черновик стихотворения (без последней строфы) записан на том же листе, что и автограф первой строфы стихотворения «Крым» и заготовки стихотворений «Рифмованный отчет» и «Это те же». Судя по месту записи заключительной строфы — в записной книжке № 62, стихотворение закончено не позднее начала августа.

В «Ленинградской правде» стихотворение имеет подзаголовок: «Пейзажный отдыхательный стих».

Евпатория (стр. 228). Неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 186, 13 августа; Сочинения, т. 7.

В машинописной копии посвящение: «Л. Б.» — Лиле Юрьевне Брик.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление опечатки: в строках 21—22 вместо «караимы евпаторьянки» — «караимы евпаторьяки» (по смыслу и по рифме).

Стихотворение написано 3 августа, во время пребывания Маяковского в Евпатории. Упомянуто Маяковским в составленной им афише его вечера «Левей Лефа» 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Земля наша обильна (стр. 230). Неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 195, 23 августа; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Польза землетрясений (стр. 233). Беловой автограф на двух листах почтовой бумаги (БММ); журн. «Экран», М. 1928, № 35, 26 августа; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7-тома Сочинений внесено исправление: в строках 70—75 вместо «Я земле трясение люблю не очень, земле подобает стоять» —«Я землетрясения люблю не очень, земле подобает — стоять» (по беловому автографу).

Стихотворение написано в связи с тем, что обыватели, напуганные крымским землетрясением 1927 года, в 1928 году боялись ехать в Крым.

Строки 45—49. Имеется в виду вышедшая в 1927 г. книжка Л. С. Фридлянда «За закрытой дверью. Записки врача-венеролога».

Рифмованный отчет. Так и надо — крой, Спартакиада! (стр. 236). Черновой автограф на листе из блокнота (БММ); авторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 187, 14 августа.

Печатается по тексту «Комсомольской правды» с исправлением в строках 32—33 вместо «Сопит и едет» — «Сопит, а едет» (исправлено в машинописной копии рукой Маяковского).

Черновой автограф находится на одном листе с заготовками к стихотворению «Это те же» и на обороте черновика стихотворений «Крым» и «Небесный чердак».

На полях машинописной копии Маяковский набросал чернилами заметки, послужившие темой стихотворения «Это те же» (см. примечание к стихотворению «Это те же», стр. 574 настоящего тома).

В газете стихотворение напечатано на полосе, посвященной открывшейся 13 августа в Москве Международной спортивной спартакиаде.

Строка 38. ... *от иверских шлюзов.*—Имеются в виду узкие проходы Воскресенских ворот, которые вели на Красную площадь (с площади Революции). Между проходами стояла часовня «Иверской божьей матери», поэтому и ворота также иногда называли Иверскими. (Часовня снесена в 1920 г., ворота — в 1934 г.)

Строка 89. Джойнсон-*Хикс*, Вильям (1865—1932) — министр внутренних дел Англии в 1924—1929 гг. К СССР относился враждебно.

Товарищи хозяйственники! Ответьте на вопрос вы — что сделано, чтоб выросли Казанцевы и Матросовы? (стр. 240). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 189, 16 августа; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 32—34 вместо «Сто четырнадцать инстанций ходят вверх и ходят вниз» — «Сто четырнадцать инстанций. Ходят вверх и ходят вниз» (по тексту «Комсомольской правды»); в строках 71—73 вместо «И язык чиновный вяленький» — «И язык чиновный вяленый» (по черновому автографу и «Комсомольской правде»).

Еще 19 февраля 1928 г. в «Комсомольской правде» была напечатана корреспонденция из Ленинграда «Тормоз монтера Матросова». В корреспонденции были приведены факты, рисующие бюрократическое отношение некоторых специалистов и работников аппарата НКПС (Народного Комиссариата Путей Сообщения) к изобретателю Матросову. В настоящее время И. К. *Матросов* (род. в 1886 г.) известный советский изобретатель. Ф. Л. *Казанцев* (1877—1940) начал свою изобретательскую деятельность еще до 1917 г., но лишь при советской власти получил возможность применить свои изобретения на практике.

Стихотворение помещено в «Комсомольской правде» в составе подборки об изобретательстве. Этой подборкой газета продолжала обсуждение вопросов, поставленных в опубликованном на ее страницах 13 июля 1928 г. письме рабочих-изобретателей в Центральный Комитет ВКП(б).

Это те же (стр. 244). Заготовки к строкам 10—15 и 23—27 (БММ); черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); газ. «Вечерняя Москва», 1928, № 190, 17 августа.

Заготовки к строкам 10—15 и 23—27 записаны на обороте листа, на лицевой стороне которого находятся черновики стихотворений «Крым» и «Небесный чердак» (см. примечания к этим стихотворениям стр. 571—572 настоящего тома).

Сохранились относящиеся к содержанию этого стихотворения краткие заметки Маяковского на полях машинописной копии стихотворения «Рифмованный отчет»: «23 ⟨тысячи⟩ пролетарии [граждан] рабочих Советск⟨ого⟩ Союза раб⟨очих⟩ заграницы. Радостно было смотреть как те кого в странах буржуазии кривили конторы [и] ломали фабрики шли сегодня в Советском Союзе демонстрировать ловкое сильное здоровое тело».

В Собрание сочинений стихотворение не вошло. Печатается по тексту газеты «Вечерняя Москва».

Стихотворение написано в связи с проходившей в Москве в августе 1928 г. Международной спортивной спартакиадой.

Ш у т к а, п о х о ж а я н а п р а в д у (стр. 246). Беловой автограф с поправками (БММ); корректурные гранки газеты «Читатель и писатель» с правкой Маяковского (БММ); газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 33, 18 августа; Сочинения, т. 7.

В газете над заглавием: «Маленький фельетон».

Стихотворение написано в связи с проектом построить дом Госиздата на месте Страстного монастыря.

Строка 11. *Страстной монастырь* — находился на Страстной площади в Москве (теперь площадь Пушкина) между памятником Пушкина и зданием газеты «Известия». Снесен в 1937 г.

Строка 32. *Степанов-Скворцов* И. И. (1870—1928) — партийный и советский государственный деятель. В 1928 г.— ответственный редактор «Известий» и журнала «Красная нива».

Строка 50. *Зозуля* Е. Д. (1891—1941) — советский писатель. *Орешин* П. В. (1887—1943) — советский поэт и прозаик.

Строка 71. *ГИЗ* — Государственное издательство.

П р и в е т, К И М! (стр. 250). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 192, 19 августа; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 20—21 вместо «Католические институтки молодежи» — «Католические институты молодежи» (исправление смысловой ошибки; конъектура); в строках 29—30 вместо «Наш двухмиллионный КИМ» — «Наш двухмильонный КИМ» (по тексту «Комсомольской правды»).

Стихотворение написано к Пятому Всемирному конгрессу КИМ.

КИМ — Коммунистический Интернационал Молодежи — международная массовая беспартийная организация молодежи, работавшая под идейным и организационным руководством Коминтерна (см. примечание к стихотворению «Дом Союзов 17 июля», стр. 568 настоящего тома); существовала с 1919 г. по 1943 г. Конгресс открылся 20 августа 1928 г. В «Комсомольской правде» посвященная этому событию подборка, в составе которой помещено стихотворение, озаглавлена: «Трудящаяся молодежь Советского Союза шлет привет Пятому конгрессу КИМ».

К о с т о л о м ы и м я с н и к и (стр. 252). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, специальный номер, 20 августа; Сочинения, т. 7; сб. «Туда и обратно».

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

В специальном номере «Комсомольской правды», вышедшем в день открытия Всемирного конгресса КИМ (см. предыдущее примечание), стихотворение помещено рядом с подписанным Эрнстом Тельманом приветствием конгрессу от Коммунистической партии Германии и статьей французского писателя-коммуниста Анри Барбюса, содержащей обращенный к молодежи всего мира призыв к защите Советского Союза как отечества всех трудящихся.

Строка 29. *Фош* Ф. (1851—1929) — французский маршал (главнокомандующий вооруженными силами стран Антанты в конце первой мировой войны), ярый враг СССР.

Строка 30. *Чемберлен* Остин — см. примечание к стихотворению «Готовься...» (стр. 564 настоящего тома).

Строки 31—34. *Покамест о запрещении войны болтают разговорчивые Келлоги...* — Имеется в виду происходившая в это время в Париже шумная подготовка к подписанию так называемого «пакта Келлога — Бриана», то есть договора «о воспрещении войны как орудия национальной политики». В пакте участвовали представители Франции, США, Англии, Германии, Италии, Японии и некоторых других государств. Участники «пакта», в особенности его инициатор, государственный секретарь США Ф. Келлог (1856—1937), противопоставляли пакт конкретным предложениям советского правительства о разоружении. Подписание пакта состоялось 27 августа 1928 г.

Строка 40. *Пилсудский* — см. примечание к стихотворению «Марш-оборона» (стр. 563 настоящего тома).

П о м о щ ь Н а р к о м п р о с у, Г л а в и с к у с с т в у в к у б е, п о ж г у ч е м у в о п р о с у, в о п р о с у о к л у б е (стр. 256). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф с поправками и вставкой строк 36—44 (БММ); газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 34, 25 августа; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту 7 тома Сочинений с исправлением: в строках 58—59 вместо «Без скатертей и прочей финтифлюшины» — «Без скатертей и прочей финтифлюжины» (восстановлена по беловому автографу орфография Маяковского).

В газете «Читатель и писатель» стихотворение помещено в подборке, составленной из ответов ряда писателей на анкету «Чего вы ждете от клуба писателей?» В связи с этим оно имеет в газете подзаголовок: «Вместо ответа на анкету».

Стихотворение упомянуто Маяковским под названием «Клуб»

в составленной им афише его вечера «Левей Лефа», 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Строка 25. *Авербах* Л. Л. (1903—1939)— критик, в то время генеральный секретарь Всероссийской ассоциации пролетарских писателей.

Строка 33. *Молчанов* И. Н. (род. в 1903 г.) — советский поэт. (См. в т. 8 настоящего издания стихотворения «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им» и «Размышления о Молчанове Иване и о поэзии», стр. 196 и 209).

Строка 52. *Толстой* А. Н. (1883—1945) — советский писатель.

Строка 53. *Орешин* П. В.—см. примечание к стихотворению «Шутка, похожая на правду» (стр. 575 настоящего тома).

Строка 73. *Родов* С. А. (род. в 1893 г.) — советский поэт и критик. См. упоминание о нем в стихотворении «Юбилейное» (т. 6 настоящего издания, стр. 47).

Важнейший совет домашней хозяйке (стр. 259). Беловой автограф (БММ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 197, 25 августа; Сочинения, т. 7.

Перепечатано в газ. «Брянский рабочий», 1928, 13 сентября.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесены исправления: в строках 7—11 вместо «На кухне от копоти в метр наслоения семнадцать чудовищ из сажи усов» — «На кухне от копоти в метр наслоения! Семнадцать чудовищ из сажи усов»; в строках 19—20 вместо «Товарищ Борщина даже рада» — «Товарищ Борщина даже орала»; в строках 29—31 вместо «И ссоры, и сор, и сплетни» — «И ссоры, и сор, и сплетни с грязищей» (по беловому автографу и газете «Рабочая Москва»).

Стихотворение написано в связи с выпуском Третьего займа индустриализации СССР.

Размышления у парадного подъезда (стр. 261). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); газ. «Правда», М. 1928, № 197, 25 августа; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 41—42 вместо «Не подымет мужчина глаз» — «Не подымает мужчина глаза» (по автографу и газете «Правда»).

В «Правде» стихотворение напечатано в «Листке Рабоче-Крестьянской инспекции» в подборке под общим развернутым заглавием «Как относятся к посетителям в наших учреждениях? РКИ приступает к обследованию Наркоматов... Выявить и устранить волокиту,

небрежность и грубость в обращении с посетителями — задача обследования».

Заглавие — повторяет название написанного в 1858 г. известного стихотворения Н. А. Некрасова.

Явление Христа (стр. 263). Черновой автограф (БММ); беловой автограф (БММ); «Рабочая газета», М. 1928, № 198, 26 августа; Сочинения, т. 7.

Черновой автограф находится на одном листе с черновиком стихотворения «Повальная болезнь».

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 43—45 вместо «посохнут фамилии насухо» — «просохнут фамилии насухо» (по беловому автографу).

Стихотворение написано в связи с пактом Келлога — Бриана (см. соответствующее примечание к стихотворению «Костоломы и мясники», стр. 576 настоящего тома). В том же номере газеты дан крупный заголовок: «СССР требует не слов, а дела. Пакт Келлога не дает никаких гарантий».

Строки 11—12. *Христос не пешком пришел по воде.* — Согласно евангельской легенде, Христос шел пешком по водам Геннисаретского озера, как по суше.

Строки 39—40. ...*мир во человецех* — измененное выражение: «На земле мир, во человецех благоволение», из христианской молитвы.

Повальная болезнь (стр. 266). Черновой автограф (БММ); беловой автограф (БММ); Сочинения, т. 7.

Первая публикация стихотворения не установлена. В томе 7 отсутствуют строки 34—68, то есть количество строк, которое помещается на одной странице машинописи. Повидимому, при наборе случайно выпал лист.

Печатается по тексту 7 тома с восстановлением по беловому автографу выпавших строк.

Черновой автограф этого стихотворения записан на обороте чернового автографа стихотворения «Явление Христа». Беловой автограф по формату бумаги, цвету чернил, почерку схож с беловым автографом стихотворения «Явление Христа» и в то же время отличен по внешнему виду от всех других беловых рукописей. Это дает основание с полной уверенностью считать, что стихотворение «Повальная болезнь» было написано одновременно со стихотворением «Явление Христа», и тем самым датировать его августом 1928 г.

Баллада о бюрократе и о рабкоре (стр. 269). Заготовка к строкам 26—27, 36—37, 46—47, 55—56, 63—64 в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 201, 30 августа; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по 7 тому Сочинений.

В газете стихотворение напечатано в подборке материалов «легкой кавалерии» (см. примечание к стихотворению «Легкая кавалерия», стр. 558 настоящего тома), озаглавленной «Деритесь, как черти: с классовыми врагами, бюрократами и душителями самокритики».

Строки 26—27, 36—37, 46—47, 55—56, 63—64. *А Васькин слушает да ест* — перефразировка строки из басни Крылова «Кот и повар» (1812): «А Васька слушает да ест».

Плюшкин. Послеоктябрьский скопидом обстраивает стол и дом (стр. 272). Черновой и беловой автографы в записной книжке 1928 г., № 61 (БММ); неавторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 31, август; беловой автограф без разбивки на ступеньки (БММ); Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по 7 тому Сочинений.

Беловой автограф без разбивки на ступеньки и без пунктуации написан карандашом, рядом с аналогичным автографом стихотворения «Идиллия», на обороте машинописной копии стихотворения «Пиво и социализм» и является, повидимому, текстом, записанным Маяковским позднее (уже после публикации) по памяти для чтения на публичном выступлении.

Стихотворение упомянуто под названием «Сов-Плюшкин» в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа» 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Строки 50—55. *АХРР* — Ассоциация художников революционной России. Живописцев, принадлежавших к этой художественной группировке, обвиняли в натуралистическом изображении мелочей быта.

Строка 83. *Никиш* Артур (1855—1922) — знаменитый венгерский дирижер.

Халтурщик (стр. 275). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); неавторизованная машинописная

копия (БММ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 33, сентябрь; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Стихотворение упомянуто Маяковским под названием «Совхалтурщик» в составленной им афише его вечера «Левей Лефа», 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Строка 33. *«Жизнь за царя»* — другое название оперы великого русского композитора М. И. Глинки «Иван Сусанин» (1836). Под этим названием (на которое автор был вынужден согласиться под давлением официальных и придворных кругов Николая Первого), опера исполнялась вплоть до низвержения самодержавия, когда она была исключена из репертуара всех театров. В 30-х гг. опера была возобновлена под своим истинным, данным автором названием.

Строка 35. *Рыков* — см. примечание к стихотворению «Лицо классового врага» (стр. 547 настоящего тома).

Строка 55. *Лассаль* Фердинанд (1825—1864) — немецкий революционер, сыгравший известную роль в формировании социал-демократической партии Германии, но стоявший на позициях не научного, а мелкобуржуазного социализма.

Строка 82. *Профессор Воронов С. А.* (1866—1951) — известный хирург, занимавшийся проблемой омоложения.

XIV МЮД (стр. 279). Газ. «Ленинградская правда», 1928, № 204, 2 сентября. В Собрание сочинений не вошло.

Печатается по тексту газ. «Ленинградская правда» с исправлением трех опечаток: в строке 9 вместо «знаменами принарядясь» — «Знаменами припарадясь»; в строках 48—50 вместо «Пугая мирных, лейся, лава юнгштурма.»— «Пугая жирных, лейся, лава юнгштурма»; в строке 71 вместо «передадим борьбой омываемой» — «передадим борьбой омываемый» (конъектура).

По свидетельству А. А. Садовского, работавшего в 1928 г. в «Рабочей радиогазете», 1 сентября 1928 г. Маяковский выступил с чтением этого стихотворения по радио.

Стихотворение написано к четырнадцатому МЮДу, то есть Международному юношескому дню, который ежегодно (с 1915 по 1945 г.) отмечался как международный праздник комсомольцев и молодых рабочих.

В 1928 г. МЮД проводился под лозунгами борьбы с военной опасностью и борьбы за укрепление интернационализма в рядах комсомольцев.

В с е с о ю з н ы й п о х о д (стр. 282). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 204, 2 сентября; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 84—86 вместо «Подымай, братва, по заводам» — «Подымай, братва, по заводам гул» (выпавшее слово восстановлено по тексту газеты «Комсомольская правда»).

В «Комсомольской правде» вошло в большую подборку, озаглавленную «В наш МЮД комсомол Страны Советов выступает в культурный поход. Это — начало великой борьбы за изгнание водки, грязи, неграмотности и бескультурья из пределов советской страны». (О МЮДе — см. примечание к предыдущему стихотворению.)

Строки 33—34. *Д-ы-ш-а-л-а н-о-ч-ь в-о-с-т-о-р-г-о-м с-л-а-д-о-с-т-растья...»* — первая строка популярного в мещанской среде дореволюционного романса «Уголок» (слова Мусорского, музыка Штеймана).

В п е р е д, к о м с о м о л ь ц ы! (стр. 285). Газ. «Рабочая Москва», 1928, № 204, 2 сентября.

Печатается по тексту газеты «Рабочая Москва».

Стихотворение написано к XIV Международному юношескому дню в связи с Всесоюзным культурным походом комсомола (см. выше примечания к стихотворениям «XIV МЮД» и «Всесоюзный поход»).

С е к р е т м о л о д о с т и (стр. 288). Заготовки-рифмы к строкам 2, 6, 15 в записной книжке 1928 г., № 52 (БММ); беловой автограф (БММ); однодневная газета МК ВЛКСМ «Идут легионы», М. 1928, 2 сентября — экстренный выпуск газеты «Рабочая Москва» к XIV Международному юношескому дню.

В газете стихотворение помещено под заглавием, данным редакцией: «Песня бодрости».

20 апреля 1930 г. в связи со смертью Маяковского напечатано в «Комсомольской правде» как «неизданное стихотворение Маяковского» (публикация Дж. Алтаузена по беловому автографу).

Печатается по беловому автографу.

Строка 46. *КИМ* — см. примечание к стихотворению «Привет, КИМ» (стр. 575 настоящего тома).

Г а л о п щ и к п о п и с а т е л я м (стр. 290). Беловой автограф с поправками (Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Ленинград); авторизованная машинописная копия (БММ);

беловой автограф строк 118—130 (как составная часть тезисов, подготовленных для выступления перед аудиторией) в записной книжке 1928 г. № 62 (БММ); газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 36, 8 сентября; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Стихотворение написано в ответ на статью критика Д. Тальникова (род. в 1882) в журнале «Красная новь» (1928, кн. 8), содержавшую грубый «разнос» «американских» стихов и очерков Маяковского с позиций, диаметрально противоположных позициям поэта. Маяковский видел в работе поэтов для газеты плодотворную форму их связи с современностью и один из путей, ведущих к обновлению и обогащению поэзии. Тальников же, как и все эпигоны «чистого искусства», отождествлял злободневность темы с поверхностностью. Не понимая гражданской страстности Маяковского, он пренебрежительно называл его стихи «газетными агитками», проявляя при этом претенциозность и отсутствие понимания стиха. Маяковского не мог не задеть и развязно-пренебрежительный, грубый тон статьи. 16 августа 1928 г., ознакомившись со статьей Тальникова, он послал редакции «Красной нови» краткое письмо:

«Изумлен развязным тоном малограмотных людей, пишущих в «Красной нови» под псевдонимом «Тальников». Дальнейшее мое сотрудничество считаю лишним».

10 сентября 1928 г. Маяковский выступил на вечере, организованном по его инициативе редакцией «Комсомольской правды». Он предложил комсомольцам «подтвердить его „командировку“ за границу», дать ему творческий наказ. В помещенном 8 сентября в «Комсомольской правде» объявлении об этом вечере перечислены темы, причем некоторые формулировки («Галопом по Европам и галопщик по писателям», «Бальмонт-мексиканец», «На что разевать глаза») прямо перекликаются с текстом стихотворения (см. текст этого объявления в т. 13 настоящего издания), а в перечне намеченных к чтению стихов упомянуты стихи о Тальникове.

Кроме того, в записной книжке № 62 есть написанные Маяковским для этого выступления резко полемические тезисы, непосредственно перекликающиеся с текстом стихотворения (см. эти тезисы и примечания к ним в т. 13 настоящего издания).

12 сентября «Комсомольская правда» поместила об этом вечере отчет, озаглавленный «Маяковский получил „командировку“».

Строки 19—20. Речь идет о стихотворениях Маяковского: «Господин „народный артист“» и «Шесть монахинь» (см. т. 8, стр. 120 и т. 7, стр. 9 настоящего издания).

Строка 62. *Северянин* Игорь (псевдоним И. В. Лотарева, 1887—1941) — русский поэт, глава так называемых эгофутуристов, являвшихся одной из группировок предреволюционной буржуазно-декадентской поэзии. С 1918 по 1940 г. жил за границей, в эмиграции. Умер в СССР.

Строка 63. *Бальмонт* К. Д. (1867—1942) — русский буржуазно-декадентский поэт, один из наиболее известных представителей так называемых «старших символистов». Умер в эмиграции.

Строка 117. *Колизеи* — здесь обобщенно, в значении «древности». Колизей — грандиозный цирк-амфитеатр в древнем Риме. (Сооружен в I в. н. э., развалины сохранились до наших дней.)

Счастье искусств (стр. 295). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60; журн. «Радиослушатель», М. 1928, № 1, 9 сентября.

В Собрание сочинений не вошло. Печатается по тексту журнала «Радиослушатель».

Вопросу о возможностях, которые открывает перед поэзией организация массового радиовещания, Маяковский посвятил написанную им в ноябре 1927 г. статью «Расширение словесной базы». В этой статье он писал: «Книга не уничтожит трибуны. Книга уже уничтожила в свое время рукопись. Рукопись — только начало книги. Трибуну, эстраду — продолжит, расширит радио. Радио — вот дальнейшее (одно из) продвижение слова, лозунга, поэзии. Поэзия перестала быть только тем, что видимо глазами. Революция дала слышимое слово, слышимую поэзию. Счастье небольшого кружка слушавших Пушкина сегодня привалило всему миру» (см. т. 12 настоящего издания).

Повидимому, это стихотворение подразумевал Маяковский под названием «Гимн» в составленной им афише вечера «Левей Лефа», 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Строка 16. *Мусоргский* М. П. (1839—1881) — великий русский композитор.

Строки 24—32. *Герцен* А. И. (1812—1870) — знаменитый русский революционный публицист, писатель, критик. Издавал в Лондоне в 1857—1867 гг. политическую газету «Колокол», в которой призывал к борьбе против самодержавия и крепостничества.

Вопль кустаря (стр. 297). Беловой автограф (ИМЛИ); газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 37, 15 сентября; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить» с исправлением: в строках 14—16 вместо «кляксой на бумагу упадет с пера» — «кляксой на бумагу упадает с пера» (по беловому автографу и газ. «Читатель и писатель»).

В газете стихотворение напечатано в подборке «Писатели и заем индустриализации».

Строка 26. *Паркер* — марка авторучки.

Строка 66. *Червей* — то есть червонцев (просторечное). Один червонец — 10 рублей.

Лучше тоньше, да лучше (стр. 300). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф (БММ); газ. «Читатель и писатель», М. 1928, № 37, 15 сентября.

Печатается по тексту газеты «Читатель и писатель».

«День книги» отмечался 15 сентября. Стихотворение написано к этой дате. В газете помещено среди высказываний о книге виднейших деятелей русской культуры.

Враги хлеба (стр. 302). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф с поправками (БММ); неавторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 216, 16 сентября.

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда» со следующими исправлениями, сделанными по автографам: в строках 55—57 вместо «Чтоб вновь, взвалив мешки и кули»—«Чтоб вновь, взвалив мешки и кульки»; в строках 63—64 вместо «да дети дворян с панами» — «да дети дворян с попами».

Номер газеты, в котором помещено стихотворение, частично посвящен ежегодно проводившемуся в 20-х гг. «Празднику урожая».

Привет делегатке (стр. 305). «Рабочая газета», М. 1928, № 217, 18 сентября.

В Собрание сочинений не вошло. Печатается по тексту «Рабочей газеты».

Стихотворение написано в связи с открытием 15 сентября 1928 г. 3-й сессии ЦИК БССР.

Строки 74—79. См. примечание к стихотворению «Две культуры» (стр. 549 настоящего тома).

Вегетарианцы (стр. 308). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 63 (БММ); беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 217, 18 сентября.

В беловом автографе строки 1—5 и 22—26 перечеркнуты и затем восстановлены Маяковским пунктирной чертой и указанием: «Надо». В «Комсомольской правде» эти строки все же выпущены.

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда» с восстановлением по беловому автографу выпущенных строк.

Написано в связи с праздновавшимся в сентябре 1928 г. столетием со дня рождения Л. Н. Толстого. В газете стихотворение помещено в подборке, озаглавленной «Уроки толстовских празднеств. Кого мы чествуем — Толстого или толстовцев? Вегетарианское меню „по-братски“». В тексте стихотворения использован входящий в подборку критический отчет о выступлениях толстовцев на вечере, состоявшемся 14 сентября 1928 г. в Политехническом музее. Выступавшие призывали упразднить Красную Армию.

Строки 9—13. Директором Музея «Ясная поляна» (усадьба Л. Н. Толстого, где он родился и жил) была в 20-х гг. дочь писателя А. Л. Толстая, из родных Толстого ближе всех стоявшая к «толстовцам». (В настоящее время живет в США.) На торжественном заседании в Ясной Поляне А. Л. Толстая, как сообщалось в «Комсомольской правде», заявила: «В яснополянской школе не проводится военизация, так как Лев Николаевич был противником всякого убийства, всякого насилия, войны и т. д.».

Головотяпам (стр. 310). Газ. «Постройка», М. 1928, № 108, 18 сентября.

В Собрание сочинений не вошло. Печатается по тексту газеты «Постройка».

Подборка, в состав которой входит стихотворение, занимает целую полосу и, кроме общего заголовка «В помощь Рабоче-Крестьянской инспекции», имеет подзаголовок: «Кипяточком». В использованных Маяковским заметках из этой подборки («В Яранске есть... Большой театр», «5 лет приключений сметы и проекта» и др.) приведены примеры головотяпства строительных организаций.

Студенту пролетарию (стр. 312). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Красное студенчество», М., учебный год 1928/29, № 1, 1 октября; Сочинения, т. 7.

Печатается по тексту журнала «Красное студенчество».

Написано не позднее первой половины сентября. На обороте белового автографа этого стихотворения — зачеркнутый Маяковским неполный черновик стихотворения «Даешь автомобиль» (см. примечание к следующему стихотворению).

Строки 73—76. *Не дадим буржуазным сынкам по Донбассам контру вить* — см. примечание к стихотворению «Вредитель» (стр. 561 настоящего тома).

Даешь автомобиль! (стр. 315). Черновой автограф (БММ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 217, 18 сентября.

В Собрание сочинений не вошло.

Печатается по тексту газеты «Рабочая Москва». Поскольку черновой автограф этого стихотворения написан на обороте беловой рукописи стихотворения «Студенту пролетарию» и перечеркнут теми же чернилами, какими в эту беловую рукопись внесена последняя небольшая поправка,— совершенно очевидно, что оно написано позднее, чем стихотворение «Студенту пролетарию».

Написано в связи с продолжавшейся подпиской на Третий заем индустриализации СССР.

Рассказ рабочего Павла Катушкина о приобретении одного чемодана (стр. 317). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф (БММ); журн. «Экран», М. 1928, № 39, 23 сентября; Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту журнала «Экран» с несколькими исправлениями пунктуации по беловой рукописи.

Стихотворение упомянуто под названием «Радио» в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа», 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

Строка 109. *Попов* А. С. (1859—1905) — великий русский ученый, изобретатель радио. *Эдисон* Томас Альва (1847—1931)—всемирно известный американский изобретатель в области электротехники и связи.

Горящий волос (стр. 321). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Экран», М. 1928, № 43, 21 октября.

Печатается по тексту журнала «Экран» с исправлением опечатки: в строках 32—33 вместо «склянку под потолок повесил он» — «склянку под потолок навéсил он» (по беловому автографу).

Стихотворение упомянуто под названием «Электричество» в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа» 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания). Очевидно, оно написано не позднее середины сентября.

П о и с к и н о с к о в (стр. 324). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 63 (БММ); «Женский журнал», М. 1929, № 2, февраль; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: уточнена (по смыслу) пунктуация в строках 42—52: вместо «Третьи соперничают с Волгой-рекой. Глубже волжской воды по горло влезешь в носки-трико. Подвязывай их под кадык» — «Третьи соперничают с Волгой-рекой — глубже волжской воды. По горло влезешь в носки-трико — подвязывай их под кадык».

Стихотворение написано не позднее сентября 1928 г.: оно названо среди других стихов в тексте афиши «Левей Лефа» от 26 сентября 1928 г. (см. т. 13 настоящего издания).

П о ч е м у? (стр. 327). Беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 224, 26 сентября.

Перепечатано в газете «Большевистская смена», Ростов/Д., 1928, 29 сентября.

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда».

Написано в связи с Всесоюзным культурным походом комсомола (см. примечание к стихотворению «Всесоюзный поход», стр. 581 настоящего тома). В газете помещено в подборке, озаглавленной «Вы всё еще у старта? Начинаем состязание участников культпохода».

Н е п о б е д и м о е о р у ж и е (стр. 331). Беловой автограф (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 228, 30 сентября; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Перепечатано в газ. «Звезда», Новгород, 1928, № 231, 4 октября.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строках 88—90 вместо «Помни, услышав канонадный отзвук» — «Помни, услыша канонадный отзвук» (по беловому автографу).

Строки 21—22. ... *травоядные призывы Толстых* —см. примечание к стихотворению «Вегетарианцы» (стр. 585 настоящего тома).

Ч т о т а к о е п а р к? (стр. 334). Журн. «Огонек», М. 1928, № 40, 30 сентября.

Печатается по тексту журнала «Огонек».

Центральный парк культуры и отдыха открылся в Москве 15 июля 1928 г.

В журнале «Огонек» текст стихотворения напечатан в сопровождении шести фотоиллюстраций А. Шайхета.

Строка 16. *Баркарола* — песня венецианских лодочников (гондольеров). Форма баркарол использована и в инструментальной музыке.

Рассказ одного об одной мечте (стр. 337). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф (БММ); журн. «За рулем», 1928, № 6, сентябрь; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить» с исправлением опечатки в строках 104—106: вместо «А пока мостовые починим хотя б» — «А пока мостовые починили хотя б» (по черновому и беловому автографам).

В беловом автографе и в журнале есть подзаголовок: «Из книги «Культурная революция».

Журнал «За рулем», в котором напечатано стихотворение, был органом возникшего в 1927 г. «Общества содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог в РСФСР» (сокращенно — «Автодор»). В целях сбора средств для осуществления своих задач, Автодор выпускал распространявшиеся среди населения билеты массовых лотерей, среди выигрышей которых были: кругосветное путешествие, путешествие по Европе, автомобили, мотоциклеты, велосипеды и т. д. Стихотворение написано в связи с выпуском 1-й лотереи Автодора.

Строка 62. *Саваоф* — одно из наименований бога.

Строка 96. *НАМИ* — Научный автомоторный институт.

Строка 99. *АМО* — Автомобильный московский завод (теперь завод им. Лихачева).

Идиллия (стр. 340). Заготовки-рифмы к строкам 13, 15, 16, 17 в записной книжке 1928 г., № 56 (БММ); черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 60 (БММ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 35, сентябрь; Сочинения, т. 7; беловой автограф (БММ); строки 1—2, 9—13, 19—21, 29—31, 39—41, 48—49 в записной книжке 1929 г., № 67 (БММ).

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строках 39—41 вместо «С папой «Ниву» смотрят дети» — «С папой «Ниву» смотрят детки» (по беловому автографу и по рифме).

Черновой автограф в записной книжке № 60 дает основание предположительно датировать стихотворение первой половиной июля 1928 г.

Беловой автограф (карандашом, без разбивки строк на «ступеньки» и без пунктуации), повидимому, является так же, как и находящийся на том же листе бумаги автограф стихотворения «Плюшкин» (см. примечание к нему, стр. 579 настоящего тома), позднейшей записью, сделанной по памяти перед выступлением с чтением стихов.

Строки, внесенные в записную книжку № 67, являются начальными строками нескольких строф и находятся на одном развороте с такого же типа записью, относящейся к «Стихотворению о проданной телятине». Очевидно, это — тоже запись-памятка, сделанная Маяковским в 1929 г. для другого выступления.

Строки 16—17. *Гарри Пиль* (род. в 1892 г.) — известный немецкий киноактер.

Строка 45. *Клара Цеткин* (1857—1933) — видная деятельница германского и международного рабочего движения, одна из основателей Компартии Германии. С 1921 г. состояла членом Президиума Исполнительного Комитета Коминтерна.

Столп (стр. 343). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); журн. «Крокодил», 1928, № 36, сентябрь; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Во избежание умственных брожений, стихи написав, объясняю их: стихи в защиту трудовых сбережений, но против стяжателей, глупых и скупых (стр. 346). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 231, 4 октября; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: восстановлены по двум автографам и газете «Комсомольская правда» случайно выпавшие при наборе строки 17—22.

Стихотворение написано в связи с дискуссией, которая продолжалась на страницах «Комсомольской правды» в течение нескольких месяцев. Поводом для этой дискуссии явилась напечатанная в № 140 от 19 июня 1928 г. заметка юнкора Цециора «Поразительно, как парень изменился». Автор заметки рассказывал о своем товарище, некоем Ч., ранее ходившем оборванным и грязным, а теперь, по

его мнению, ставшем «в полном смысле культурным человеком». С восхищением и многочисленными подробностями он описывал бытовую организованность этого Ч.:

«Обедает и ужинает каждый день. По вечерам переодевается и отправляется в кино либо в театр. Я никогда не замечал, чтоб он брал с собою девочку. Он их избегает... В получку примерно он получает 45 рублей, оставляет на еду 15 рублей, членский взнос в организацию и на развлечения — рублей 10, а остальные кладет на сберегательную книжку. Чрезвычайно бережливый, не хулиганит, не курит, не пьет. Прямо редкость для нашего строя! Побольше бы таких ребят было у нас в комсомоле».

В связи с этой заметкой в редакцию «Комсомольской правды» за три недели поступило двести писем. Одни возмущались («Цециор показал нам мещанина в комсомольской куртке»), ссылаясь при этом на строки Маяковского «Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь». Другие считали, что Ч. «еще может быть с нами, если на него обратят внимание лучшие комсомольцы». Третьи утверждали, что «называть мещанином того, кто строит свое благополучие своим трудом — абсурдно», и целиком защищали Цециора. 29 июня и 15 июля газета дала две подборки из этих писем. В редакционной статье, помещенной также 15 июля, газета формулировала свою точку зрения: «Мы не против сберкнижки, но мы даем тревожный сигнал, когда сберкнижка заслоняет общественность».

В ходе дискуссии выяснилось, что Цециор написал заметку о самом себе. Общественное негодование было столь велико, что над Цециором был устроен продолжавшийся два дня общественный суд. (Отчеты о нем помещены в № 193 и 194 «Комсомольской правды» от 21 и 22 августа под заголовком «Воинствующие мещане».) Выяснилось, что Цециор имел на тысячу рублей облигаций, копил деньги на золотые часы и в то же время заставлял голодать сестру, которую специально выписал из провинции, чтобы она его обслуживала. Заключительная подборка, в которой 4 октября было помещено стихотворение Маяковского, а также сообщение об исключении Цециора из комсомола, объединена развернутой редакционной «шапкой»: «Воинствующие мещане. Цена облигации и цена организации. Скупой рыцарь в комсомоле. Для чего нужен комсомольский билет. Мирная обитель или боевой отряд. Колесо цециоровской жизни. Чего добивается мещанин».

Расположение чернового автографа в записной книжке и другие данные дают основание считать, что стихотворение было в ос-

новном написано во второй половине августа (вероятно, в связи с судом над Цециором). Не исключено, однако, что оно дорабатывалось и позднее.

Проба (стр. 349). Газ. «Рабочая Москва», 1928, № 235, 9 октября.

В Собрание сочинений не вошло.

8 октября Маяковский читал это стихотворение по радио.

Написано в связи с возвращением на родину ледокола «Красин», спасшего экипаж потерпевшего аварию дирижабля «Италия» (см. примечания к стихотворению «Крест и шампанское», стр. 566—567 настоящего тома).

Строка 14. *«Малыгин»* — ледокол, участвовавший наряду с «Красиным» в поисках дирижабля «Италия»; назван в честь одного из первых русских исследователей Арктики С. Г. Малыгина (ум. в 1764 г.).

Зевс-опровержец (стр. 351). Черновой автограф чернилами в записной книжке 1928 г., № 63 (БММ); черновой автограф карандашом в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 37, октябрь; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Заглавие. *Зевс-опровержец.*— Здесь каламбурно обыгран один из эпитетов («громовержец»), которыми древние греки сопровождали имя своего верховного божества — Зевса.

В чем дело? (стр. 354). Неавторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 38, октябрь; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Поп (стр. 357). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф (БММ); неавторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 39, октябрь; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить» с исправлением разбивки строк по беловому автографу и машинописной копии.

Подлиза (стр. 359). Журн. «Крокодил», М. 1928, № 44, ноябрь, Сочинения, т. 7; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

С п л е т н и к (стр. 363). Журн. «Крокодил», М. 1928, № 47, декабрь; Сочинения, т. 7.; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Х а н ж а (стр. 367). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); неавторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Крокодил», М. 1928, № 48, декабрь; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

Расположение автографа в записной книжке № 62 не оставляет сомнения в том, что это стихотворение, как и другие сатирические стихи для «Крокодила», было написано Маяковским до отъезда за границу, то есть не позднее начала октября 1928 г.

С т и х и о р а з н и ц е в к у с о в (стр. 371). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); журн. «Чудак», М. 1929, № 2, январь; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Автографом этого стихотворения открывается в записной книжке № 64 группа стихов, написанных во время пребывания Маяковского в Париже осенью 1928 г. (см. примечание к стихотворению «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», стр. 594—595 настоящего тома).

Позднее Маяковский открыл этим стихотворением сборник «Туда и обратно». В сборнике оно имеет надзаголовок «Вместо предисловия».

С т и х о т в о р е н и е о п р о д а н н о й т е л я т и н е (стр. 372). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); беловой автограф в записной книжке 1928 г., № 65 (БММ); неавторизованная машинописная копия строк 104—139 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 292, 16 декабря; сб. «Туда и обратно»; беловой автограф строк 1—3, 13—15, 25—27, 37—39, 48—49, 65—67, 75—80, 85—88, 94—96, 104—105, 114—116, 124—126 в записной книжке 1929 г., № 67 (БММ); Сочинения, т. 8.

Беловой автограф в записной книжке № 67 представляет собой позднейшую запись-памятку первых строк двенадцати строф, сделанную Маяковским, повидимому, летом 1929 г. для чтения стихов на публичном выступлении.

Написано во время пребывания Маяковского в Париже (см. примечание к стихотворению «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», стр. 594—595 настоящего тома).

В «Комсомольской правде» стихотворение помещено вместе с

фотографиями плакатов, о которых упоминается в тексте стихотворения. Под фотографиями подпись: «Плакат, развешанный на улицах Парижа с извещением Мориса Лапорта — „Я — основатель комсомола, покидаю компартию“».

21 декабря в «Комсомольской правде» представитель комсомола Франции в КИМ Галопен напечатал корреспонденцию «Правда о Морисе Лапорте».

«...Морис Лапорт никогда не был основателем комсомола, как он это утверждает. Он был беззастенчивым авантюристом, который сумел обмануть доверие соцмола, когда последний присоединялся к III Интернационалу и КИМ.

На III съезде французского комсомола в мае 1923 г. он был отстранен от руководства комсомолом за растрату. В 1926 г. его исключили из французской компартии за кражу денег у членов партии.

В начале этого года полиция арестовала его за спекуляцию. Несколько часов спустя его освободили, и он открыто начал свою работу в качестве провокатора. Продавшись полиции, он выставил себя в качестве антикоммунистического делегата во время парламентских выборов...

...Лапорт продолжал свою клеветническую кампанию против коммунизма и русской революции. Он выпустил книгу под названием «Тайны Кремля» — набор клеветнических выпадов против членов партии и комсомола. Своими многочисленными аферами, за которые ему платит буржуазия, он безуспешно пытается дискредитировать революционные организации.

Изгнанный из наших рядов уже несколько лет, Морис Лапорт может претендовать лишь на прозвище *провокатора* и *вора*».

Строка 9. *Нуво-риш* (франц. nouveau riche — новый богач) — богач-выскочка, разбогатевший на сомнительных операциях.

Строки 33—36. *...раскупают американки разных наших князей Голицыных* — то есть ради титула выходят замуж за эмигрировавших после Октября за границу обнищавших аристократов.

Строка 96. *Ротшильды и Коти.*— Ротшильды — семья богатейших капиталистов-банкиров. Коти — крупный французский капиталист, владелец известной парфюмерной фирмы.

Строка 120. *Редерер* — марка шампанского.

Стихи о красотах архитектуры (стр. 376). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); журн. «Огонек», М. 1928, № 52, 23 декабря; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесены исправления: в строках 15—17 вместо «сияют веками на дворцовых медях»— «сияют векам на дворцовых медях»; в строках 95—96 вместо «Уймитесь, жена, угомонитесь» — «Уймись, жена, угомонись» (по автографу, журн. «Огонек» и сб. «Туда и обратно»); в строках 39—40 вместо «Громок парижских событий ход» — «Громок парижских событий содом» (по автографу).

Стихотворение написано во время пребывания Маяковского в Париже (см. ниже примечания к стихотворению «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви»).

В «Огоньке» проиллюстрировано документальными фотографиями.

Строки 7—9. *Пале ампир... пале ренесанс.*— Пале (франц. palais) — дворцы, палаты. Ампир — архитектурный и художественный стиль, возникший во Франции в годы империи Наполеона I. Ренессанс — стиль европейского искусства эпохи Возрождения (XIV—XVI вв.).

Строка 28. *Венсен* — район Парижа.

Строка 92. *Ажан* (франц. agent de police) — полицейский.

Строка 145. ... *новым Людовикам* — здесь в смысле: новым королям,— королям капитала (Людовик — имя многих французских королей).

Строки 154—158. См. выше примечание к строкам 7—9. ...*пале Луи Каторз* — то есть дворцы, построенные в отличавшемся изысканной сложностью форм и причудливостью орнамента стиле Людовика XIV— короля Франции с 1643 по 1715 г. (франц. Louis — Людовик, Quatorze — Четырнадцатый).

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви (стр. 381). Черновой автограф строк 68—77 в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); черновой автограф строк 1—58, 62—97, 107—121 в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); беловой автограф в записной книжке, помеченной ноябрем 1928 г. (хранится у Т. А. Яковлевой, Нью-Йорк); журн. «Молодая гвардия», М. 1929, № 1, январь.

Печатается по тексту журнала «Молодая гвардия» с исправлениями по черновому автографу: в строках 83—84 вместо «его, а не мужа Марьи Ивановны» — «его, а не мужа Марьи Иванны», в строке 117 вместо «Поднимает площадь шум» — «Подымает площадь шум».

Черновой автограф строк 68—77 является первоначальным

вариантом одной строфы. В записной книжке № 52 он расположен среди записей, относящихся к марту 1928 г.

О наличии белового автографа в записной книжке, хранящейся у Т. ⟨А. Яковлевой⟩, сообщил в 1955 г. в появившейся за рубежом небольшой статье Р. О. Якобсон (см. Harvard library bulletin, volume IX, Number 2, Spring 1955 — Бюллетень Гарвардской библиотеки, том IX, № 2, весна 1955 г.). Записная книжка, содержащая беловые автографы двух стихотворений (см. примечание к следующему стихотворению), была подарена Маяковским Т. А. Яковлевой во время его пребывания в Париже, то есть не позднее 3 декабря 1928 г. (дата его отъезда).

Поскольку черновые автографы стихотворений «Стихи о разнице вкусов», «Стихотворение о проданной телятине» и «Стихи о красотах архитектуры» были внесены в записную книжку № 64 раньше, чем стихотворение «Письмо товарищу Кострову о сущности любви» (расположение и особенности записи этих автографов не оставляют в этом сомнения), можно считать установленным, что и три перечисленных стихотворения были написаны в Париже не позднее ноября 1928 г.

Строка 3. *Костров* Тарас (псевдоним А. С. Мартыновского, 1901 — 1930) — критик и публицист. Редактор газеты «Комсомольская правда». В 1928 г. был одновременно редактором журнала «Молодая гвардия».

Строка 82. *Коперник* Николай (1473—1543) — великий польский астроном, объяснивший строение солнечной системы.

Письмо Татьяне Яковлевой (стр. 386). Черновые заготовки строк 1—2, 5—7, 12, 15—23, 41—46 в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); беловой автограф в записной книжке 1928 г., № 65 (БММ); беловой автограф в записной книжке 1928 г. (хранится у Т. А. Яковлевой).

При жизни Маяковского стихотворение не печаталось. Факсимиле его белового автографа, записанного в той же хранящейся у Т. А. Яковлевой записной книжке, что и беловой автограф стихотворения «Письмо товарищу Кострову...», воспроизведено при названной выше статье Якобсона в Бюллетене Гарвардской библиотеки (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Напечатано в журнале «Новый мир», М. 1956, № 4, апрель, по беловому автографу в записной книжке № 65.

Печатается по тому же автографу.

Яковлева Татьяна Алексеевна (род. в 1906), к которой обращено

это стихотворение, в 1925 г. по вызову своего отца, проживавшего в Париже, уехала из СССР и осталась за границей. Маяковский познакомился с Т. А. Яковлевой осенью 1928 г. в Париже. Последовавшая после его отъезда переписка продолжалась, как сообщает Р. О. Якобсон, до августа 1929 г.

Ответ на будущие сплетни (стр. 390). Черновой автограф строк 80—88 в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 65 (БММ); беловой автограф (БММ); журн. «За рулем», М. 1929, № 1, январь; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

О покупке Маяковским автомобиля пишет Л. Ю. Брик: «В одну из заграничных поездок Маяковский привез из Парижа автомобиль, такой маленький, что сам с трудом влезал в него согнувшись в три погибели. Маяковский был увлечен покупкой, писал о ней из Парижа письма и слал телеграммы.

Он телеграфировал 10 ноября 1928 года: «Покупаю Рено красавец серой масти 6 сил 4 цилиндра кондуит интерьер двенадцатого декабря поедет Москву». (Л. Брик, Из воспоминаний о стихах Маяковского, журн. «Знамя», М. 1941, № 4.)

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесены следующие исправления: в строках 41—46 вместо «Разят желтизною из медных глазниц. Глаза — не глаза, а жуть!» — «Разят желтизною из медных глазниц глаза — не глаза, а жуть!» (по беловому автографу и журн. «За рулем»). В строках 72—73 вместо «я, взяв под уздцы, кобылицу подам» — «Я, взяв под уздцы, кобылиц подам» (по автографам и сб. «Туда и обратно»).

Божественная картинка (стр. 393). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 297, 23 декабря.

В Собрание сочинений не вошло.

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда».

Написано в связи с протестом «Комсомольской правды» против постановления Московского губернского отдела труда, возглавлявшегося неким Лебитом. Согласно этому постановлению, два дня рождества — 25 и 26 декабря были объявлены нерабочими днями. Напечатано под карикатурой на Лебита.

Лыжная звезда (стр. 394). Газ. «Рабочая Москва», 1928, № 299, 25 декабря; Сочинения, т. 8.

Написано в связи с звездно-лыжным пробегом по Московской губернии.

Строка 57. *Стадион Томского* — теперь Стадион юных пионеров на Ленинградском шоссе в Москве. Томский М. П. (1880—1936) — в двадцатых годах председатель ВЦСПС (Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов). Впоследствии один из лидеров правой оппозиции.

Чье рождество? (стр. 396). «Рабочая газета», М. 1928, № 299, 25 декабря; Сочинения, т. 8.

Перепечатано в газете «Бурят-монгольская правда», Верхне-Удинск, 1929, 6 января.

Мразь (стр. 399). Газ. «Правда», М. 1928, № 300, 28 декабря; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить».

В «Правде» стихотворение помещено в «Листке Рабоче-Крестьянской инспекции», в составе большой подборки, озаглавленной «Положим конец взятке и казнокрадству». В том же «Листке» редакция «Правды» предупреждает о том, что «... взяткой нэпман и кулак пытаются разложить наш аппарат» (см. строки 19—23), напоминает, что «взятка на заводе — магарычи...— еще широко распространена на наших предприятиях» (см. строки 36—48), и призывает усилить рабочий контроль для борьбы со взяточничеством.

Строка 22. *Допр* — Дом предварительного заключения.

Баллада о почти что факте (стр. 401). Газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 301, 29 декабря; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

21 декабря 1928 г. «Комсомольская правда» выступила с подборкой «Отменен ли режим экономии?», в которой был приведен ряд примеров разбазаривания государственных средств и цитировалось принятое Центральным Комитетом ВКП(б) еще в апреле 1926 г. постановление «О борьбе за режим экономии». Стихотворение написано в связи с поднятой газетой кампанией и напечатано в подборке, озаглавленной «За режим экономии. Дутые цифры».

Строки 10—21. В 20-е годы часы швейцарского производства славились как самые лучшие. «*Языка швейцарского*» не существует (свыше двух третей населения Швейцарии говорит на немецком языке, остальные — на французском и итальянском).

Технике внимание видать ли? (стр. 403). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 1, 1 января.

Печатается по тексту «Комсомольской правды», где помещено в составе подборки, озаглавленной «Вооруженные наукой и техникой — в траншеи индустриализации».

Об обстоятельствах, при которых было написано это стихотворение, рассказал в заметке, помещенной в «Комсомольской правде» 14 апреля 1931 г., один из сотрудников редакции этой газеты, М. Перельштейн:

«Редакция готовит большой газетный удар. Выпускается полоса, посвященная организации «Дня техники». Вопрос новый. Нужно зажечь читателя перспективой технического вооружения, привлечь его внимание к технической революции. Требуется огневое слово Маяковского. В эти дни Владимир Владимирович был болен. На его квартиру отправляется сотрудник редакции. Он застает Маяковского в постели, хочет вернуться, но Маяковский расспрашивает, в чем дело.

Через день он приходит полубольной в редакцию, приносит стихи.

Стихи были срочно отправлены в набор. Над ними был заголовок: «Коммуну голыми руками не выстроишь». Поздно вечером, когда верстались страница, Маяковский позвонил в редакцию и спросил: «Какой заголовок дали стихотворению?» Получив ответ, Маяковский стал возражать:

— Главное не в этом. Дайте простой заголовок „Технике внимание видать ли?“».

НЕОКОНЧЕННОЕ

[Про школу и про учение (из чудной школы дрянные исключения)] (стр. 405). Черновой автограф в записной книжке 1928 г., № 62 (БММ); беловой автограф с новой значительной, но незаконченной правкой.

При жизни Маяковского не печаталось. Впервые опубликовано в IX томе Полного собрания сочинений Маяковского (1935), где оно ошибочно напечатано как законченное: не было принято во внимание что заглавие и строки 12—18 и 27—44 (то есть около трети текста) Маяковским были вычеркнуты, а одна строфа вписана красными чернилами на полях после строки 18. В действительности Маяковский, переписав стихотворение набело для печати, стал его еще раз перерабатывать, но эта работа осталась незавершенной. Поэтому

в настоящем издании стихотворение помещено в разделе «Неоконченное». Текст последней рукописи воспроизводится при этом также полностью, но зачеркнутые Маяковским строки взяты в квадратные скобки, а вставки и немногочисленные мелкие поправки оговорены в подстраничных сносках. (В раздел «Варианты и разночтения» вынесены только варианты чернового автографа.) Кроме того (по черновому автографу и по рифме), в тексте исправлена механическая описка самого Маяковского: вместо «Это видели и раньше» печатается «Это видели и раньше мы».

Стихотворение написано в сентябре 1928 г. Это явствует и из расположения его чернового автографа среди других черновых автографов, занесенных в записную книжку № 62, и из его содержания: оно текстуально перекликается с двумя статьями, напечатанными в «Комсомольской правде» 13 и 25 сентября 1928 г. (№ 213 и № 223).

В первой из этих статей «Школа в руках врагов» речь идет об одной из школ, оказавшейся в руках антисоветских людей. Заведующая этой школой охарактеризована как «типичная начальница гимназии», сумевшая «из школы сделать очаг враждебной нам идеологии». В статье сообщается, что уже поставлен вопрос о «немедленном увольнении «начальницы» и всех ее клевретов: учителей-мордобоев».

Во второй статье «Мещанин растет» говорится о нездоровых настроениях среди учащихся школ второй ступени: с одной стороны, все еще бытует передаваемая под партой порнографическая литература, с другой — среди девушек процветает жеманная, фальшивая «скромность» и мещанское кокетство.

«Противоречивый образ,—восклицает автор статьи,—опущенные глазки — и локончики, и пудра на носике... Один педагог, объезжавший недавно школы в районе Киева, во всех школах встретил только что разосланные, свеженькие прейскуранты ТЭЖЭ».

Стихотворение несомненно предназначалось для «Комсомольской правды». Внешние особенности рукописи (правка красными чернилами и карандашом по тексту, написанному лиловыми чернилами) делают очень вероятным предположение, что Маяковский начал править уже подготовленную к печати рукопись непосредственно в редакции. Возможно, что он вычеркнул строфы под влиянием критических замечаний редакционных работников. Но возможно и другое: ознакомившись с вновь поступавшими в редакцию откликами читателей на названные выше статьи газеты, он сам увидал, что отдельные строфы неоправданно резки или могут дать не тот эффект, на который рассчитывал автор (строки о романе Каллиникова из мо-

настырской жизни). По какой причине переработка не была доведена до конца и стихотворение не появилось на страницах «Комсомольской правды», остается также невыясненным.

К строкам 33—34 — см. примечания к стихотворению «Сердечная просьба» (стр. 544 настоящего тома).

ПЛАКАТЫ

5 марта 1928 г. издательство «Вопросы труда» заказало Маяковскому тексты плакатов по санитарии и гигиене и 29 марта утвердило тексты и эскизы четырех плакатов: «Сор — в ящик», «Береги бак», «Мой руки», «Плюй в урну».

Впервые тексты плакатов были опубликованы в газете «Рабочая Москва» (см. ниже) с иллюстрациями Маяковского под общим заголовком «Будем культурны и в мелочах»; в 4 томе Сочинений тексты плакатов объединены заголовком «Мелочь».

Плакаты с рисунками худ. А. Левина были выпущены издательством «Вопросы труда» в том же году в серии «Гигиена труда».

Печатаются по тексту 4 тома Сочинений с воспроизведением рисунков Маяковского.

Сор — в ящик (стр. 411). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); неавторизованная машинописная копия (ИМЛИ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 94, 22 апреля; плакат изд. «Вопросы труда»; Сочинения, т. 4.

Береги бак (стр. 412). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); неавторизованная машинописная копия (ИМЛИ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 94, 22 апреля; плакат изд. «Вопросы труда»; Сочинения, т. 4.

В настоящем издании в текст 4 тома Сочинений внесено исправление опечатки: в строке 14—15 вместо «И висит у бака бочки»— «И висит у бока бочки» (по всем остальным источникам).

Мой руки (стр. 414). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 94, 22 апреля; плакат изд. «Вопросы труда»; Сочинения, т. 4.

В настоящем издании в текст 4 тома Сочинений внесено исправление опечатки: в строке 11—12 вместо «к нам отправляется в живот»—«к нам отправится в живот» (по всем остальным источникам).

П л ю й в у р н у (стр. 415). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ); неавторизованная машинописная копия (ИМЛИ); газ. «Рабочая Москва», 1928, № 94, 22 апреля; плакат изд. «Вопросы труда»; Сочинения, т. 4.

О т д ы х а й ! (стр. 417). Беловой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 52 (БММ). Опубликовано без заглавия в сб. «Маяковский. Материалы и исследования». Изд. АН СССР, М. 1940.

Два текста на тему о рациональном отдыхе, повидимому, были заказаны Маяковскому одновременно с приведенными выше текстами четырех санитарных плакатов: автографы всех пяти тем записаны подряд на одном листке в записной книжке № 52.

Печатается по беловому автографу в записной книжке № 52.

П о ж а р н ы е л о з у н г и (стр. 418—421). Черновой автограф лозунгов 1—7 (строки 1—38) в записной книжке 1928 г., № 59 (БММ); авторизованная машинописная копия лозунгов 1—12 «Для города» (БММ); плакаты с лозунгами 3,13—16, изд. Наркомвнудела, М. 1928.

Лозунги 1—12 печатаются по авторизованной машинописной копии, где они перепечатаны подряд и имеют подзаголовок: «Для города». Лозунги 13—16 печатаются по тексту плакатов и, как явствует из рисунков, предназначались для деревни. Поскольку в машинописи они не сохранились, соответствующий подзаголовок проставлен в квадратных скобках.

Расположение автографов лозунгов 1—7, сохранившихся в записной книжке № 59, дает возможность датировать эти лозунги (и предположительно — все остальные) июнем 1928 г.

РЕКЛАМА

[Г а з е т а «П и о н е р с к а я п р а в д а»] (стр. 425). Рекламный плакат. Выпущен в 1928 г.

Печатается по тексту плаката.

На плакате изображен пионер в форме милиционера, останавливающий уличное движение.

ОЧЕРК

Р о ж д е н н ы е с т о л и ц ы (стр. 429). Авторизованная машинописная копия (ЦГАЛИ); газ. «Ленинградская правда», 1928, № 19, 22 января.

Печатается по тексту газеты «Ленинградская правда».

Очерк написан после лекционной поездки Маяковского в конце 1927 г. по маршруту Харьков—Ростов—Новочеркасск—Таганрог—Армавир—Баку—Тифлис. В Баку Маяковский за четыре дня (с 4 по 7 декабря) выступил семь раз.

Стр. 429. *Симферополь* — был столицей существовавшей до 1945 г. Крымской АССР.

Стр. 430. ...*в Баку, после вечера в бывшем особняке бывшего миллионера.*—Речь идет о первом выступлении Маяковского в Баку 4 декабря с чтением поэмы «Хорошо!» в бывшем доме нефтепромышленника Мусы Нагиева. Адрес этого «бывшего особняка» сокращенно записан Маяковским в записной книжке № 51: «Б⟨ывший⟩ д⟨ом⟩ Муса Нагиева Николаевская ул⟨ица⟩ у Парапета «Исмаилья» Дворец культуры».

...*желоночная добыча нефти* — подъем нефти из скважины при помощи желонки, примитивного прибора, напоминающего ведро.

...*«беру манташевские, даю манташевские!»* — Речь идет о биржевых спекуляциях акциями бывшего нефтепромышленника Манташева.

Стр. 431 *Я видел Баку 24-го года.*—В 1924 г. Маяковский в Баку не выступал, но, возможно, останавливался на обратном пути из Тифлиса, где он был в начале сентября 1924 г. Не лишено также вероятия, что 24-й год назван ошибочно и Маяковский имеет в виду свое посещение Баку в феврале 1926 г. Дальнейший текст подтверждает это предположение, так как с председателем *АзЦИКа* (Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета Советов) *Агамали Оглы* поэт познакомился в 1926 г.

Тов. Киферис — Тиферис Л. Л. (ум. 1956) — в 1927 г. один из руководителей технической реконструкции бакинской нефтяной промышленности. *Групповой привод* — метод глубоконасосной эксплуатации, при котором от одного привода (мотора) эксплуатируется несколько (группа) скважин.

Азпролеты — азербайджанские пролетарские поэты.

...*восточные сладости, вывозимые отсюда Есениным.*— Маяковский имеет в виду сборник стихов С. А. Есенина «Персидские мотивы». Стихи, вошедшие в этот сборник, были написаны Есениным в 1924 г. в Баку.

... *от необычайности зрелища.* —Речь идет о первой в СССР электрифицированной в 1926 г. железной дороге между Баку и его рабочими пригородами — Сабунчи — Сураханы.

Стр. 432. *Яков Шведов* (род. в 1905 г.)— советский писатель.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] В первой колонке цифр указываются страницы текста, во второй — вариантов, в третьей — примечаний.

НЕОКОНЧЕННОЕ

ПЛАКАТЫ *(1928)*

РЕКЛАМА *(1928)*

ОЧЕРК *(1928)*

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ

Полное собрание сочинений. Том 9

Редактор тома В. Дувакин

Редактор *К. Малышева*

Оформление художника *Б. Воронецкого*

Художественный редактор *И. Жихарев*

Технический редактор *Г. Архангельская*

Корректор *Т. Кузина*

*

Сдано в набор 17/III 1958 г.
Подписано к печати 30/VI 1958 г.
Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$ 19,13 печ. л.
31,37 усл. печ. л. 28,16 уч.-изд. л.
+ 12 вклеек = 28,76 л.
Тираж 190 000 экз. Заказ № 1620
Цена 11 р. 65 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19

*

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28

